

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Антропологии Anthropologies

№ 2
2024

www.anthropologies.ru

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2 (2024)

Главный редактор **Сергей Алымов**
(ИЭА РАН)

Соредактор **Елена Филиппова**
(ИЭА РАН)

Технический редактор **Елена Юрина**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дмитрий Арзютов
(Университет штата Огайо)

Эльза-Баир Гучинова
(ИЭА РАН)

Светлана Рыжакова
(ИЭА РАН)

Анна Круглова
(PhD)

Игорь Кузнецов
(Кубанский государственный университет,
Институт языкознания РАН)

Ксения Пименова
(Университет Париж X - Нантер)

Ольга Христофорова
(РГГУ/РАНХиГС)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Брюс Грант
(Нью-Йоркский университет, США)

Сергей Ушакин
(Принстонский университет, США)

Питер Швайцер
(Венский университет, Австрия)

Дмитрий Функ
(Московский государственный
лингвистический университет)

Наталья Жуковская
(ИЭА РАН)

Аня Бернштейн
(Гарвардский университет, США)

Катрин Бун-Маркузе
(Университет Вашингтона, США)

ОТДЕЛ РЕЦЕНЗИЙ

Мария Мочалова
(ИЭА РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера: «Этнография и этнографы Новосибирского научного центра. Имена, издания, тренды». Ответственный редактор И.В. Октябрьская.

И.В. Октябрьская

С чего начинается этнография. Из истории Новосибирского научного центра 5

А.С. Пилипенко

Этногенетические реконструкции методами палеогенетики: история, современное состояние и перспективы. Опыт Новосибирского научного центра 28

Е.Ф. Фурсова

Сибирскость русского и других восточнославянских народов в Сибири: история и проблемы изучения. 44

А.П. Чемчиева

Этносоциальные исследования в Сибири. Наследие В.И. Бойко 56

Е.В. Самушкина

Проблемы сохранения культурного наследия. Опыт Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия 72

В.А. Бурнаков, И.В. Октябрьская

Традиционное мировоззрение хакасов. История изучения и современные подходы 88

Статьи

А.В. Туторский

Биографическое интервью и антропология добра: точки соприкосновения 111

Архив

И.В. Кузнецов

Ранний Боас 131

Франц Боас

Цели этнологии 145

Рецензии

М.А. Мочалова

Рецензия на книгу: Laurajane Smith. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. Routledge, London; New York, 2021. 352 p. 170

В. Танайлова

Влияние диктатуры на управление наследием. Рецензия на книгу: Minjae Zoh, The Impacts of Dictatorship on Heritage Management. Vernon Press, 2020. 246 p. 177

INSTITUTE OF ETHNOLOGY
AND ANTHROPOLOGY
RAS

№ 2 (2024)

Editor-in-Chief **Sergei Alymov**
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Co-editor **Elena Filippova**
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Copy-editor **Elena Yurina**

EDITORIAL BOARD

Dmitry Arzyutov
(The Ohio State University)

Elsa-Bair Guchinova
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Svetlana Ryzhakova
(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS,
Russia)

Anna Kruglova
(PhD)

Igor Kuznetsov
(Kuban State University/Institute of Linguistics, RAS,
Russia)

Ksenia Pimenova
(Université Paris Nanterre)

Olga Khristoforova
(Russian State University for Humanities/Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Russia)

ADVISORY BOARD

Bruce Grant
(New York University, USA)

Serguei Oushakine
(Princeton University, USA)

Peter Schweitzer
(University of Vienna, Austria)

Dmitry Funk
(Moscow State University
of Linguistics)

Nataliya Zhukovskaya
(Institute of Ethnology and
Anthropology, RAS, Russia)

Anya Bernstein
(Harvard University, USA)

Kathryn Bunn-Marcuse
(University of Washington, USA)

REVIEWS

Maria Mochalova
(Institute of Ethnology and
Anthropology, RAS)

CONTENTS

Theme of the issue: «Ethnography and ethnographers of the Novosibirsk scientific center. Names, publications, trends». Guest editor Oktiabr'skaia I. V.

Oktiabr'skaia I. V.

Where does ethnography begin? From the history of the Novosibirsk Scientific Centera 5

Pilipenko A. S.

Ethnogenetic reconstructions by paleogenetic methods: history, current state and prospects. The experience of the Novosibirsk Scientific Center 28

Fursova E. F.

The Sibirism of the Russians and other East Slavic peoples in Siberia: history and problems of study 44

Chemchieva A. P.

Ethnosocial Studies in Siberia. The Legacy of V.I. Boyko 56

Samushkina E. V.

Problems of preservation of cultural heritage. The experience of the Altai Republic, the Republic of Tyva, the Republic of Khakassia 72

Burnakov V. A., Oktiabr'skaia I. V.

The traditional worldview of the Khakassians. The history of the study and modern approaches 88

Articles

Tutorski A. V.

Biographical interview and anthropology of the good: points of contact 111

Archive

Kuznetsov I. V.

Early Boas 131

F. Boas

The Aims of Ethnology 145

Reviews

Mochalova M. A.

Book Review: Laurajane Smith. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. Routledge, London; New York, 2021. 352 p. 170

Tanailova V. A.

Book Review: Minjae Zoh, The Impacts of Dictatorship on Heritage Management. Vernon Press, 2020. 246 p. 177

Тема номера:

«Этнография и этнографы Новосибирского научного центра. Имена, издания, тренды». Ответственный редактор: И.В. Октябрьская

© И.В. Октябрьская

С чего начинается этнография. Из истории Новосибирского научного центра

Ключевые слова: Новосибирский центр этнографии, история становления, многообразие методов и подходов, коренные народы Сибири, русские старожилы и переселенцы, междисциплинарные интеграционные проекты

Статья посвящена исследованию истории науки. Речь идет о формировании и развитии Новосибирского центра этнографии. Он сложился во второй половине XX в. в ходе становления Сибирского отделения Академии наук СССР, затем — Российской академии наук. Лидирующие позиции в нём занял отдел этнографии Института истории, философии и филологии СО АН СССР, затем — Института археологии и этнографии СО РАН. Отдел опирается на ресурсы Новосибирского государственного университета; активно сотрудничает с академическими и университетскими центрами России и зарубежья. С момента образования и до настоящего времени он ориентируется на системное изучение процессов становления и развития народов Урала и Сибири шире — Центральной Азии. Решение фундаментальных проблем прошлого и актуальных проблем современности на основе полипарадигмального подхода в рамках интегративных междисциплинарных проектов определяет его специфику и перспективы.

Новосибирский центр этнографии сложился во 2-й половине XX в. в ходе становления Сибирского отделения Академии наук СССР. Его возникновению предшествовал долгий этап собирания сил и ресурсов, который сопровождал развитие Новониколаевска/Новосибирска. Известно, что своим рождением город был обязан строительству Транссибирской магистрали. Он возник в 1893 г. как посёлок у строящегося железнодорожного моста через Обь; в 1894 г. получил название Александровский, в 1895 г. был переименован в Новониколаевский; в 1903 г. получил статус безуездного города Новониколаевска. По итогам революционных преобразований, в ходе советизации региона, в январе 1921 г. Сибирское бюро РКП (б) приняло решение о переносе центра управления Сибирью из Омска в Новониколаевск с переводом сюда административных, культурных, образовательных и прочих учреждений. В 1921 по 1925 гг. город был центром Новониколаевской губернии; в 1925 г. обрел и новое имя — Новосибирск, и новый статус — столицы Сибирского

Октябрьская Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИАЭТ СО РАН. e-mail: siem405@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-4190-9478>

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022–0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Для цитирования: Октябрьская И.В. С чего начинается этнография. Из истории Новосибирского научного центра // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 5-27, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/5-27>

края. С начала XX в. город развивался стремительно; вкладывал силы и средства в развитие социокультурной, образовательной инфраструктуры; с 1930 по 1937 гг. был центром Западно-Сибирского края.

Накануне Первой Мировой войны в Новониколаевске действовали десятки начальных школ, женские гимназия и прогимназия, мужское реальное училище. Учительский институт в городе был открыт в 1917 г. и существовал до 1920 г. Одна за другой возникали общественные структуры, ориентированные на освоение региона. Ведущим среди них было отделение Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, созданного в 1908 г. в Санкт-Петербурге. В структуре столичного и региональных отделений действовали инородческая, юридическая, земская, экономическая и др. комиссии.

В 1918 г. при участии сотрудников Учительского института Новониколаевска возник кружок любителей мироведения, который стал частью российского движения, сделавшего ставку на системное описание мира от космологии до этнографии. К началу 1930-х годов оно было расформировано. Но в 1920 г. в городе обсуждалась перспектива Музея мироведения. В отделе народного образования города была выделена музейная секция, преобразованная в Центральный народный музей Новониколаевска, который имел общесибирский характер (*Скоцырский* 2019).

В 1917 г. в Иркутске состоялся Первый сибирский метеорологический съезд, который в действительности собрал ученых многих специальностей и поставил вопрос об организации Института исследования Сибири. Одним из заключительных в его работе стал доклад профессора Томского университета историка и этнографа П.Г. Любомирова. Подчеркнув, что изучением региона на тот момент занимались 34 структуры, автор указал на необходимость создания координационного центра — Института исследования Сибири (*Некрылов, Фоминых, Меркулов, Литвинов* 2012: 78).

Институт был открыт в январе 1919 г. в Томске при поддержке правительства Колчака. В его структуре был выделен историко-этнографический отдел, который имел своей целью: «изучение истории (включая археологию), быта, нрава, языка, словесности, верований, искусства народов Сибири (русского, иноплеменного и туземного ее населения) и охрану всякого рода памятников старины и документов прошлого и настоящего» (*Труды* 1919: 33). Впоследствии сотрудничество с колчаковским режимом обернулось трагедией для многих специалистов института. С утверждением в Сибири советской власти его деятельность была свернута, и летом 1920 г. распоряжением Сибревкома он был ликвидирован. Но идея координации научных исследований осталась.

Для решения этих проблем в марте 1921 г. был созван новый съезд исследователей Сибири. Он наметил план работ, отвечающий задачам хозяйственного освоения региона. В 1922 г. при Наркомпросе РСФСР открылось Центральное этнографическое бюро, ориентированное на всестороннее изучение народов Советского государства. В 1924 г. при Президиуме ЦИК образованного в 1922 г. СССР был создан Комитет содействия народностям северных окраин. Весной 1924 г. в Москве начало действовать Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока (*Октябрьская* 2022: 164–166). В самой Сибири в эти годы существовали Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский отделы Российского географического общества. При участии этих

структур под контролем государственного аппарата в 1920–1930-е годы осуществлялись исследования, сопровождавшие процесс советизации Сибири. Шла коренизация систем управления и образования; формировалась советская социокультурная инфраструктура.

С образованием в 1925 г. Сибирского края (включавшего территории Томской, Омской, Новониколаевской, Алтайской, Енисейской губерний и Ойротской автономной области) совпало создание в Новониколаевске (с декабря 1925 г. — Новосибирске) Общества изучения Сибири и ее производительных сил, которому передали Центральный народный музей, превращенный в Музей производительных сил Сибирского края. До конца 1930-х годов он был ведущим исследовательским и просветительским центром Западной Сибири. Комплектование его этнографического собрания было связано с именами В.А. Анзиминова, Н.Н. Нагорской, И.М. Сулова и др. Результатом взаимодействия этих структур стала программа этнографического обследования Сибирского края, подготовленная Е.Н. Орловой (*Овчарова* 2022: 123–124).

В контексте преобразования края Общество изучения Сибири и ее производительных сил было ориентировано на взаимодействие науки, образования и органов управления. Совместно с Бюро по изучению производительных сил при Крайплане оно было призвано осуществлять координацию системных многоотраслевых исследований в регионе, который находился в процессе административно-территориальной реструктуризации и социокультурной модернизации (*Красильников* 1988). Проблема координации обсуждалась в ходе Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда, который прошел в Иркутске в 1925 г. при поддержке Восточно-Сибирского отделения РГО. На заседаниях его историко-этнологической секции обсуждались вопросы истории территорий и особенности культуры населяющих их народов.

В декабре 1926 г. в Новосибирске был проведен Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд. В его работе принимало участие 326 делегатов (работники науки, партийные, советские хозяйственные руководители, деятели культуры) из всех уголков Сибири. На пленарном заседании съезда прозвучали доклады профессоров Томского технологического института М.А. Усова «Роль научно-исследовательской работы в деле развития народного хозяйства и индустриализации Сибирского края», Н.В. Гутовского «О подготовке научных работников для Сибири» и др. В секции «Человек» были заслушаны доклады ректора Иркутского университета Н.Д. Бушмакина «Особенности населения Сибири перед лицом индустриализации», приват-доцента Московского университета С.В. Бахрушина «Задачи исторического изучения Сибири», секретаря Сибплана в г. Новосибирске Ю. А. Кудрявцева «Хозяйство туземцев Сибкрая и пути его рационализации в связи с колонизацией и индустриализацией», руководителя Иркутского губернского статистического бюро, заведующего кафедрой экономической географии Иркутского университета К.Н. Миротворцева «Задачи демографического изучения туземцев Сибири» и др. (*Труды* 1928).

В целом программа съезда представляла собой обоснование стратегии изучения и освоения региона в единстве фундаментальных и прикладных разработок. В ней был намечен план развития производительных сил региона накануне индустриализации и разработана программа широкомасштабных комплексных исследований народонаселения.

В этом контексте методологическое значение имел доклад профессора Иркутского университета Б.Э. Петри «Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей». Он начинался словами: «Задачи дальнейшего изучения туземцев Сибири всецело обуславливаются тем огромным сдвигом, который произошел в гуманитарных науках в связи с революцией. ... Возвращаясь к туземным племенам Сибири, мы можем констатировать очень слабую их изученность вообще, а особенно их материального быта и, в частности, хозяйства. Обе эти предпосылки позволяют мне определенно наметить ближайшей задачей дальнейшего изучения туземцев — изучение их материальной культуры и, главным образом, хозяйства. ... Такое положение является и наиболее практичным — применительно к той ломке древнего быта наших туземцев, которую мы наблюдаем сейчас. Так или иначе, в общий круговорот индустриализации Сибири будут вовлечены и наши туземцы. Первыми исчезают древние формы хозяйства — духовная культура оказывается много прочнее. И мы, конечно, должны зафиксировать в первую очередь то, что быстрее навсегда скроется от глаз наблюдателя. Другим крупным поворотом научной мысли, обусловленным как революцией, так и переживаемым нами временем, является искание для каждой науки практического применения ее материала. Современный момент нам властно диктует обратить „все силы на новое строительство“. ... Подводя итоги сказанному выше, я позволю себе высказать следующее положение: как требование момента — хозяйственное строительство края, как требование современного материалистического подхода в этнографии, берущей исходным пунктом хозяйство народа... Современное изучение требует, с одной стороны, плановости в работе, с другой — однородного материала. Поэтому необходимо Сибирский край разбить на этнографические ячейки и приступить к сплошному изучению туземцев по однородной программе. ... Мы получаем из разных мест, от разных народов совершенно однородный, легко сравнимый материал и шаг за шагом, из года в год, заполняя „белые“ неисследованные ячейки на этнографической карте Сибири, приближаемся к той коллективной планомерной работе ученых, которая, единственная, сможет быть названа научно-поставленной» (*Труды* 1928: 113–117).

Программа Б. Э. Петри, опережая время, задавала алгоритм исследований, ориентированных на системное, целостное описание народов в единстве их эколого-хозяйственных и социокультурных характеристик. Обращение к «туземной этнографии» ради будущего Сибири волновало не только ученых, но и творческие круги Сибири. В марте 1926 г. в Новосибирске состоялся Первый Всесибирский съезд писателей, принявший решение организовать Сибирский союз писателей, позднее преобразованный в Новосибирское отделение Союза писателей России. В 1927 г. при участии только что организованного общества художников «Новая Сибирь» были проведены Всесибирская художественная выставка и Первый Сибирский съезд художников. В числе их организаторов были художники — супруги Н.Н. Нагорская и А.В. Воцаркин, которые к тому времени имели большой опыт полевых этнографических и художественных исследований на Алтае и в Хакасии.

При открытии съезда приветственное слово от Общества по изучению производительных сил Сибири произнес Т.И. Черемных: «Между работой краеведа и работой художника много общего. У нас одна цель — дать всестороннее и полное представление о Сибири, вы в красках, мы — в научных

трактатах. И метод работы в основном у нас общий — исследование. Разница в том, что научная общественность старше, имеет свою историю, накопленный опыт, в лице ВСОРГО они недавно праздновали 75-летний юбилей. Ваша общественность еще молода. На научно-исследовательском съезде мы нашли пути к объединению научно-исследовательской деятельности. Вы находитесь в периоде исканий, стремясь к объединению художников края» (*Первый сибирский съезд художников 1927*: 205).

От писательского сообщества к съезду обратился секретарь правления Сибирского союза, в будущем редактор журнала «Сибирские огни» В.А. Итин. Он подчеркнул: «Мы живем не только в революции, но и в Сибири. У нас двойной пафос. Не говоря о том, что в Сибири упорнее всего была гражданская война, не говоря об этих темах, мы вообще стоим перед не открытой еще страной. Если Сибирь на 90% не исследована, то она не зарисована на 99,99%. В живописи больше звучит Алтай; но ведь какие есть возможности! На севере я видел сочетание красных скал, голубого моря, льда, цветущих маков и зеленой, как бархат, тундры. Дикие самоедские мольбища в северных пустынях кричат громче черепов Рериха. Путь художника в Сибири так же, как путь ученого и писателя, это — путь исследователя. Наши съезды дополняют друг друга. Поэтому я от имени сибирского союза писателей с особой радостью приветствую Первый Съезд сибирских художников» (*Первый сибирский съезд художников 1927*: 206).

Проведенные один за другим съезды ученых, литераторов и художников обозначили перспективу консолидации творческих сил региона на уровне формирующегося Новосибирского культурного и научного центра.

С 1930 г. в ходе административной реформы Сибирский край был разделен на западную и восточную части. В 1937 г. была образована Новосибирская область, из состава которой выделились в 1943 г. Кемеровская, а в 1944 г. — Томская области. Новосибирск, став центром области, развивался ускоренными темпами как индустриальный и транспортный центр на востоке страны, притягивая все новые и новые ресурсы. Государство взяло под контроль организацию науки и сделало ставку на ее централизацию. В 1931 г. был создан Научный комитет при Западно-Сибирском Крайисполкоме (*Курочкина 1968; Красильников 1988*). Общество изучения Сибири и ее производительных сил вступило в полосу реорганизации. В Новосибирске, Томске, Омске, Иркутске прошла серия арестов. По обвинению в шпионаже, в контрреволюционной деятельности были осуждены многие ученые и деятели культуры. Был расстрелян Б.Э. Петри. Общество изучения Сибири самораспустилось и передало основные функции вновь созданному Западно-Сибирскому бюро краеведения. Его основной площадкой стал Новосибирский музей, который изменил свой статус — стал Западно-Сибирским краевым музеем; с 1937 г. — Новосибирским областным краеведческим музеем.

Научные центры возникли во многих вновь созданных автономиях Сибири. Разработка сюжетов социокультурной и социально-политической модернизации народов края определяла содержание регионального академического дискурса. Актуальными стали проблемы их происхождения и развития. В 1938 г. в АН СССР была учреждена Комиссия по проблемам этногенеза под председательством чл.-корр. А.Д. Удальцова. В 1940 г. состоялось созданное

комиссией совещание по этногенезу народов Севера с участием сотрудников ведущих научных центров страны, среди которых был будущий академик, а тогда — канд. ист. наук, сотрудник Ленинградского отделения Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР А.П. Окладников. В его докладе, как и в выступлениях коллег, нашли отражение методы интерпретации археологических и этнографических материалов, сопоставление которых позволило обозначить преемственные связи между древними и современными народами. На совещании рассматривались проблемы происхождения эвенков, якутов, чукчей, коряков и т. д. В его резолюции было отмечено, что работа по изучению народов Севера должна приобрести плановый характер (*Толстов 1941: 3–5*).

В последующие десятилетия этногенетическому направлению по-прежнему придавалось большое значение. Директор созданного в 1943 г. московского Института этнографии С.П. Толстов на уровень академических приоритетов вывел проблему изучения прошлого, которое следовало рассматривать в связи с оценкой настоящего. В 1946 г., провозгласив сложившейся советскую школу в этнографии, главной ее отличительной чертой он назвал историзм, требующий исследования культуры каждого народа (*Алымов 2009*).

В 1949 г. в журнале «Советская этнография» вышла статья одного из лидеров советской этнографии С.А. Токарева «К постановке проблем этногенеза», где была обозначена перспектива решения проблем этногенеза каждого народа на основе междисциплинарного взаимодействия. После публикации в том же журнале 1951 г. статьи С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова «Методология этногенетических исследований на материалах этнографии в свете работ И.В. Сталина о языкознании» в освоении этногенетической проблематики начался новый этап развития (*Октябрьская, Романова 2020*).

Особенно активно это направление начало разрабатываться в рамках исследований, развернувшихся в соответствии с постановлением Президиума АН СССР 1954 г. «Об усилении научно-исследовательских работ по Советскому Северу». В 1950-е годы интерес к Сибири был связан с ее включением в единый народнохозяйственный промышленно-транспортный, энергетический комплекс страны. Следуя официальным директивам, в составе Института этнографии АН СССР в 1955 г. был выделен сектор изучения социалистического строительства у малых народов Севера, впоследствии переименованный в сектор Крайнего Севера и Сибири. Его возглавил Б.О. Долгих — к тому времени признанный властью и академическим сообществом ученый. Под его руководством на основе комплексной экспертизы выполнялись прикладные разработки, одновременно закладывались основы этногенетических и этноисторических исследований (*Пивнева 2022*).

Изучение Сибири приобрело широкомасштабный характер с созданием в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР (СО АН СССР). Его становление началась в годы войны, когда сотни ученых были эвакуированы на восток. В 1943 г. был создан Западно-Сибирский, в 1949 г. — Восточно-Сибирский и Якутский филиалы АН СССР. Они обеспечивали сопровождение процессов модернизации азиатской части России. В 1957 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», в котором отмечалось, что

на основе ленинской национальной политики эти народы достигли успехов в экономике и культуре, но возможности для их всестороннего развития не исчерпаны. Запрос государства на экспертизу ресурсов и состояния народонаселения Сибири определял создание системы научной поддержки освоения края. В 1959 г. при Президиуме СО АН СССР была создана комиссия по общественным наукам; в 1961 г. в Институте экономики и организации промышленного производства образован сектор истории промышленности; позже — отдел гуманитарных исследований. Его возглавил приглашенный из Ленинграда А. П. Окладников (*Октябрьская* 2022: 170–171).

Рожденный в семье сельского учителя в Якутии, на Лене, юность А.П. Окладников провел в Иркутске, учился в Иркутском университете; посещал кружок «Народоведение» профессора Б.Э. Петри. Научную карьеру начал с заведования Иркутским музеем; был аспирантом, затем сотрудником Института исследований материальной культуры (ИИМК) АН СССР. В 1940-е годы он осуществлял руководство Ленской историко-археологической экспедицией. В 1947 г. защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к Русскому государству»; занимал должность заместителя директора, заведующего Ленинградским отделением ИИМК АН СССР; накануне переезда в Сибирь возглавлял сектор палеолита. Начало его работы в Новосибирске было связано с организацией широко-масштабных археологических и этнографических экспедиций в зоне создания промышленно-энергетического пояса Сибири. В 1966 г. уже в статусе чл.-корр. (затем академика АН СССР, Героя Социалистического Труда) он стал директором Института истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР в структуре Новосибирского научного центра (*Деревянко, Медведев, Молодин* 2008).

Сибирское отделение создавали в городе, который к середине XX в. уже обладал значительным промышленным, культурным, образовательным потенциалом; в 1962 г. он перешагнул миллионный рубеж и считался «центром Сибири». В Новосибирске к тому времени существовали 16 вузов (и филиалов), в том числе открытый в 1958 г. Новосибирский государственный университет (НГУ), ставший базовым для СО АН СССР.

Проектируя гуманитарное направление нового научного центра, А.П. Окладников вместе с единомышленниками (чл.-корр. АН СССР лингвистом В.А. Аврориним и известным философом Г.А. Свечниковым) реализовали программу комплексных исследований, которая обсуждалась еще в начале XX в. при создании Института изучения Сибири, а затем Общества изучения Сибири и ее производительных сил. В структуре ИИФФ СО АН СССР были выделены отделы филологии, истории и философии. Самостоятельным подразделением стал Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, который включал постоянную экспозицию и историко-этнографический комплекс под открытым небом. Он формировался при поддержке Новосибирского краеведческого музея, где с 1920-х годов велась активная работа по изучению Сибири.

С момента образования ИИФФ СО АН СССР базой для подготовки этнографов стал гуманитарный факультет НГУ. Под руководством А.П. Окладникова в 1962 г. на факультете была образована кафедра истории; в 1971 г. из нее была выделена кафедра всеобщей истории, которая долгие годы оставалась

площадкой формирования профессиональных археологов и этнографов. Позднее на факультете возникла профильная кафедра археологии и этнографии. В разные годы с лекциями перед студентами факультета выступали известные археологи, этнологи, антропологи России — М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, С.А. Токарев, И.С. Гурвич и др. (*Октябрьская* 2018).

С 1970-х годов в рамках гуманитарного факультета НГУ формировалась система образования, нацеленная на синтез археологии, этнографии и истории и ориентированная на концепцию непрерывного освоения Сибири с эпохи первоначального расселения человека. Этот принцип был положен в основу издания «История Сибири с древнейших времен до наших дней», подготовленного к печати в 1968–1969 гг. при участии исследователей, представляющих многочисленные научные центры Сибири и страны в целом. Пятитомная «История» стала первым в России комплексным описанием региона. Фундаментальный труд в 1973 г. был отмечен Государственной премией СССР, переданной в Фонд мира.

В 1979 г., пытаясь объяснить концепцию издания для широкого круга читателей, А.П. Окладников сформулировал «принцип трех открытий Сибири»: первое было сделано «прасибиряками» в ходе антропо- и культургенеза, второе — первопроходцами, создателями «русской Сибири». «Третье открытие Сибири, — писал А.П. Окладников, — настоящее ее открытие для будущего, происходит на наших глазах. Оно началось в октябре 1917 года и продолжается сегодня, будет продолжаться и дальше. Его содержание — всемирно-исторический подвиг советских людей по социалистическому преобразованию Сибири, по превращению ее в плацдарм строительства нового, коммунистического общества» (*Окладников* 1981: 3). В целом, история Сибири — это «история не только огромной страны, не только колоссальных ее пространств и их освоения, но и всего этого разноязычного и разнокультурного множества племен и народов. А вместе с тем история их сложных связей и отношений с народами не только соседних, но нередко и весьма отдаленных стран Востока и Запада. Короче, это неотъемлемая, значительная часть всемирной истории. История Сибири столь же обширна по масштабам, по сложности стоящих перед исследователями проблем, сколь мало изучена и исследована. Во многом еще таинственная и загадочная, она полна «белых пятен», провалов и пробелов часто на самых интересных, наиболее важных ее страницах. Соответственно всевозрастающей роли Сибири в современности, в строительстве нового, социалистического общества увеличивается, растет непрерывно и заинтересованность историей ее народов, как у нас, так и за рубежом» (*Окладников* 1981: 8–9).

С поправкой на актуальную идеологию, специалисты Новосибирского центра рассматривали освоение Сибири как динамичный, растянувшийся на тысячелетия процесс; выделяли этапы становления и трансформации ее народонаселения с древности до исторической реальности. Исследования ИИФФ СО АН СССР были согласованы с программой ряда советских научных центров, в том числе сектора Крайнего Севера и Сибири ИЭ АН СССР, где под руководством И.С. Гурвича осуществлялись этногенетические и этно-исторические исследования. В 1966 г. И.С. Гурвич, активно сотрудничавший с А.П. Окладниковым со времен Ленской экспедиции, защитил докторскую диссертацию «Этническая история Северо-Востока Сибири».

Методология исследований в этой области обсуждалась в ходе междисциплинарной конференции «Этногенез народов Северной Азии», проведенной в Новосибирске в 1969 г. В 1980 г. с участием широкого круга специалистов под редакцией И.С. Гурвича вышла монография «Этногенез народов Севера»; в 1982 г. — «Этническая история народов Севера». Проблематика этих изданий оставалась актуальной для исследований ряда научных центров, в том числе для ИИФФ СО АН СССР на всем протяжении его существования (Окладникова, Романова 2020).

В серии публикаций одного из первых сотрудников института востоковеда А.Г. Малявкина на материалах китайских хроник была представлена история уйгуров. По данным археологии Дальнего Востока Е. И. Деревянко была воссоздана история средневековых мохэ и чжурчженей; и по итогам в 1982 г. подготовлена работа «Племена Приамурья в I тыс. н. э. (очерки этнической истории и культуры)», которая стала первой докторской диссертацией по специальности «этнография», защищенной сотрудником института.

С 1977 по 1981 г. по приглашению А.П. Окладникова в ИИФФ СО АН СССР работала Г.И. Пелих. С ее именем было связано становление этнографического образования в Томском университете (ТГУ). В 1945 г. она окончила университет; в 1953 г. — аспирантуру при Ленинградском отделении ИЭ АН СССР; в 1954 г. защитила кандидатскую, в 1972 г. — докторскую диссертацию по этнографии селькупов. Ретроспективный подход определил содержание ее программной монографии «Происхождение селькупов» (1972 г.). Опираясь на актуальную для палеоэтнографических исследований методику этнической идентификации различных источников (утварь, орнаментика, мифология и т.д.), Г.И. Пелих реконструировала несколько разновременных (принадлежавших к культурам Северной Азии и Ближнего Востока) комплексов в становлении селькупов (Галкина, Топчий 1999).

Принципы многофакторности и стадийности процессов этногенеза осваивались в российской этнологии на протяжении нескольких десятилетий. Они, кроме прочего, определяли программу созданной в 1968 г. Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ. При участии ее сотрудников в 1970 г. было организовано Западносибирское археологическое совещание, с 1975 г. — Западносибирская археолого-этнографическая конференция. На протяжении многих лет она являлась (и остается) площадкой междисциплинарного, межрегионального диалога. В промежутках между конференциями действовал Координационный совет, утвержденный в 1981 г. Изначально его возглавлял акад. А.П. Окладников (позже акад. А.П. Деревянко).

Влияние этой конференции на археолого-этнографические исследования в регионе было весьма значительным. С 1980-х годов они приобретали все более масштабный характер. Их развитие было связано с творчеством В.И. Молодина, который, начав с аспирантуры А.П. Окладникова, стал академиком РАН и создал научную школу, ориентированную на изучении древней истории, процессов культур- и этногенеза Сибири. В своих работах В.И. Молодин сформулировал концепцию автохтонного происхождения обских угров, связав истоки их этногенеза с кулайской культурой.

Проведение фундаментальных исследований сочеталось с прикладной этнографией. Для организации подобных работ в 1961 г. А.П. Окладников пригласил в Новосибирск Е. П. Орлову¹ — этнографа с огромным опытом полевой работы. Она принадлежала к ленинградской этнографической школе, к поколению учеников Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. В 1920-е гг. вела исследования на Дальнем Востоке; в 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию «Камчадалы-ительмены»; затем служила в Арктическом институте, в Государственном музее этнографии народов СССР возглавляла отдел этнографии Сибири и Дальнего Востока. Став сотрудником СО АН СССР в 1961 г., Е.П. Орлова осуществила ряд экспедиций на Камчатку и Командорские острова. В Новосибирске в 1964 г. была опубликована ее монография «Чукотская, корякская, алеутская резная кость». После исследования вернулась в Ленинград (*Коньшева 2012*).

Работы историко-этнографического отряда Дальневосточной экспедиции продолжил В.А. Тимохин. Выпускник Ленинградского университета, он возглавлял Музей ИИФФ СО АН СССР; формировал коллекции по этнографии тунгусо-манчжурских народов долины Амура; в 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проведение ленинской национальной политики среди малых народов низовий Амура».

К числу основателей гуманитарного отдела СО РАН принадлежала Е.М. Тошачкова — первый профессиональный этнограф из среды алтайцев. Свою карьеру она начинала преподавателем алтайского языка и географии; закончила исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина; в 1955 г. защитила кандидатскую диссертацию «Общественное и семейное положение женщины у южных алтайцев»; занимала должность директора Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы; с 1961 г. работала в Новосибирске; принимала участие в проведении археолого-этнографических исследований (*Фурсова 2019*).

Открывая культуры Сибири, восстанавливая прошлое региона, исследователи опирались на методологию целостного описания народов в динамике их развития, когда-то предложенную Б.Э. Петри. Кроме прочего, история народов рассматривалась сибиреведами сквозь призму истории языков. Изначально в ИИФФ СО АН СССР была образована группа лингвистов, включавшая крупнейшего специалиста по тунгусо-маньчжурским языкам В.А. Аврорина, ведущего тюрколога России Е. И. Убрятову, известного монголиста В.М. Наделяева, специалиста по сравнительному изучению алтайских, уральских и палеоазиатских языков М.И. Черемисину. Благодаря их усилиям был сформирован новосибирский центр языкознания, где системное описание языков сочеталось с экспериментальными исследованиями и социолингвистикой. Его развитие происходило во взаимодействии с другими научными центрами России. Площадкой диалога являлась Всесоюзная научная конференция по проблемам происхождения аборигенов Сибири и их языков, которая была организована выдающимся филологом, профессором Томского педагогического института А.П. Дульзоном, автором монографии 1968 г. «Кетский язык»,

¹ В очерке И.В. Октябрьской «Научные этнографические центры Западной Сибири в XX в. Традиции и новации эпохи больших перемен» (*Октябрьская 2022*) Е.П. Орлова была ошибочно названа сотрудником Новосибирского краеведческого музея (*Октябрьская 2022: 172*).

удостоенной Государственной премии. Конференция регулярно проводилась в Томске до конца 1970-х годов. Ее концепцию наследовали международная конференция «Аборигены Сибири: проблемы сохранения исчезающих языков и культур», впервые состоявшаяся в Новосибирске в 1995 г., и другие научные форумы.

В 1980-е годы отделение языков и фольклора народов Сибири в ИИФФ СО РАН было значительно расширено. В 1983 г. в институт был приглашен А.Б. Соктоев (позже чл.-корр. РАН, директор Института филологии СО РАН). Вместе с коллегами им была инициирована серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», отмеченная Государственной премией в 2001 г. Подготовка многотомного академического издания актуализировала изучение мифо-ритуальных традиций народов Сибири.

С 1986 г. после защиты докторской диссертации «Ранние формы религии и шаманизм тюркоязычных народов Сибири» в институте начал работу Н.А. Алексеев. Представитель Ленинградской этнографической школы, на тот момент сотрудник Якутского филиала СО АН СССР (в конце жизни — директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в Якутске), он одним из первых начал использовать методы междисциплинарных исследований, что имело большое значение в объединении научного потенциала этнографов, языковедов и фольклористов. Результатом их сотрудничества стала разработка фольклорно-языковых картин мира различных народов Сибири.

Изучение этногенетических, этнокультурных, этноязыковых процессов в ИИФФ СО РАН сочеталось с этносоциальными исследованиями, которые изначально были подчинены задачам оценки перспектив развития Сибири. С начала 1960-х годов будущее народов региона связывали с формированием народно-хозяйственного комплекса, ключевую роль в котором играли нефтяная и газовая отрасли. Задачи адаптации этно-локальных сообществ к условиям индустриализации, как и необходимость сохранения культурного многообразия, рождали новые вызовы, определяя исследовательские перспективы гуманитарной науки.

В 1963 г. при Объединенном ученом совете СО АН СССР возникла Сибирская секция по проблемам развития национальных отношений; в 1968 г. был создан сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири, который возглавил канд. филос. наук В.И. Бойко (с 1976 г. — д-р филос. наук, с 1987 г. — чл.-корр. АН СССР, с 1991 г. — чл.-корр. РАН). В те годы в АН СССР разрабатывалась программа «Социальное и экономическое развитие народностей Севера». Проекты Новосибирского научного центра в этой сфере корреспондировали с прикладными исследованиями сектора Крайнего Севера и Сибири ИЭ АН СССР.

Большое влияние на становление этносоциологии в регионах оказал сектор конкретных социологических исследований (позднее — отдел этносоциологии), созданный в 1966 г. в ИЭ АН СССР. Его возглавил Ю.В. Арутюнян. При участии сотрудников отдела в 1970–1980-е годы в масштабах страны выполнялись проекты оценки социально-культурного облика советских наций. Методики, отработанные в этих исследованиях и ориентированные на теорию

этноса (утвердившуюся в советской науке в 1960-е годы), в Сибири активно использовали этнографы Омского центра. Его лидер Н.А. Томилов (выпускник ТГУ) под руководством И.С. Гурвича защитил кандидатскую диссертацию «Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар» и был приглашен в основанный в 1974 г. Омский университет (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского). После защиты докторской диссертации «Этническая история тюрко-язычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX вв.» в 1985 г. Н.А. Томилов возглавил кафедру этнографии, историографии и источниковедения истории СССР (позже кафедру этнологии, антропологии, археологии и музеологии) исторического факультета ОмГУ, которую в первые годы ее существования курировал А.П. Окладников. Принципы оценки этносоциальных и этноисторических процессов отрабатывались сотрудниками кафедры на материалах как коренных, так и переселенческих сообществ в масштабах Западной Сибири (*Жигунова* 2014).

В отличие от исследований московских и омских этносоциологов, в программах ИИФФ СО АН СССР под руководством В.И. Бойко использовались концепты (терминология), характерные для работ по научному коммунизму и для историко-партийной литературы. В фокусе этих исследований находились национальные отношения; оценивались процессы модернизации, социальная мобильность, межпоколенная трансмиссия культурных ценностей и проч. К 1980-м годам в ходе реализации проектов с использованием вариативных методов сложилась Новосибирская школа этносоциальных исследований.

Новый этап ее существования ознаменовался разработкой концепции развития народов Севера в рамках научного обеспечения программы ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» 1980 г. В ходе подготовки этого проекта на базе ИИФФ СО АН СССР была создана Региональная межведомственная комиссия по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера. Ее председателем стал В.И. Бойко. По итогам работы комиссии в 1989 г. в Совет Министров РСФСР была направлена «Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г.». Она была ориентирована на перспективы устойчивого развития коренных народов Сибири в условиях модернизации (*Октябрьская* 2022: 185–186).

В постсоветской России и в академическом дискурсе, и в политико-правовой сфере с 1990-х годов утвердились новые подходы. В отношении коренных народов Сибири и Севера была обозначена перспектива культурно-ориентированной модернизации и многовариантного саморазвития (*Пивнева* 2021). Эти изменения совпали с реструктуризацией академической науки в целом и СО АН СССР в частности. Но при всех изменениях этносоциологическое направление в Новосибирске продолжало развиваться в новых условиях во взаимодействии структур гуманитарного и общественного цикла. При этом региональные исследования сохраняли комплексный характер.

С 1960-х годов системная характеристика народов Сибири в единстве этногенетических, этнокультурных, социолингвистических и этносоциаль-

ных характеристик была включена в исторический контекст. Этот подход был определен при создании ИИФФ СО АН СССР. Лидером исторического направления института в тот период был Л.М. Горюшкин — выпускник ТГУ, канд. ист. наук с 1964 г., д-р ист. наук с 1976 г. Под его руководством возникла научная школа исторического регионоведения. Исследования Л. М. Горюшкина были посвящены аграрной истории. Они стали частью подготовки в 1982–1991 гг. многотомной «Истории крестьянства Сибири». Структуру издания определял формационный подход: от эпохи феодализма до периода упрочения и развития социализма. Первый том «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» вышел в 1982 г. под редакцией А.П. Окладникова. В ходе его подготовки проводились масштабные исследования в области истории и культуры русского населения Сибири.

В рамках историко-культурных исследований закладывались основы направления русской/славянской этнографии Сибири. Одним из организаторов гуманитарных исследований СО АН СССР была М.М. Громыко. Окончив МГУ и защитив кандидатскую диссертацию по социально-экономической истории Западной Европы, она в числе первых ученых-гуманитариев приехала в Новосибирск. В 1965 г. представила докторскую диссертацию «Русское население и земледельческое освоение Западной Сибири в 30–80-х годах XVIII века». Предметом ее дальнейших исследований стала повседневная жизнь и духовные традиции русских Сибири XVIII–XIX вв., что потребовало глубокого погружения в многомерное историко-культурное пространство сибирского региона. В 1977 г. она вернулась в Москву, став сотрудником ИЭ АН СССР (затем — Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН). В 1991 г. вышла одна из лучших работ М.М. Громыко «Мир русской деревни».

На протяжении 1960–1980-х годов специалисты ИИФФ СО АН СССР проводили полевые исследования, осваивали архивы и музейные фонды сибирских городов, крестьянские библиотеки и проч. Шло формирование археографической школы Н.Н. Покровского — выпускника МГУ, который начал работу в ИИФФ СО АН СССР в 1965 г., освободившись из Дубровлага, где отбывал срок по московскому «университетскому делу» (с отменой приговора в 1989 г.). В 1974 г. Н.Н. Покровский защитил докторскую диссертацию «Антифеодальный протест крестьян-старообрядцев Урала и Западной Сибири и борьба с ним в XVIII в.»; в 1992 г. он стал академиком РАН. Под его руководством был сформирован уникальный свод старопечатных книг и сочинений крестьян-старообрядцев Сибири.

Постепенно в рамках исторических исследований ИИФФ СО АН СССР усиливалось этнографическое направление. Его выбрала для себя Л.М. Русакова — выпускница МГУ. С 1961 г. она работала в СО АН СССР в комиссии по общественным наукам. Будучи сотрудником сектора феодализма ИИФФ АН СССР, в 1975 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Сельское хозяйство Среднего Зауралья в последней четверти XVIII — первой четверти XIX в.»; после этого стала заниматься этнографией; с 1970-х годов руководила работой Алтайского этнографического отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР. Ею были воссозданы быт и народное искусство этнолокальных (этноконфессиональных) групп русских Западной Сибири.

В эти же годы в Забайкалье начал исследования Ф.Ф. Болонев — филолог по образованию (из семейских старообрядцев по происхождению), окончивший Бурятский государственный педагогический институт им. Д. Банзарова. До переезда в Новосибирск в 1969 г. он работал в Бурятском комплексном НИИ СО АН СССР. Его кандидатская диссертация «Народный календарь семейских Забайкалья второй половины XIX — начала XX вв.» в 1974 г. стала первой квалификационной работой по специальности «этнография» в ИИФФ СО АН СССР. Проблемы, обозначенные в ней, получили развитие в докторской диссертации ученого «Духовная культура русских крестьян-старожилов Юго-Восточной Сибири в XVIII — начале XX века (Семейские Забайкалья)» в 1996 г.

Русская тема, заданная исследованиями 1970–1980-х годов, продолжала развиваться и далее в неразрывной связи с изысканиями в области социальной истории Сибири. Институт пополнялся новыми кадрами, в числе которых были первые выпускники гуманитарного факультета НГУ. В работах начинающих, а затем титулованных ученых А.Н. Сагайдачного, В.Н. Курилова, А.А. Люцидарской и др. рассматривались проблемы освоения Сибири, история и формы миграций XVII–XIX вв., история городов, этносоциальных групп и т.д. С 1980-х годов все большее место в исторических исследованиях института занимали сюжеты этнокультурных контактов. Они определили содержание междисциплинарных проектов по сибирскому фронтиру известных историков Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского и др. (Фурсова 2019).

Начиная с 1970-х годов этнографические исследования в ИИФФ СО АН СССР осуществлялись на базе Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом. К началу 1980-х годов в составе отдела палеометалла ИИФФ под руководством В.И. Молодина была выделена группа этнографов. С 1980-х годов историко-этнографические исследования в ИИФФ СО АН СССР возглавлял И.Н. Гемуев. Свою карьеру он начал офицером зенитно-ракетных войск; после демобилизации окончил ТГУ, где его руководителем была Г.И. Пелих. С 1978 г. И.Н. Гемуев работал в ИИФФ СО АН СССР, пройдя путь от лаборанта до доктора исторических наук, заведующего отделом этнографии Сибири, заместителя директора (Бауло, Тучкова 2022).

Историко-этнографическая проблематика расширялась с появлением нового поколения ученых — Е.Ф. Фурсовой, А.Ю. Майничей, Г.В. Любимовой, О.Н. Шелегиной и др. Все более фундированный характер приобретали характеристики старожильского населения и переселенцев различных районов Сибири. Они опирались на полевые практики, на сложившуюся теорию этноса; предлагали системную характеристику этнолокальных групп, каждый из признаков которых рассматривался с точки зрения дифференциации.

Результатом были квалификационные, а затем монографические работы, издававшиеся с 1980-х годов: «Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII–начало XVIII вв.» (А.А. Люцидарская); «Расселение русских старожилов Западной Сибири в середине XIX вв.» (В.Н. Курилов); «Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири», «Календарная обрядность восточнославянских народов в Приобье, Барабе и Кулунде: межкультурные взаимодействия и транс-

формации первой трети XX в.», «Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы» (Е.Ф. Фурсова), «Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции)» (Г.В. Любимова), «Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов» (А.Ю. Майничева) и т. д. (Фурсова 2019).

Выделяя этнические (этноконфессиональные) и этнографические (этнолокальные) старожильческие и переселенческие группы в составе местных сообществ, исследователи подчеркивали сложный характер их самосознания, которое определял вариативный набор маркеров. Развиваясь во времени и пространстве, устанавливая контакты друг с другом, группы меняли параметры самоопределения, которое имело динамичный характер.

В ходе исследований полиэтничного сообщества Сибири этнографы пересматривали трактовки этнической истории. Новые подходы обобщил Н.А. Томилов. Рассматривая этническую историю в единстве происхождения, этнодинамики и трансформации, исследователь обозначил ее принципиальную непрерывность, многофакторность и универсальность, распространив это понятие на все разновидности историко-культурных общностей — этнографических, этнических, этносоциальных. Эта концепция была положена в основу исследований, предпринятых на материалах коренных и миграционных сообществ Сибири. Позже на ее основе были подготовлены квалификационные работы, а затем монографии по казахам, немцам, нанайцам, корейцам, алтайцам, бурятам сотрудников новосибирского центра И.В. Октябрьской, А.В. Охотникова, О.В. Мальцевой, А.П. Чемчиевой, А.А. Бадмаева и др.

Историко-этнографические исследования в ИИФФ СО АН СССР сочетались с пристальным вниманием к оценке мировоззренческих систем народов Сибири. В работах И.Н. Гемуева 1980–1990-х годов (в том числе в докторской диссертации «Религиозно-мифологические представления манси» 1991 г.) предпринята попытка системной реконструкции традиционной картины мира манси и дана характеристика ее символического выражения.

Исследование в масштабах урало-алтайской общности было проведено А.М. Сагалаевым. Выпускник ТГУ, после аспирантуры в ЛГУ с 1981 по 1994 г. он являлся сотрудником ИИФФ СО АН СССР; работал на Алтае и на Обском Севере. Содержание его кандидатской диссертации «Ламаистские элементы в мифологии и традиционных культах алтайцев» определили сравнительно-религиоведческие изыскания. В серии работ, написанных в соавторстве с И.Н. Гемуевым, а также в докторской диссертации «Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири» (1992 г.) А.М. Сагалаев обосновал синкретичную природу традиционного мировоззрения; дал его характеристику как многокомпонентной системы, объединяющей архаичный (мифозкологический) пантеизм, шаманизм и элементы мировых религий. Методология его исследований отрабатывалась в ходе подготовки серии монографий «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» (1988–1990 гг.), которая стала результатом сотрудничества ученых ТГУ и ИИФФ СО РАН (при участии Э.Л. Львовой, М.С. Усмановой, И.В. Октябрьской). В ней был последовательно реализован структурно-семиотический

подход, позволивший все многообразие представлений и ритуалов тюрков Южной Сибири объединить в систему, определяющими для которой были принципы взаимодействия человека, общества и природы в единстве реального и метафизического (Беликова 2022).

Одновременно сравнительное изучение традиционных верований тюркоязычных народов Сибири осуществлял Н.А. Алексеев. В 1980–1992 гг. на базе СО АН СССР под редакцией И.С. Гурвича издавалась серия его работ. В их основу был положен принцип классификации религий (в том числе ранних воззрений), обоснованный еще С.А. Токаревым: его суть определяла оценка соотношения форм религии в динамике, что должно было подвести исследователя к вопросу их генезиса. На основе типологического анализа верований Н.А. Алексеев сделал вывод о позднем формировании развитого шаманизма и шаманских мифов у народов Сибири (Попова, Слепцов 2011).

Вариативность подходов к оценке традиционных верований и в целом к оценке культуры народов Сибири определяла специфику новосибирского научного центра. Этот принцип сохранялся на всем протяжении его развития. Изучение мифоритуальных традиций продолжил ученик И.Н. Геммуева — А.В. Бауло. Выпускник НГУ, в 1997 г. он защитил кандидатскую, в 2002 г. — докторскую диссертацию «Обские угры: атрибутика и миф (металл в религиозно-обрядовой практике XVIII–XX вв.)». На основе уникального свода культовой атрибутики он показал, как формировалась и транслировалась аутентичная, имевшая древние истоки система традиционных воззрений обских угров. Материалы А. В. Бауло, как и его коллег из сибирских и российских научных центров (И.Н. Геммуева, А.А. Люцидарской, А.М. Сагалаева, З.П. Соколовой, Г.Е. Солдатовой), вошли в свод «Мифология манси. Энциклопедия уральских мифологий» (2001).

Обозначенная в издании историко-культурная динамика подтверждалась археолого-этнографическими изысканиями. Они являлись основой для реконструкций на уровне урало-алтайского единства. В продолжение этих исследований в 2000-е годы в работах О.В. Голубковой (на материалах Сибири и Урала) была реализована программа сравнительного изучения мировоззренческих традиций финно-угров и славян.

Системные исследования на уровне картин мира тюркского сообщества Сибири были предприняты в квалификационной работе и серии публикаций В.А. Бурнакова. Будучи выпускником ТГУ, последним учеником Г.И. Пелих, в кандидатской диссертации 2002 г. он предпринял попытку создания свода мифологических образов хакасов при совмещении структурной и типологической характеристик. Монография В. А. Бурнакова «Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов» (2007) была отмечена медалью и премией РАН для молодых ученых.

Полипарадигмальный подход оставался актуальным для исследовательских стратегий ИИФФ СО АН СССР в разных сферах на всем протяжении его существования. На новый уровень развития институт вышел в 1980-е гг., когда его возглавил чл.-корр., а затем академик АН СССР/РАН А.П. Деревянко — крупнейший специалист по проблемам антропо- и культурогенеза, археолог с мировым именем. В 1990-е годы одновременно с реорганизацией

Сибирского отделения этнографическая группа в институте была преобразована в отдел под руководством д-ра ист. наук И.Н. Гемуева.

В 1992 г. на базе СО РАН был создан Алтайский международный научный центр гуманитарных и биосферных исследований, в задачи которого входила организация междисциплинарных проектов, охрана природно-культурных памятников Алтая и сопредельных территорий. До отъезда в Томск в 1994 г. исполнительным директором Центра был д-р ист. наук А.М. Сагалаев.

В этот период полевые маршруты сотрудников отдела распространились далеко за пределы Западной Сибири: на Урал, в Забайкалье, на Дальний Восток, в Казахстан. Появились темы, связанные с оценкой традиционных систем природопользования и жизнедеятельности. В круг интересов новосибирских этнографов вошли проблемы урбанизации, диаспоральных, этноконфессиональных процессов, социокультурной динамики и форм межэтнического диалога. Исследования в этой сфере были предприняты при участии И.В. Октябрьской, В.В. Николаева, А.П. Чемчиевой, В.В. Лыгденовой и др.

Новое подразделение развивалось в ходе реструктуризации ИИФФ СО РАН в начале 2000-х годов. Из его состава был выделен Институт археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН. В 2001 г. он обрел юридическую самостоятельность. Директором института до 2015 г. оставался акад. А.П. Деревянко; с 2015 г. — чл.-корр. М.В. Шуньков; с 2019 г. — чл.-корр. А.И. Кривошапкин.

Отдел этнографии ИАЭТ СО РАН после ухода из жизни И.Н. Гемуева с 2004 г. возглавлял д-р ист. наук А.В. Бауло, с 2005 г. — д-р ист. наук И.В. Октябрьская, с 2017 г. — д-р ист. наук Е.Ф. Фурсова. В структуру отдела на протяжении 2000-х годов вошли Е.В. Самушкина, В.В. Николаев, О.В. Мальцева, М.В. Красавина, В.В. Лыгденова и другие специалисты. В рамках отдела была открыта аспирантура; выполнены и защищены несколько десятков кандидатских и докторских диссертаций; подготовлены серии монографий. Системный подход к изучению Сибири по-прежнему оставался актуальным.

Международная, межрегиональная, междисциплинарная интеграция на новом этапе определяла стратегию развития отдела этнографии, как и развития ИАЭТ СО РАН в целом. На основе многосторонних договоров развивались отношения института с научными центрами России и зарубежных стран, расширялись связи с университетами Сибири. В 2005 г. в рамках серии «Народы и культуры» во взаимодействии с ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая (в том числе под редакцией И.Н. Гемуева, В.И. Молодина) вышла фундаментальная монография «Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нганасаны. Кеты».

Серия проектов ИАЭТ СО РАН, реализованных совместно с Институтом цитологии и генетики СО РАН и медико-генетическими центрами Сибири, была ориентирована на генетико-демографический, этногенетический и палеогенетический анализ. Это вывело на новый уровень изучение проблем этногенеза и этносоциальной истории. В 2010-е годы институт включился в подготовку обновленной версии «Истории Сибири». В итоге в 2019 г. под редакцией акад. В.И. Молодина (при участии этнографов) был издан второй том, посвященный развитию региона от раннего железного века до эпохи

Средневековья. Особое внимание в нем было уделено коренным народам, процессам их формирования и развития, становлению полиэтничного сообщества Сибири.

В 2010–2012 гг. в ИАЭТ СО РАН разрабатывался проект с НАН Республики Беларусь. За серию работ по сохранению белорусского фольклорного наследия в Сибири его коллектив под руководством Е.Ф. Фурсовой был удостоен межгосударственной премии им. акад. В.А. Коптюга. В 2012 г. премией РАН и НАН РБ была отмечена коллективная монография «Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры».

В 2012–2014 гг. с участием сотрудников ИАЭТ СО РАН осуществлялся интеграционный проект СО РАН «Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири»; при поддержке гранта РФФИ в 2013–2015 гг. — проект «Оценка человеческого потенциала и социальной мобильности коренных народов Западной Сибири в контексте модернизационных процессов (XX – начало XXI вв.)». Была сделана попытка комплексной оценки развития этих народов. Выполнение проектов опиралось на анализ материалов этносоциологического обследования 1960–1970-х годов в сравнении с современными данными по региону и общероссийскими показателями. Результатом стало фундаментальное издание «Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири» (2014).

К 2020 г. в структуре института прочное место заняла Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения, одним из лидеров которой являлся Н.А. Томилов. В 2021 г. на основе взаимодействия ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, ИАЭТ СО РАН и Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева в серии «Народы и культуры» был опубликован том «Казахи».

Органичным продолжением академических изысканий отдела этнографии ИАЭТ СО РАН стали проекты подготовки энциклопедии «Новосибирск» (2003), «Атласа Азиатской России» (2008), «Исторической энциклопедии Сибири» (2013), «Этноконфессионального атласа» (2016–2018) и «Этноконфессионального паспорта Новосибирской области» (2019). Эти издания обозначили перспективы дальнейшего развития направления регионалистики.

С 2000-х годов и до настоящего времени деятельность отдела этнографии ИАЭТ СО РАН оставалась ориентированной на системное изучение становления и развития народов Урала и Сибири. В настоящее время предметом исследований его сотрудников являются этноисторические, социокультурные и этноконфессиональные процессы Азиатской части России и шире — Центральной Азии. Решение фундаментальных проблем прошлого и актуальных проблем современности на основе полипарадигмального подхода в рамках интегративных междисциплинарных проектов определяет содержание работы и перспективы Новосибирского научного центра.

Литература

- Альмов С. С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3. С. 7–36.
- Бауло А. В., Тучкова Н. А.* «Так получилось...»: офицер, кочегар, профессор (к 80-летию со дня рождения И.Н. Гемуева) // Этнография. 2022. № 3. С. 274–290.
- Беликова О. Б.* Этнолог Андрей Маркович Сагалаев: жизнь и творческое наследие. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2022. 480 с.
- Галкина Т. В., Топчий А. Т.* Первый этнограф Томского университета // Вестник Томского государственного университета. История и археология. 1999. № 268. С. 133–137.
- Деревянко А. П., Медведев В. Е., Молодин В. И.* Великан в науке: к 100-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова (03.10.1908–18.11.1981) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2008. Т. 7, В. 3: Археология и этнография. С. 3–11.
- Жигонова М. А.* Омская этнографическая научная школа // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 193–195.
- Коньшева Н. А.* От сельской учительницы до кандидата наук (материалы о Е.П. Орловой — этнографе, исследователе культуры народов Сибири и Дальнего Востока в фондах КГБУ ККОМ) // «О Камчатке: ее пределах и состоянии...»: материалы XXIX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: б. и., 2012. С. 133–138.
- Красильников С. А.* Общественные формы организации науки в Сибири во второй половине 1920-х годов // Формы организации науки в Сибири: Исторический аспект. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. С. 120–144.
- Курочкина Е. Ф.* Из истории организации научно-исследовательской работы в Сибири (Общество по изучению Сибири и ее производительных сил) // Бахрушинские чтения. 1966. Новосибирск: б. и., 1968. Вып. 3: Сибирь в эпоху социализма. С. 134–146.
- Некрылов С. А., Фоминых С. Ф., Меркулов С. А., Литвинов А. В.* Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 77–81.
- Овчарова М. А.* Музейные коллекции как ресурс по изучению этнографической карты Сибири // Вестник Алтайского государственного педагогического университета: музееведение и сохранение историко-культурного наследия. 2015. № 24. С. 123–127.
- Окладников А. П.* Открытие Сибири. Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1982. 206 с.
- Октябрьская И. В.* Новосибирский центр этнографии: история и современность // Этнография. 2018. № 1. С. 195–211.

Октябрьская И. В. Научные этнографические центры Западной Сибири в XX в. Традиции и новации эпохи больших перемен // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 158–195.

Октябрьская И. В., Романова Е. Н. Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3. С. 9–20.

Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 204–235.

Пивнева Е. А. Этнографы и малочисленные народы Севера и Сибири в контексте советской этнонациональной политики // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 91–157.

Попова Н. И., Слепцов П. А. Н.А. Алексеев (1938–2010) [некролог] // Российская торология. 2011. № 1. С. 98–99.

Скоьырский В. А. Время энтузиастов, или под именем мироведения // Сибирские огни. 29.01.2019. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-entuziastov-ili-podimenem-mirovedeniya> (дата обращения: 15.09.2024).

Толстов С. П. Итоги совещания по этногенезу народов Севера // КСИИМК. Вып. IX. 1941. С. 3–5.

Труды Первого Сибирского Краевого Научно-Исследовательского Съезда. Т.V. Новосибирск: Общество изучения Сибири и ее производительных сил. 1928. 258 с.

Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск: Типография Сибирского Товарищества печатного дела и Дома трудолюбия. 1919. Ч. I–IV. 460 с.

Фурсова Е. Ф. Становление и развитие отдела этнографии в Новосибирском научном центре (1960–2000-е гг.). // Культурологический сборник: исследования по культуре Западной Сибири и Северного Казахстана. К 25-летию Сибирского филиала Института Наследия. М.: Институт Наследия, 2019. С. 53–61.

Research article

Oktiabrskaja I. V.

S chego nachinaetsia etnografija. Iz istorii Novosibirskogo nauchnogo centra [Where does ethnography begin? From the history of the Novosibirsk Scientific Center] *Anthropologies*, 2024, No 2, pp 5-27, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/5-27>.

Okyabrskaya Irina Viacheslavovna | siem405@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0002-4190-9478> | Leading researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Department of Ethnography

Abstract

The subject of research of the article is the history of science. We consider the formation and development of the Novosibirsk Center of Ethnography. It was formed in the second half of the twentieth century during the formation of the Siberian Branch of the USSR Academy

of Sciences. The Department of Ethnography of the Institute of History, Philosophy and Philology of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (later the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences) took the leading positions in it. The Department relies on the resources of Novosibirsk State University; it actively cooperates with academic and university centers in Russia and abroad. From the moment of its formation to the present, it focuses on the systematic study of the formation and development of the peoples of the Urals and Siberia, and more broadly, Central Asia. The task of solving fundamental problems of the past and urgent problems of the present on the basis of a multi-paradigm approach within the framework of integrative interdisciplinary projects determines its history and prospects.

Keywords: Novosibirsk Center of Ethnography, the history of its formation, the variety of methods and approaches, the indigenous peoples of Siberia, Russian old-timers and migrants, interdisciplinary integration projects

References

- Alymov, S.S. 2009. Kosmopolitizm, marrizm i prochie «grekhi»: otechestvennye etnografy i arheologi na rubezhe 1940–1950-kh godov [Cosmopolitanism, Marrism and other «sins»: Russian ethnographers and archaeologists at the turn of the 1940s and 1950s.]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3: 7–36.
- Baulo, A.V., Tuchkova, N.A. 2022. «Tak poluchilos'...»: oficer, kochegar, professor (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia I.N. Gemueva) [«It so happened...»: officer, fireman, professor (on the 80th anniversary of I.N. Gemuev's birth)]. *Etnografii*, 3: 274–290.
- Belikova, O.B. 2022. *Etnolog Andrei Markovich Sagalaev: zhizn' i tvorcheskoe nasledie*. [Ethnologist Andrey Markovich Sagalaev: life and creative legacy]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 480 p.
- Derevianko, A.P., Medvedev, V.E., Molodin, V.I. 2008. Velikan v nauke: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia akademika A.P. Okladnikova (03.10.1908–18.11.1981) [A giant in science: on the 100th anniversary of the birth of Academician A. P. Okladnikov (03.10.1908–18.11.1981)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. Filologiya*, 7, 3: 3–11.
- Galkina, T.V., A.T. 1999. Pervyi etnograf Tomskogo universiteta [The first ethnographer of Tomsk University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii i arkhologii*, 268: 133–137.
- Fursova, E.F. 2019. Stanovlenie i razvitie otdela etnografii v Novosibirskom nauchnom centre (1960–2000-e gg.) [Formation and development of the Department of Ethnography at the Novosibirsk Scientific Center (1960–2000s)]. *Kul'turologicheskii sbornik: issledovaniia po kul'ture Zapadnoi Sibiri i Severnogo Kazakhstana. K 25-letiiu Sibirskogo filiala Instituta Naslediia*. M.: Institut Naslediia: 53–61.
- Konysheva, N.A. 2012. Ot sel'skoi uchitel'nicy do kandidata nauk (materialy ob E.P. Orlovoi — etnografe, issledovatele kul'tury narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka v fondakh KGBU KKOM) [From a rural teacher to a candidate of sciences (materials about E.P. Orlova, an ethnographer, researcher of the culture of the peoples of Siberia and the Far East in the funds of the KGB KKOM)]. «O Kamchatke: eyopredelah i sostoyanii...»: materialy 29 Krashennikovskikh chtenii. *Petropavlovsk-Kamchatskii*: 133–138.

- Krasil'nikov, S.A. 1988. Obshchestvennye formy organizacii nauki v Sibiri vo vtoroi polovine 1920-kh gg. [Social forms of science organization in Siberia in the second half of the 1920s.]. *Formy organizacii nauki v Sibiri: Istoricheskii aspekt. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otделение*: 120–144.
- Kurochkina, E.F. 1968. Iz istorii organizacii nauchno-issledovatel'skoi raboty v Sibiri (Obshchestvo po izucheniiu Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil) [From the history of the organization of scientific research in Siberia (Society for the Study of Siberia and its Productive Forces)]. *Bakhrushinskie chteniia 1966*. Novosibirsk: 134–146.
- Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Merkulov, S.A., Litvinov, A.V. 2012. Institut issledovaniia Sibiri i izuchenie istorii, arheologii i etnografii regiona (1919–1920 gg.) [Institute of Siberian Studies and the Study of the History, Archeology and Ethnography of the region (1919–1920)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 365: 77–81.
- Ovcharova, M.A. 2015. Muzejnye kollektsii kak resurs po izucheniiu etnograficheskoi karty Sibiri [Museum collections as a resource for studying the ethnographic map of Siberia]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: muzevedenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediia*, 24: 123–127.
- Okladnikov, A.P. 1982. *Otkrytie Sibiri* [The Discovery of Siberia]. Novosibirsk: Zap-Sib. kn. izd-vo.
- Oktiabr'skaia, I.V. 2018. Novosibirskii centr etnografii: istoriia i sovremennost' [Novosibirsk Center of Ethnography: history and Modernity]. *Etnografiia*, 1: 195–211.
- Oktiabr'skaia, I.V. 2022. Nauchnye etnograficheskie centry Zapadnoi Sibiri v XX v. Tradicii i novacii epokhi bol'shikh peremen [Scientific ethnographic centers of Western Siberia in the XX century. Traditions and innovations of the era of great change]. *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i nacional'noi politiki*. M.: IEA RAN: 158–195.
- Oktiabr'skaia, I.V., Romanova, E.N. 2020. Severovedenie v istorii rossiiskoi etnografii: ot opisaniia narodov k konstruirovaniiu etnichnosti [Northern Studies in the History of Russian Ethnography: from the Description of Peoples to the Construction of Ethnicity]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 3: 9–20.
- Pervyi sibirskii s'ezd hudozhnikov [The First Siberian Congress of Artists] 1927. *Sibirskie ogni*, 3: 204–235.
- Pivneva, E.A. 2022. Etnografy i malochislennye narody Severa i Sibiri v kontekste sovetskoi etnonacional'noi politiki [Ethnographers and small peoples of the North and Siberia in the context of Soviet ethnonational policy]. *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i nacional'noi politiki*. M.: IEA RAN: 91–157.
- Popova, N.I., Slepcev, P.A. 2011. N.A. Alekseev (1938–2010): [nekrolog] [N.A. Alekseev (1938–2010): [obituary]] // *Rossiiskaia tiurkologiia*, 1: 98–99.
- Skosyrskii, V.A. 2019. Vremia entuziastov, ili pod imenem mirovedeniia [The time of enthusiasts, or under the name of world studies]. *Sibirskie ogni*. URL: <https://sibirskieogni.rf/content/vremya-entuziastov-ili-pod-imenem-mirovedeniya> (15.09.2024)

Tolstov, S.P. 1941. Itogi soveshchaniia po etnogenezu narodov Severa [Results of the meeting on the ethnogenesis of the peoples of the North]. KSIIMK, 9: 3–5.

Trudy Pervogo Sibirskogo Kraevogo Nauchno-Issledovatel'skogo S'ezda [Proceedings of the First Siberian Regional Scientific Research Congress]. 1928, 5. Novosibirsk: Obshchestvo izucheniia Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil.

Trudy s'ezda po organizacii Instituta issledovaniia Sibiri [Proceedings of the Congress on the Organization of the Siberian Research Institute]. 1919. Tomsk: Tipografiia Sibirskogo Tovarishchestva pechatnogo dela i Doma trudoliubiiia, 1–4.

Zhigunova, M.A. 2014. Omskaia etnograficheskaia nauchnaia shkola [Omsk Ethnographic Scientific School]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 3: 193–195.

© А.С. Пилипенко

Этногенетические реконструкции методами палеогенетики: история, современное состояние и перспективы. Опыт Новосибирского научного центра

Ключевые слова: этногенетические реконструкции, палеогенетика, древняя ДНК, междисциплинарные исследования, диахронный анализ

В последние годы одним из перспективных направлений, быстро развивающимся в рамках этногенетических реконструкций, стала палеогенетика. Ее методы позволяют непосредственно анализировать генетический состав разновременных групп древнего населения и существенно дополнять реконструкции генетической истории населения, полученные с помощью генетических исследований современных популяций, а также антропологических исследований разновременных групп. В статье кратко рассмотрены основные этапы развития инструментов молекулярной генетики, применяющихся для этногенетических реконструкций, особенности применения этих инструментов для анализа палеогенетического материала. Особое внимание уделено различным стратегиям организации систематических палеогенетических исследований для реконструкции генетической истории населения регионов различного масштаба, дано обоснование наибольшей эффективности анализа репрезентативных диахронным моделям (выборкам) для получения детализированных и достоверных реконструкций. На примере организации междисциплинарных палеогенетических исследований в Новосибирском научном центре СО РАН обоснована целесообразность создания сети крупных ведущих региональных центров компетенции в области палеогенетики как наиболее перспективной формы развития палеогенетического научного направления в Российской Федерации.

Пилипенко Александр Сергеевич – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института цитологии и генетики СО РАН. e-mail: alexpil@bionet.nsc.ru <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00834. Палеогенетическая инфраструктура ИЦиГ СО РАН поддерживается счет средств бюджетного проекта ИЦиГ СО РАН № FWNR-2022-0011

Для цитирования: Пилипенко А.С. Этногенетические реконструкции методами палеогенетики: история, современное состояние и перспективы. Опыт Новосибирского научного центра // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 28-43, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/28-43>

Введение

Комплексная реконструкция истории населения, которая подразумевается под широким термином «этногенетические реконструкции» является одним из примеров выразительно мультидисциплинарного научного направления, когда различные подходы к анализу материальной и духовной культуры населения тесно переплетаются с исследованием широкого спектра биологических характеристик популяций, в том числе их генетических корней, межпопуляционных связей и истории формирования генетического состава исследуемых групп населения в прошлом. Главным преимуществом такого междисциплинарного подхода является обеспечение достоверности полученных данных об истории населения. Одни и те же материалы подвергаются анализу независимыми методами, что позволяет проверять выводы отдельных направлений, а также делает реконструкции более многосторонними. Биологический аспект этногенетических реконструкций включает два основных подхода, работающих на уровне морфологических признаков (физическая антропология) или молекулярных характеристик (генетика в широком понимании). Методы этих научных направлений могут быть применены для анализа двух типов объектов — современных популяций человека или палеопопуляций различного возраста. Палеоантропологические исследования прошли длительный путь развития и позволяют анализировать широкий спектр биологических признаков в рамках ставших уже «классическими» направлений — краниометрии, одонтологии и ряда других для древнего населения, соматологии и дерматоглифики для современных популяций.

Генетические исследования, в их широком понимании подразумевающие анализ на молекулярном уровне, имеют более короткую историю, насчитывающую чуть более полувека. Однако большая интенсивность развития методов позволила в сжатые сроки пройти путь от первых пробных шагов до полномасштабных современных популяционно-генетических исследований, выполняемых методами этногеномики и палеоге�етики.

История развития молекулярно-генетических инструментов для реконструкции истории популяций человека

Развитие генетических подходов к исследованию истории популяций человека в рамках этногенетических реконструкций было тесно связано прежде всего с прогрессом в понимании молекулярных механизмов хранения и передачи наследственной информации и, что не менее важно, бурным развитием подходов молекулярно-генетического анализа, т.е. анализа макромолекул, содержащих информацию о биологической истории популяций. Становление этих подходов начиналось с анализа так называемых «классических генетических маркеров» — белковых, таких, как антигены группы крови. Интересно, что этот и подобные ему типы анализа, проводимые на уровне белковых продуктов генов, с точки зрения генетики представляли собой еще не молекулярно-генетическое исследование в полном смысле, а фенотипический анализ (т.е. анализ фенотипа — набора признаков, а не генотипа, кодирующего особенности этих признаков). Условно можно назвать эти ранние подходы «морфологическим анализом на молекулярном уровне».

Полноценное же «рождение» молекулярно-генетических подходов в рамках этногенетических реконструкций популяций человека состоялось, когда эти исследования вышли на уровень непосредственного анализа генетической информации — исследования вариабельности в популяциях структуры нуклеиновых кислот, прежде всего ДНК-маркеров. Возможность развития этих исследований полностью зависела от наличия методов получения и анализа структуры образцов ДНК. Сейчас уже сложно поверить, что на первых этапах само получение образцов ДНК даже из наиболее богатых этим материалом вариантов образцов являлось сложной задачей, требующей вложения серьезных ресурсов, не говоря уже об анализе структуры ДНК. Однако эта ситуация быстро менялась, и генетики получили возможность массового и недорогого получения образцов ДНК из современного биологического материала, а затем и разработали методы, позволяющие целенаправленно исследовать те или иные информативные участки ДНК. Наступил этап широкомасштабных исследований генетического состава современного населения, быстро охвативший все без исключения населенные людьми регионы. Принимая во внимание тот факт, что человек является одним из немногих видов-космополитов и населяет все основные регионы планеты, это направление быстро вышло на планетарный масштаб.

Дальнейшее развитие направления определялось изменением и расширением спектра филогенетически и филогеографически информативных маркеров генома человека. Огромную роль в понимании генетической истории популяций человека сыграли популяционные исследования полиморфизма (изменчивости) митохондриальной ДНК (мтДНК). Эта небольшая кольцевая молекула ДНК, которая присутствует в клетках как мужчин, так и женщин (т.е. может анализироваться у любого человека), но передается потомству только по материнской линии (от матери — детям обоего пола), оказалась удивительно информативным инструментом для реконструкции генетической истории популяций человека (*Torroni et al. 2006*). Благодаря материнскому типу наследования, мтДНК представляет собой единый маркер (локус, молекулярный признак), который на протяжении истории существования популяций изменяется, и все изменения записаны в структуре этого локуса. В разных популяциях мтДНК накапливает разные изменения, происходит дивергенция вариантов мтДНК и дивергенция популяций — они отличаются друг от друга по набору присутствующих в них вариантов мтДНК. Самое замечательное, что все накопленные к настоящему времени в генофонде современного человечества варианты мтДНК могут быть объединены в единое филогенетическое дерево (древо), в корне которого будет расположен последний общий предок (женщина) всех ныне живущих людей (она получила условное название «митохондриальная Ева»), ствол и ветви дерева соединяют между собой различные популяции в зависимости от близости их происхождения (т.е. это эволюционные пути популяций), а листья дерева — это варианты мтДНК, присутствующие в современных популяциях. Исследование разнообразия структуры мтДНК в популяциях различных регионов планеты, начавшееся в 1980-е годы, стало первым молекулярно-генетическим исследованием популяций человека планетарного масштаба. Последствиями этого исследования стали: во-первых, построение единого филогенетического дерева мтДНК, объединяющего все разнообразие мтДНК населения Земли (*van Oven, Kayser 2009*); во-вторых — дополнительное обоснование единого происхождения всех современных популяций человека и усиление гипотезы недавнего аф-

риканского происхождения анатомически современного человека (*Cann et al.* 1987). В контексте тематики данной работы наиболее важными являются именно реконструкция единого филогенетического дерева мтДНК, оценка разнообразия мтДНК в планетарном масштабе, создание единой классификации всех известных структурных вариантов мтДНК. Таким образом, впервые генетики получили в руки инструмент, позволяющий провести анализ разнообразия любой современной популяции человека и сравнить ее по этому параметру с другими популяциями в планетарном масштабе, т. е. определить место популяции в генетическом разнообразии современного населения (*Малярчук, Деренко* 2006). По значению для генетики это можно сравнить с накоплением мировой базы данных по краниометрической вариабельности населения планеты для физической антропологии. Хотя наиболее активное развитие исследований разнообразия мтДНК пришлось на 1990-е и 2000-е годы, эти работы продолжаются и сейчас.

Вторым важнейшим инструментом для этногенетических реконструкций методами молекулярной генетики стал анализ вариабельности еще одного маркера с однородительским типом наследования — мужской Y-хромосомы (*Underhill, Kivisild* 2007). Y-хромосома присутствует только у индивидов мужского пола и передается по мужской линии (от отца сыновьям). Нерекombинирующая часть Y-хромосомы технически сложнее для молекулярно-генетического анализа как более протяженная (относительно мтДНК), а информативные маркеры на Y-хромосоме расположены на больших расстояниях друг от друга. Кроме того, анализу подвергаются два типа маркеров: более медленно эволюционирующие однонуклеотидные полиморфизмы и быстро меняющиеся короткие tandemные повторы. Их сочетание позволяет выстраивать единую классификацию вариантов Y-хромосомы (и соответствующее единое филогенетическое дерево, аналогичное дереву мтДНК), определять положение Y-хромосомы любого мужчины в этой классификации (*van Oven et al.* 2014), и оценивать внутривидовое разнообразие мужского населения и даже его внутривидовую структурированность (например, наличие мужских родов внутри популяций). Условная «эпоха Y-хромосомы» в популяционной генетике человека наступила с задержкой относительно «эпохи мтДНК» (*Underhill, Kivisild* 2007). Как и для мтДНК, исследование вариабельности Y-хромосомы является актуальным направлением и по сей день.

Анализ основной части ядерного генома человека (аутосомный геном и X-хромосома) с целью реконструкции генетической истории популяций человека длительное время развивался относительно медленными темпами. Ядерный аутосомный геном представляет собой совокупность огромного количества локусов (маркеров), которые имеют относительно независимую друг от друга генетическую историю (благодаря наличию рекомбинации). Для этногенетических реконструкций использовали анализ вариабельности отдельных участков ядерной ДНК, для которых также строили филогенетические деревья. Отметим, что по своей информативности и степени разрешения эти деревья очень сильно уступали мтДНК и Y-хромосоме. Если рассматривать информативность отдельных маркеров, то наиболее потенциально информативным маркером является Y-хромосома с тем ограничением, что она отражает, в первую очередь, историю мужской части популяции. За ней следует мтДНК, также сфокусированная на истории части популяции — женской. За ними с огромным отставанием в отношении информативности и степени

разрешения данных следуют отдельные маркеры остальной части ядерного генома человека.

Развитие каждого из перечисленных инструментов в значительной степени зависело от эффективности и доступности методов анализа структуры ДНК. Появившаяся с изобретением полимеразной цепной реакции (ПЦР) возможность целенаправленного анализа любых участков ДНК (соответственно, маркеров) дала старт развитию всех перечисленных инструментов. В силу небольшого размера мтДНК для нее был быстро достигнут максимально возможный уровень анализа — определение полной последовательности мтДНК человека, которое можно было выполнять даже инструментами низкой производительности (*Torrini et al. 2006*).

Для анализа маркеров ядерного генома настоящим прорывом, обеспечившим бурное развитие, стало появление высокопроизводительных вариантов анализа, позволяющих быстро и относительно недорого выполнять анализ большого числа маркеров. Переход от анализа единичных фрагментов ядерного генома к анализу многочисленных участков, а затем и появление методов высокопроизводительного секвенирования позволили потенциально анализировать всю генетическую информацию генома, т. е. вывести исследования на «полногеномный» уровень (*Pugach, Stoneking 2015*). На практике это позволило, например, проводить анализ сразу большого числа независимо эволюционирующих маркеров ядерного генома, компенсируя относительно низкую информативность каждого из них совмещением большого объема независимых данных. Это событие в значительной степени сняло ограничения экспериментальные (лабораторные), но одновременно поставило проблему корректного анализа и интерпретации больших объемов данных, получаемых высокопроизводительными лабораторными методами. Эта проблема с той или иной степенью успешности продолжает решаться и сейчас, в результате чего можно видеть постоянные изменения рекомендуемых алгоритмов анализа геномных данных, применение которых существенно меняет интерпретацию и накопленных ранее данных, и опубликованных выводов. Аналогичная проблема стоит, например, в физической антропологии: выбор метода статистического анализа может существенно влиять на интерпретацию одного и того же набора краниометрических данных. Тем не менее, необходимо констатировать, что современные методы анализа структуры ДНК потенциально позволяют оценить весь объем генетической информации, присутствующий в ДНК исследуемого объекта. Это привело к появлению работ, рассматривающих геномное разнообразие современных популяций человека на уровне крупных регионов или всей планеты (*Mallick et al. 2016*).

Палеогенетические методы для этногенетических реконструкций

Выше мы рассмотрели краткую историю развития молекулярно-генетического инструментария применительно к современным популяциям человека. Имеющиеся возможности приводили к быстрому накоплению данных по генофонду современного населения большинства регионов в отношении многочисленных маркеров. Данные о современном состоянии генофонда позволяют реконструировать вероятные механизмы его формирования, то есть предполагать, какие именно популяционно-генетические процессы в прошлом могли приводить к сложившейся на данный момент генетической структуре

населения, т.е. процессы в прошлом реконструируются по их конечному результату. Очевидно, что чем сложнее была генетическая история населения и чем глубже в хронологическом отношении проникают этногенетические реконструкции на базе данных о современном генофонде населения, тем больше возникает альтернативных равновероятных сценариев истории популяций. И в этом отношении популяционная генетика существенно проигрывала физической антропологии, которая оперировала данными не только о современных, но и о разновременных древних группах населения многих регионов.

Важнейшей вехой на пути развития области этногенетических реконструкций методами молекулярной генетики стало появление нового направления молекулярной генетики — палеогенетики. Палеогенетические методы позволяют получать образцы ДНК из биологических останков различного типа и хронологии. Применительно к этногенетическим реконструкциям этот подход позволял существенно дополнить исследования современных популяций человека, проводя анализ представителей древнего населения исследуемого региона (*Kirsanow, Burger 2012*). Другими словами, с появлением методов получения и анализа структуры образцов древней ДНК появилась возможность непосредственно анализировать структуру генофонда древних популяций человека. Роль этого подхода, в первую очередь, заключалась в возможности тестирования альтернативных сценариев генетической истории населения, которые были предложены по результатам исследования генетического состава современных популяций. Устанавливая особенности генофонда населения в какой-то хронологической точке в прошлом, можно оценить, какому из сценариев такое состояние отвечает в большей степени.

Этногенетические реконструкции стали, с одной стороны, одной из наиболее перспективных областей применения палеогенетических подходов, а с другой — одним из наиболее сложных для развития и противоречивых направлений палеогенетики. Реконструкция генетической истории населения за последние тысячи и даже десятки тысяч лет подразумевает работу, прежде всего, с одним типом материала — останками анатомически современных людей. И для этого типа материала на начальных этапах развития палеогенетики наиболее остро встала главная проблема палеогенетических исследований — проблема контаминации (загрязнения) современной ДНК и верификации получаемых результатов. Палеогенетическое направление вынуждено оперировать наиболее эффективными средствами анализа малейших количеств ДНК, так как ДНК в останках находится в сильно деградированном состоянии. На этом фоне попадание даже незначительного количества неразрушенной современной ДНК в образец или реактивы может приводить к ложным положительным результатам, когда полученные данные не имеют отношения к объекту исследования. Очевидно, что именно ДНК современного человека (наряду с ДНК бактерий, а также некоторых растений) является одной из наиболее распространенных и вездесущих. Сами исследователи-палеогенетики являются потенциальным источником такого загрязнения. Решение этой проблемы потребовало создания очень сложной системы мер для предотвращения влияния контаминации на палеогенетические результаты — начиная от строгих правил организации палеогенетической лаборатории и логистики проведения исследований, и заканчивая многократным усложнением протоколов проведения палеогенетических экспериментов, включая множественные контроли потенциальных источников загрязнений, воспроизведение результатов и многие другие меры.

Такая ситуация почти с самого начала развития палеогенетических исследований наложила ограничения на участие в подобных работах большей части научных коллективов, не готовых ограничить свои исследования одной лишь областью анализа древней ДНК. Если на ранних этапах становления палеогенетики можно было наблюдать, как в одной лаборатории параллельно (а зачастую на базе единой инфраструктуры) проводился анализ представителей современного и древнего населения одной и той же территории, то довольно быстро был сделан выбор в пользу организации узкопрофильных специализированных палеогенетических лабораторий, отвечающих строгим требованиям к их структуре, оснащению и организации рабочих процессов. Таким образом, априори ограничивалось число ведущих научных центров в области палеогенетики.

Учитывая деградированное состояние древней ДНК, палеогенетика являлась одним из направлений, на развитие которых в наибольшей степени влиял уровень технологий анализа структуры ДНК, а также специфика молекулярно-генетических маркеров и уровень их сохранности в останках. Так, в палеогенетике еще более выраженной была «эпоха мтДНК». Сохранность мтДНК из-за ее высокой копияности в клетках, как правило, превышает сохранность ядерной ДНК. Поэтому в образцах с невысокой сохранностью ДНК часто можно наблюдать ситуацию, когда полноценный анализ мтДНК возможен, а ядерная ДНК слишком деградирована (но никогда — наоборот). Кроме того, вплоть до появления методов высокопроизводительного секвенирования, мтДНК оставалась единственным филогенетически и филогеографически информативным маркером, для которого был возможен анализ в древнем материале на всех уровнях — от отдельных информативных фрагментов (чего зачастую вполне достаточно для решения многих задач) до секвенирования полных последовательностей мтДНК. Намного сложнее обстояло дело с анализом других информативных маркеров. И если для Y-хромосомы такие исследования проводились (и продолжают выполняться) даже без высокопроизводительных методов (*Kivisild* 2017), то попытки анализа отдельных филогенетически информативных маркеров остальной части ядерного генома — большая редкость. Безусловно, анализ ядерной ДНК представителей древнего населения — одна из областей, в наибольшей степени получившая мощный импульс к развитию с появлением технологий высокопроизводительного секвенирования. Отметим, что проблема создания корректных алгоритмов статистической обработки таких «геномных» данных для палеогенетики стоит еще острее, чем для генетики современных популяций. Деградированное состояние древней ДНК существенно увеличивает вероятность ошибок при ее секвенировании, которые накладываются на имеющиеся нюансы статистической обработки результатов и приводят к дополнительному искажению получаемых результатов и выводов. Кроме того, остро стоит вопрос о качестве получаемых «палеогеномных» данных. В подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с получением данных лишь для относительно небольшой части генома: либо сфокусированный анализ выбранной части генома, либо анализ одного типа полиморфизмов генома (чаще всего — однонуклеотидных полиморфизмов, рассеянных по всему геному). Получение же условно полных геномов (близких к полным последовательностям), сопоставимых по качеству и достоверности с современными образцами, в случае палеогенетики связано с огромными затратами (реактивов, финансов, труда исследователей). В связи с этим получение высококачественных геномных данных о представителях

древнего населения бывает оправданным лишь для материалов, имеющих выдающееся значение с точки зрения получаемых этногенетических или эволюционных реконструкций, да и то обычно для образцов, демонстрирующих очень высокий уровень сохранности ДНК в останках в силу тех или иных причин. Поэтому мы видим такие примеры пока только в отношении палеолитических материалов, имеющих отношение к ранним стадиям становления генетической структуры населения планеты.

Следует отметить, что и накапливаемые в настоящее время неполные геномные данные позволяют решать множество задач в области реконструкции генетической истории населения, по крайней мере, на определенном уровне ее детализации. Интересно, что, хотя данные по маркерам с однородительским наследованием формально отошли на второй план в работах, посвященных геномному анализу, многие выводы этих работ в наилучшей степени иллюстрируются именно данными по мтДНК и Y-хромосоме. Важно отметить, что высокопроизводительные методы секвенирования, помимо обеспечения доступа к геномным данным, по-разному повлияли на развитие области анализа мтДНК и Y-хромосомы в палеогенетике. Ведущие мировые палеогенетические лаборатории переключились на получение и анализ данных по ядерным геномам, что снизило количество проводимых целенаправленных исследований разнообразия маркеров с однородительским наследованием в древних популяциях. И если по мтДНК уже были накоплены значительные объемы данных, то данные по Y-хромосоме оставались фрагментарными, т.е. были доступны только для отдельных групп древнего населения, и чаще представлены сериями низкой репрезентативности. При этом анализ образцов на геномном уровне часто подразумевает параллельное получение довольно высококачественных данных по мтДНК (включая получение полных или почти полных последовательностей митохондриальных геномов исследуемых представителей древнего населения как своего рода побочный продукт эксперимента). С Y-хромосомой ситуация существенно отличается: при получении геномных данных невысокого качества данные по Y-хромосоме чаще всего являются одними из наиболее «слабых» по качеству и уровню достоверности. Поэтому по-прежнему наблюдается разница в репрезентативности накапливаемых данных между двумя однородительскими маркерами. Получение качественных данных по Y-хромосоме для древних популяций является одной из наименее реализованных на данный момент потенциально информативных направлений развития палеогенетических исследований в области этногенетических реконструкций (*Kivisild* 2017). Развитие этого направления требует целенаправленных исследований и создания эффективных инструментов таргетного (целенаправленного) анализа этого трудного в экспериментальной работе, но чрезвычайно информативного в отношении генетической истории популяций человека генетического маркера.

Уже на данном этапе можно констатировать, что, несмотря на бурное развитие исследований «полногеномного» уровня, значение маркеров с однородительским типом наследования (мтДНК, Y-хромосома) не утрачено. А при дальнейшем развитии области этногенетических реконструкций и попытках детализировать представление об исследуемых популяционных процессах, по нашему мнению, значимость этих маркеров снова будет расти.

Таким образом, в отношении развития инструментов анализа структуры древней ДНК современные палеогенетические исследования потенциально сближают (но еще не уравнили!) информативность древних и современных образцов ДНК.

Стратегии формирования выборок (моделей) для этногенетических реконструкций методами палеогенетики

На фоне довольно широких возможностей в выборе молекулярно-генетических маркеров для анализа на первый план при проведении этногенетических реконструкций методами палеогенетики выходит стратегия подбора материала для исследования. Первоначальное стремление выбрать наиболее археологически яркий материал, свойственное ранним этапам развития направления, постепенно уступает место более систематическим исследованиям генофонда древнего населения. Первым шагом на этом пути стало появление работ, охватывающих обширную в географическом плане территорию, для которых проводят анализ относительно синхронных групп древнего населения. Такие работы были, например, проведены для неолитического населения Евразии (*Allentoft et al. 2024*), населения значительной части Евразии эпохи бронзы (*Allentoft et al. 2015*), ранних кочевников из различных регионов степного пояса Евразии (*Unterlander et al. 2017*). Сравнение относительно синхронных групп из отдаленных друг от друга регионов служит хорошим инструментом для выявления генетически контрастных зон в пределах больших регионов, установления генетических признаков и последствий масштабных миграционных потоков между этими зонами. Это очень хорошо работает, например, в случае масштабных миграций эпохи бронзы: распространение носителей ямной культурной общности или более позднее распространение срубно-андроновских популяций в Евразии (*Allentoft et al. 2015; Haak et al. 2015*).

Неизбежной слабой стороной такого исследования будет являться относительно низкая репрезентативность выборок для каждого из многочисленных сравниваемых между собой регионов или фрагментарное покрытие этих регионов синхронными выборками. Следует отметить, что появление «полногеномного» анализа позволило лишь в некоторой степени снять проблему репрезентативности: анализ ядерного генома даже небольшого числа индивидов позволяет составить представление о спектре компонентов, входящих в генофонд популяции в целом. Однако это правило хорошо работает для регионов с относительно однообразным населением, но дает сбои в регионах, являющихся зонами контакта многочисленных генетически контрастных групп. Тем не менее, исследования синхронных выборок населения обширных регионов можно рассматривать в качестве важного предварительного этапа для последующих более систематических и детализированных реконструкций.

Мы уже отмечали, что важнейшим преимуществом использования палеогенетических методов в дополнение к анализу современных популяций является возможность исследовать разновременные группы населения. Подход, при котором исследованию подвергаются две или более группы населения, проживавшие в разное время на одной и той же территории, в палеогенетике называется диахронным анализом. Строго говоря, с учетом наличия

популяционно-генетических данных о современном населении большинства регионов планеты, любое палеогенетическое исследование может иметь диахронный аспект (сравнение древней и современной популяций одного региона). При этом распространенной ошибкой является попытка этногенетических реконструкций путем сравнения современной и древней популяций, хронологически сильно удаленных друг от друга. Это приводит к искусственному упрощению процессов и искажению получаемых реконструкций. Учитывая сложность популяционно-генетических процессов для большинства регионов Евразии, решение таких вопросов, как, например, поиск прямых предков той или иной группы современного населения среди популяций региона, проживавших несколько тысячелетий назад, или наоборот, поиск прямых потомков носителей древнейших археологических культур среди современных этнических групп в абсолютном большинстве случаев не только не может быть успешен, но и не является корректной научной задачей. В большинстве случаев та или иная древняя популяция могла принять участие в формировании целого ряда современных групп, а могла и полностью исчезнуть без какого-либо современного следа (либо след очень слабый и не получается его достоверно детектировать). В свою очередь, в сложении генетического состава практически каждой современной этнической группы могли на разных стадиях принимать участие генетические компоненты, связанные с носителями многочисленных археологических культур. Исключения очень редки и касаются популяций, сформировавшихся в условиях длительной генетической изоляции (например, некоторые островные популяции, такие как население Андаманских островов в Индийском океане и подобные случаи вынужденной длительной изоляции). В континентальных условиях это явление крайне маловероятно и наблюдается иногда лишь в условиях экстремальных для проживания человека зон (например, у некоторых популяций Крайнего Севера, которые благодаря этому фактору были удобными моделями для этногенетических реконструкций на уровне современных групп).

Однако изложенные соображения вовсе не означают, что удаленные от нас во времени популяции человека не могут быть полноценно включены в диахронный анализ. Просто для этого требуется анализ нескольких групп, последовательно сменявших друг друга на одной и той же рассматриваемой территории. Такая диахронная выборка населения может быть названа диахронной моделью, так как позволяет моделировать популяционно-генетические процессы в хронологической динамике. Выборка, включающая в свой состав все репрезентативные серии образцов ДНК от представителей всех известных популяций, проживавших в регионе по данным археологии, будет являться полной диахронной моделью. Исследование полной диахронной модели (от наиболее ранних групп до современного населения включительно) является конечной целью палеогенетического исследования любого региона и самой информативной из возможных стратегий применения палеогенетических методов для реконструкции генетической истории населения.

Интересно отметить, что история исследования древних популяций большинства регионов Евразии, напротив, начинается с наиболее отдаленных хронологически от современного населения групп. Дальнейшее движение идет в направлении вовлечения все более поздних популяций. Так, первыми исследованными на популяционном уровне группами на территории Европы стали популяции неолита, за которыми последовали популяции эпохи бронзы

и раннего железного века. Исследования же средневекового населения многих регионов (т.е. тех групп, которые непосредственно могут быть связаны с завершающими этапами формирования современной этнической структуры населения) находятся на стартовом этапе.

Помимо хронологических рамок, важнейшим параметром диахронной модели (выборки) является ее географический масштаб. Очевидно, что чем более локализована модель в отношении географии, тем легче может быть достигнут требуемый уровень репрезентативности исследованных серий образцов. В связи с этим одной из основных тенденций развития этногенетических реконструкций методами палеогенетики является переход от более масштабных к меньшим локально-территориальным диахронным моделям. В перспективе такие модели, исследованные для сопредельных локальных территорий, легко могут быть объединены в модели большего масштаба. Таким образом достигается возможность рассмотрения этнокультурных процессов различного масштаба, а также варьирование степени детализации реконструируемых популяционно-генетических процессов. Другим важным параметром развития диахронных моделей является изменение спектра генетических маркеров на разных стадиях ее исследования — от анализа отдельных маркеров (например, мтДНК), до широкого их набора, вплоть до уровня полных ядерных геномов (а также различные варианты сочетания этих стратегий генотипирования выборок).

Этногенетические реконструкции методами палеогенетики в Новосибирском научном центре

Рассматривая историю и современное состояние области этногенетических реконструкций с применением методов молекулярной генетики и палеогенетики, мы уже подчеркивали ее ярко выраженную междисциплинарность. Эффективность выполнения исследований зависит сразу от нескольких факторов, таких как наличие специализированной инфраструктуры, репрезентативных коллекций материалов, а самое главное — специалистов высокого уровня в нескольких направлениях, из которых может быть сформирован междисциплинарный научный коллектив, способный тесно взаимодействовать на всех этапах выполнения исследования — от постановки задачи и выбора адекватного палеоматериала до интерпретации полученных палеогенетических характеристик древнего населения с учетом его археологического и антропологического контекста, а также данных по современным популяциям (генетика которых также должна быть исследована за пределами палеогенетической лаборатории и, как правило, другими специалистами). Проведение подобных исследований в полноценном формате возможно, прежде всего, на базе крупных многопрофильных научных центров, занимающих серьезные позиции во всех перечисленных направлениях. Одним из таких центров закономерно стал Новосибирский научный центр (ННЦ). Его уникальность состоит в концентрации в одном месте специалистов, материалов (коллекций) и инфраструктурно-приборной базы по многим научным направлениям. Одним из базовых принципов организации исследований в ННЦ является поощрение междисциплинарных работ. На это, в частности, были направлены многолетние программы междисциплинарных исследований, активно поддерживавшиеся СО РАН (в том числе и финансово) на протяжении конца 1990-х — начала 2010-х годов. В рамках этой программы зародился междис-

циплинарный коллектив, объединивший генетиков из ИЦиГ СО РАН, археологов, антропологов и этнографов ИАЭТ СО РАН.

Еще до начала палеогенетических работ ННЦ СО РАН занимал лидерские позиции среди отечественных центров в области археологических и этнографических исследований населения Сибири, с одной стороны, и изучения генофонда современного коренного населения Сибири — с другой. Стороны активно взаимодействовали между собой в реализации различных совместных исследовательских программ. Развитие палеогенетического направления позволило выйти на следующий этап взаимодействия. Начавшись с совместных работ в рамках мультидисциплинарного анализа археологических материалов, полученных в процессе выполнения Международной исследовательской программы «Пазырык» (*Молодин и др.* 2003), формирующий коллектив распространил область исследуемых материалов за пределы Алтая, охватив сначала лесостепную зону Западной Сибири (*Молодин и др.* 2013; *Molodin et al.* 2012), а затем и многие другие территории Сибири (и за ее пределами). С целью развития данного направления на базе ИЦиГ СО РАН была создана специализированная инфраструктура для палеогенетических исследований, представляющая собой отдельный научно-исследовательский корпус, отвечающий требованиям, предъявляемым к палеогенетическим лабораториям. На базе этой инфраструктуры работает коллектив межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики (рук. А.С. Пилипенко), сформированный из числа сотрудников ИЦиГ СО РАН и ИАЭТ СО РАН — палеогенетиков, археологов и антропологов. Этот коллектив одним из первых в Евразии перешел на выполнение диахронного палеогенетического анализа (*Молодин и др.* 2013; *Molodin et al.* 2012). Здесь же впервые в России была налажена подготовка кадров для палеогенетических исследований, в том числе на базе Факультета естественных наук НГУ. В настоящее время на базе межинститутской лаборатории в ННЦ СО РАН сформирован и успешно развивается один из ведущих отечественных центров компетенции в области палеогенетики. На его базе выполняются широкомасштабные исследования генофонда разновременных групп населения Сибири. Сформированный в лаборатории банк образцов древней ДНК превысил 6000 индивидов в хронологических рамках от неолита до нового времени. Анализ этого уникального банка материалов проводится в рамках построения серии локальных диахронных моделей для таких территорий, как Барабинская лесостепь, Горный Алтай, лесостепной Алтай, Новосибирское и Томское Приобье, Минусинская котловина, Кузнецкая котловина и другие. Развиваемые в лаборатории модели быстро приближаются к статусу полных диахронных выборок (а, например, для Барабинской лесостепи этот статус уже достигнут). В ближайшей перспективе это позволит завершить выполнение детализированных этногенетических реконструкций генетической истории населения ряда районов Сибири. Суммарная модель постоянно развивается с добавлением новых локально-территориальных диахронных выборок и с детализацией данных по ранее включенным в нее регионам. Учитывая имеющийся у Новосибирского научного центра положительный опыт, можно рассматривать развитие таких региональных междисциплинарных центров компетенции в области палеогенетики как наиболее приемлемую форму организационной структуры палеогенетического научно-го направления в Российской Федерации.

Литература

- Молодин В. И., Воевода М. И., Чикишева Т. А., Ромащенко А. Г., Полосьмак Н. В., Шульгина Е. О., Нефедова М. В., Куликов И. В., Дамба Л. Д., Губина М. А., Кобзев В. Ф. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 286 с.
- Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А., Ромащенко А. Г., Журавлев А. А., Поздняков Д. В., Трапезов Р. О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2013. 220 с.
- Allentoft M. E., Sikora M., Sjogren K. G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlstrom T., Vinner L., Malaspina A. S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolar J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Palfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrcka V., Soenov V. I., Szeverenyi V., Toth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichert-Ponten T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. Vol. 522. P. 167–172.
- Allentoft M. E., Sikora M., Refoyo-Martínez A. et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia. // *Nature*. 2024. Vol. 625. P. 301–311.
- Cann R.L., Stoneking M., Wilson A. C. Mitochondrial DNA and human evolution // *Nature*. 1987. Jan 1–7. Vol. 325(6099). P. 31–36.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R. G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S. L., Risch R., Rojo Guerra M. A., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K. W., Reich D. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. Vol. 522. P. 207–211.
- Kivisild T. The study of human Y chromosome variation through ancient DNA. *Hum Genet*. 2017. May. Vol. 136(5). P. 529–546.
- Kirsanow K., Burger J. Ancient human DNA // *Ann Anat*. 2012. Vol. 194(1). P. 121–132. doi:10.1016/j.aanat.2011.11.002
- Mallick S., Li H., Lipson M., et al. The Simons Genome Diversity Project: 300 genomes from 142 diverse populations // *Nature*. 2016. Vol. 538(7624). P. 201–206.
- Molodin V. I., Pilipenko A. S., Romaschenko A. G., Zhuravlev A. A., Trapezov R. O., Chikisheva T. A., Pozdnyakov D. V. Human migrations in the southern region of the West

Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data // *Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin, 2012. P. 95–113.

Pugach I., Stoneking M. Genome-wide insights into the genetic history of human populations // *Investig Genet*. 2015, 01 Apr. Vol. 6, No. 6. doi: 10.1186/s13323-015-0024-0.

Torroni A., Achilli A., Macaulay V., Richards M., Bandelt H. J. Harvesting the fruit of the human mtDNA tree // *Trends Genet*. 2006. Vol. 22. P. 339–45.

Underhill P. A., Kivisild T. Use of y chromosome and mitochondrial DNA population structure in tracing human migrations // *Annu Rev Genet*. 2007. Vol. 41. P. 539–64.

Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanová Z., Groß M., Sell C., Blöcher J., Kirsanow K., Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V. I., Burger J. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. *Nat Commun*. 2017, 03 Mar. No. 8. P. 14615.

van Oven M., Kayser M. Updated comprehensive phylogenetic tree of global human mitochondrial DNA variation // *Hum Mutat*. 2009, Feb. Vol. 30(2). P. E386–94.

Research article

Pilipenko A. S. Etnogeneticheskie rekonstrukcii metodami paleogenetiki: istoriia, sovremennoe sostoianie i perspektivy. Opyt Novosibirskogo nauchnogo centra [Ethnogenetic reconstructions by paleogenetic methods: history, current state and prospects. The experience of the Novosibirsk Scientific Center] *Anthropologies*, 2024, no 2, pp. 28–43, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/28-43>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Pilipenko A. S. | alexpil@bionet.nsc.ru | <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891> | Leading researcher, Institute of Cytology and Genetics, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Abstract

In recent years, paleogenetics has become one of the promising areas that is rapidly developing within the framework of ethnogenetic reconstructions. Its methods make it possible to directly analyze the genetic composition of diverse groups of ancient populations and significantly complement the reconstructions of the genetic history of the population obtained through genetic studies of modern populations, as well as anthropological studies of diverse groups. The article briefly discusses the main stages in the development of molecular genetics tools used for ethnogenetic reconstructions, and the specifics of using these tools to analyze paleogenetic material. Special attention is paid to various strategies for organizing systematic paleogenetic research to reconstruct the genetic history of the population of regions of various scales, and the rationale for the greatest effectiveness of analyzing representative diachronic models (samples) to obtain detailed and reliable reconstructions is given. Using the example of the organization of interdisciplinary paleogenetic research at the

Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the expediency of creating a network of large leading regional centers of competence in the field of paleogenetics as the most promising form of development of paleogenetic research in the Russian Federation is substantiated.

Keywords: ethnogenetic reconstructions, paleogenetics, ancient DNA, interdisciplinary research, diachronic analysis.

References

- Allentoft, M.E., Sikora, M., Refoyo-Martínez, A., et al. 2024. Population genomics of post-glacial western Eurasia. *Nature*, 625: 301–311.
- Allentoft, M.E., Sikora, M., Sjogren, K.G., Rasmussen, S., Rasmussen, M., Stenderup, J., Damgaard, P.B., Schroeder, H., Ahlstrom, T., Vinner, L., Malaspinas, A.S., Margaryan, A., Higham, T., Chivall, D., Lynnerup, N., Harvig, L., Baron, J., Della Casa, P., Dąbrowski, P., Duffy, P.R., Ebel, A.V., Epimakhov, A., Frei, K., Furmanek, M., Gralak, T., Gromov, A., Gronkiewicz, S., Grupe, G., Hajdu, T., Jarysz, R., Khartanovich, V., Khokhlov, A., Kiss, V., Kolar, J., Kriiska, A., Lasak, I., Longhi, C., McGlynn, G., Merkevcicius, A., Merkyte, I., Metspalu, M., Mkrtychyan, R., Moiseyev, V., Paja, L., Palfi, G., Pokutta, D., Pospieszny, L., Price T. D., Saag, L., Sablin, M., Shishlina, N., Smrcka, V., Soenov, V.I., Szeverenyi, V., Toth, G., Trifanova, S.V., Varul, L., Vicze, M., Yepiskoposyan, L., Zhitenev, V., Orlando, L., Sicheritz-Ponten, T., Brunak, S., Nielsen, R., Kristiansen, K., Willerslev, E. 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 522: 167–172.
- Cann, R.L., Stoneking, M., Wilson, A.C. Mitochondrial DNA and human evolution. 1987. *Nature*, Jan, 1, 7, 325, 6099: 31–36.
- Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., Rohland, N., Mallick, S., Llamas, B., Brandt, G., Nordenfelt, S., Harney, E., Stewardson, K., Fu, Q., Mittnik, A., Bánffy, E., Economou, C., Francken, M., Friederich, S., Pena, R.G., Hallgren, F., Khartanovich, V., Khokhlov, A., Kunst, M., Kuznetsov, P., Meller, H., Mochalov, O., Moiseyev, V., Nicklisch, N., Pichler, S.L., Risch, R., Rojo Guerra, M.A., Roth, C., Szécsényi-Nagy, A., Wahl, J., Meyer, M., Krause, J., Brown, D., Anthony, D., Cooper, A., Alt, K.W., Reich, D. 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, 522: 207–211.
- Kirsanow, K., Burger, J. 2012. Ancient human DNA. *Ann Anat*, 194, 1: 121–132. doi:10.1016/j.aanat.2011.11.002
- Kivisild, T. 2017. The study of human Y chromosome variation through ancient DNA. *Hum Genet*, May, 136, 5: 529–546.
- Mallick, S., Li, H., Lipson, M., et al. 2016. The Simons Genome Diversity Project: 300 genomes from 142 diverse populations. *Nature*, 538, 7624: 201–206.
- Molodin, V.I., Pilipenko, A.S., Chikisheva, T.A., Romashchenko, A.G., Zhuravlev, A.A., Pozdnyakov, D.V., Trapezov, R.O. 2013. *Mul'tidisciplinarnye issledovaniia naseleniia Barabinskoi lesostepi V–I tys. do n.e.: arheologicheskii, paleogeneticheskii i antropologicheskii aspekty* [Multidisciplinary studies of the population of the Barabinsk forest–steppe V–I millennium BC: archaeological, paleogenetic and anthropological aspects]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.

- Molodin, V.I., Pilipenko, A.S., Romaschenko, A.G., Zhuravlev, A.A., Trapezov, R.O., Chikisheva, T.A., Pozdnyakov, D.V. 2012. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data. *Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*, Berlin: 95–113.
- Molodin, V.I., Voevoda, M.I., Chikisheva, T.A., Romashchenko, A.G., Polos'mak, N.V., Shul'gina, E.O., Nefedova, M.V., Kulikov, I.V., Damba, L.D., Gubina, M.A., Kobzev, V.F. 2003. *Naselenie Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleznogo veka kak etnokul'turnyi fenomen: proiskhozhdenie, genezis, istoricheskie sud'by (po dannym arkhologii, antropologii, genetiki)* [The population of Gorny Altai in the Early Iron Age as an ethnocultural phenomenon: origin, genesis, historical destinies (according to archaeology, anthropology, genetics)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
- Pugach, I., Stoneking, M. 2015. Genome-wide insights into the genetic history of human populations. *Investig Genet*, Apr., 1, 6, 6. doi: 10.1186/s13323-015-0024-0.
- Torroni, A., Achilli, A., Macaulay, V., Richards, M., Bandelt, H.J. 2006. Harvesting the fruit of the human mtDNA tree. *Trends Genet*, 22: 339–45.
- Underhill, P.A., Kivisild, T. 2007. Use of y chromosome and mitochondrial DNA population structure in tracing human migrations. *Annu Rev Genet*, 41: 539–64.
- Unterländer, M., Palstra, F., Lazaridis, I., Pilipenko, A., Hofmanová, Z., Groß, M., Sell, C., Blöcher, J., Kirsanow, K., Rohland, N., Rieger, B., Kaiser, E., Schier, W., Pozdnyakov, D., Khokhlov, A., Georges, M., Wilde, S., Powell, A., Heyer, E., Currat, M., Reich, D., Samashev, Z., Parzinger, H., Molodin, V.I., Burger, J. 2017. Ancestry and demography of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. *Nat Commun*, Mar., 3, 8: 14615.
- van Oven, M., Kayser, M. 2009. Updated comprehensive phylogenetic tree of global human mitochondrial DNA variation. *Hum Mutat*, Feb., 30, 2: E386–94.

© Е.Ф. Фурсова

Сибирскость русского и других восточнославянских народов в Сибири: история и проблемы изучения

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, многообразие этнокультурных групп русских Сибири, сибирскость, региональная идентичность

В работе представлены результаты комплексного изучения формирования и трансформации многоуровневой идентичности русского/восточнославянского населения Сибири, которое осуществлялось в Новосибирском научном центре с 1970-х годов. Полипарадигмальный подход с использованием методов этнокультурных и конструктивистских исследований позволил сфокусироваться на оценке процессов идентификации полиэтничного сообщества региона на разных этапах его развития. Был выявлен сложный характер самосознания сибиряков; выделены этнолокальные, этноконфессиональные и региональные формы. В фокусе исследования находится сибирская идентичность. Она рассматривается как динамичное многоуровневое явление. Сибирская идентичность находится в состоянии постоянных изменений, в том числе и под влиянием различных общественно-политических сил, новых социально-экономических, политических вызовов.

Становление этнографии в России начиналось с дескриптивного описания народов, их языковых, культурных и прочих характеристик. Этот подход сохранял свое значение на протяжении XIX–XX вв. Он был закреплён в советской теории этноса, опиравшейся на концепцию этнической иерархии, согласно которой в структуре русского этноса выделялись несколько этнографических групп, в том числе русские Сибири и Дальнего Востока. Эта структура была воспроизведена в томе «Русские», изданном в 1997 г. в фундаментальной серии «Народы и культуры» Институтом этнологии и антропологии РАН. И хотя к этому времени началась переоценка теории этноса, содержание тома определяли исследования, осуществлявшиеся на ее основе в 1960–1980-е годы.

Фурсова Елена Федоровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии ИАЭТ СО РАН. e-mail: mfl1@mail.ru <https://orcid.org/0000-002-9459-7033>

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022–0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Для цитирования: Фурсова Е.Ф. Сибирскость русского и других восточнославянских народов в Сибири: история и проблемы изучения // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 44–55, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/44-55>

«Население Сибири XIX в., — подчеркивали авторы тома, — состояло из коренных и пришлых народов. Многочисленное к тому времени русское население не представляло единого целого по своему происхождению и составу. Русские, начавшие проникать в Сибирь еще в конце XVI в., выработали своеобразные черты быта и характера и образовали ядро старожилов — потомков ранних поселенцев с Европейского Севера и из Северного Приуралья. Переселенцы XIX в. из южнорусских и центральных губерний России составили группы новоселов («российских»). Среди тех и других сформировалось несколько групп под воздействием разных факторов: характера их расселения в Сибири (отдельно от других народов — компактного или чересполосного с ними, или интенсивного проникновения в инорасселение и т.п.), численности, демографических процессов, происходивших в их среде, особенностей иноэтничного окружения» (Русские 1997: 114).

В составе русских Западной Сибири выделяли группы казачества, старообрядцев («каменщики» и «поляки»), духоборов, молокан и т.д.; в Восточной Сибири — русских Енисея и Забайкалья, в том числе старообрядцев «семейских» и др.; в Якутии — усть-оленекских, усть-янских, верхоянских, русских устьинцев (индигирцев), усть-слонских и колымских жителей и т.д. На северо-востоке Сибири русские также были представлены несколькими этнотерриториальными и сословными группами (Русские 1997: 114–115). «Несмотря на сложную этническую историю, — говорилось в разделе «Этнографические группы русского народа», — все русские Сибири, пришедшие в разное время из ряда европейских губерний и в некоторых местах смешавшиеся с коренными народами, имеют общие черты, хотя каждая из сибирских групп русских сохраняет присущие только ей особенности. <...> На самом деле, несмотря на все своеобразие, русские сибиряки сохранили много общего со своими предками из Европейской России. Подтверждением этого является вся материальная и духовная культура русских, сложившаяся в разных регионах Сибири, развивавшаяся в общем русле с культурой всего русского народа» (Русские 1997: 113–114). Особенностью этнографических групп русских Сибири, согласно официальной теории, являлось их общенациональное самосознание. Оно было направлено как внутрь сообщества (на осознание бытия, исторических судеб и ценностей), так и вовне — на межэтнические контакты (Бромлей 1983: 173, 180; Чистов 1986: 13–14).

Опираясь на вариативные методики, этнографы Новосибирского научного центра выявили сложный характер самосознания сибиряков; выделили его локальные (этнокультурные), этноконфессиональные и региональные формы. Группы русского / восточнославянского населения Сибири определялись прежде всего по тем характеристикам, которые их представители считали для себя наиболее значимыми. Масштабная работа по их идентификации началась в рамках гуманитарного отделения СО АН СССР с 1970-х годов при участии историков, этнографов, фольклористов.

Формат исследований изначально был скоординирован с комплексным проектом по изучению крестьянства Сибири, который инициировал Институт истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР под руководством акад. А.П. Окладникова. Он завершился пятитомным энциклопедическим изданием «Истории крестьянства Сибири» 1982–1991 гг. Ориентированный на социальную историю, этот фундаментальный труд определил векторы историко-

этнографических изысканий; обозначил системный подход к изучению крестьянской культуры: с анализом особенностей хозяйства, ремесел и быта была уязвана характеристика искусства, фольклора, крестьянской литературы.

В ходе долговременных этнографических и фольклорных изысканий в Западной и Восточной Сибири (в Обь-Иртышском междуречье, в бассейне Томи, на Алтае, в Забайкалье и пр.) были выделены различные группы русских сибиряков, проведен историко-сравнительно анализ особенностей их культуры (Болонев 1985, 2001; Курилов 2005; Курилов, Люцидарская, Майничева 2005; Фурсова 2006, 2022, 2024 и др.).

На материалах Западной Сибири (зоны земледелия в Приобье, Барабе, Кулунде, на Алтае и пр.) и Забайкалья Е. Ф. Фурсовой была предложена классификация этнографических групп русских / восточных славян, опиравшаяся на данные об их происхождении, о закономерностях развития и культурно-бытовых особенностях (Фурсова 2006: 427–428). Были выделены компактные конфессионально-этнографические группы середины XVIII — конца XX в., образовавшиеся в результате миграции и слияния общин старообрядцев (сторонников православия до реформ 1650–1660-х годов) с иноэтничными группами; это: «курганы» Присалаирья, белорусские «москали» Васюганья, «поляки» Алтая, а также «семейские» Забайкалья.

Особое место на этнографической карте Сибири занимали компактные и рассеянные этнографические и конфессионально-этнографические группы (православные — «никониане» и старообрядцы), выделившиеся из родного этноса в результате реальных (часто переосмысленных в мифологическом ключе) событий отдаленного прошлого — это «чалдоны», «кержаки», «двоеданы».

Многочисленными в структуре народонаселения Сибири были рассеянные и компактные территориально-этнографические группы российских (православных) переселенцев второй половины XIX — начала XX в., связанные общностью мест выхода и исторической памяти, культурно-бытовыми особенностями, обрядовыми и фольклорными традициям — это «вятичи», «рязаны», «куряне» и др.

Усилиями историков и этнографов научных центров Новосибирска, Барнаула и Омска была воссоздана история Сибирского Линейного казачьего войска. В своих истоках это сословно-государственного учреждение Российской империи опиралось на сибирское городское казачество; существовало в XIX — начале XX в.; расширилось за счет зачисления в казаки крестьян (старожилов и переселенцев); имело собственные земли, управление, организацию, культурные устои. Основной зоной расселения казачества Западной Сибири были поселки в пределах современной Омской области и Алтайского края. Там и сегодня сохраняются традиции казачьей культуры. С начала 1990-х годов в Западной Сибири происходило воссоздание казачьих обществ в форме общественных организаций и реестровых структур (Никитин 1988; Недбай 2004; Зуев, Люцидарская 2010; Ремнев, Суворова 2011 и др.).

Согласно многолетним исследованиям, каждая этнографическая группа (этно-конфессиональная, этнотерриториальная, сословная) имела тот «стер-

жень», вокруг которого она формировалась. Для сибиряков-старожилов, в том числе «чалдонов», важным для обозначения своей общности было единство культурно-бытовых и нормативных практик, а также представление об общности происхождения («с Чала и Дона»). Основным этнодифференцирующим признаком этой группы являлось выраженное самосознание, опиравшееся на представления о сибирской укорененности предков, об «исконном» праве на земли Сибири и ее ресурсы.

Для старообрядческих групп на первом месте стояла приверженность древлеправославной вере. Конфессиональное самоопределение было для них более значимым, чем этническое. Это определяло многие стороны бытия, в том числе брачные предпочтения: браки заключали со староверами — мордвой, чувашами, представителями коренных народов; в то же время связи с русскими сторонниками официальной церкви избегали. В конфессионально-этнографических группах единство осознавалось как следствие особого исторического развития и находило опору в религиозном сознании. На этапе становления главенствующей силой в объединении таких групп было неприятие исправленных богослужебных книг, измененного крестного знамения (троеперстия) и в целом западных культурных влияний, что и определяло их отношения с внешним миром. В Сибири многие группы старообрядцев закрепили древние традиции на уровне культурных маркеров (Болонев 1985, 2001). Самосохранение казачьих общин определяли привилегии и регламенты войскового сословия, которые были аннулированы в 1919 г.

Конкурирующим сообществом в освоении сибирской земли для русских старожилов в конце XIX — начале XX в. выступали российские переселенцы. Они, как правило, селились и жили «выселками», «концами», уличными «краями», («рассейскими», «курскими», «рязанскими», «могилевскими» и пр.); в семейных отношениях, при заключении браков, ориентировались на «своих», хотя браки со старожилами считались престижными. В группах переселенцев (в том числе «русских», «малороссов» и «белорусов») долгое время сохранялись культурные традиции мест исхода; одним из основных в их самоопределении был принцип землячества. Развивались такие группы как территориально-этнографические.

Переселенцы конца XIX — начала XX в. отождествляли свою родину с Российской империей, при этом в их идентичности доминировала не этническая, а региональная дифференциация. В некоторых регионах Сибири, проживая рядом с русским старожильческим населением, белорусские и украинские переселенцы получали своеобразный социокультурный статус, который нашел отражение в использовании названия «самоход». Отдельные локальные сообщества переселенцев (такие как «панцирные бояре» в составе белорусов) привнесли на территорию Сибири самоназвания, отражавшие их сословный, или социальный статус времен Великого княжества Литовского XVII–XVIII вв. (Федоров 2020).

На протяжении XX в. сословные, конфессионально-этнографические, территориально-этнографические группы русского / восточнославянского происхождения развивались во взаимодействии друг с другом в границах полиэтничного сообщества Сибири; меняли свои культурные свойства, способы и формы самоопределения. И, как показали исследования, боль-

шинство из них обладали сложным, многоуровневым самосознанием. Оно включало рефлексию на тему национального русского (славянского) единства и культурно-бытовых особенностей; воспроизводилось на уровне сравнения своего и чужого; имело пространственную (природно-ландшафтную) привязку. Локальные эндо- и экзоэтнонимы отдельных групп русского / восточнославянского населения Сибири были связаны с их происхождением, местами исхода, с топографией расселения (чаще с гидронимами), отражали исторические события в далеком и недавнем прошлом. Эти этнонимы (как показатели самосознания) сосуществовали в сибирском сообществе в сложных композициях. При изменении социально-политического и социокультурного контекста происходила актуализация одного (или нескольких) аспектов самоопределения.

В 2000-е годы предметом исследования этнографов Новосибирского научного центра стали механизмы самоопределения русского / восточнославянского населения Сибири. Полипарадигмальный подход с использованием методов этнокультурных и конструктивистских исследований позволил сфокусироваться на изучении процессов идентификации полиэтничного сообщества региона на разных этапах его развития. Вслед за выходом в 2011 г. в ИЭА РАН обобщающей монографии «Феномен идентичности в современном гуманитарном знании (к 70-летию академика В.А. Тишкова)» на базе Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН под руководством Е.Ф. Фурсовой началась разработка проекта, посвященного анализу соотношения этнолокальной, региональной и национальной идентичности русского / восточнославянского населения Сибири с XIX в. и до современности. «Сибирскость» стала предметом долговременного исследования.

Известно, что эта категория активно обсуждалась в интеллектуальных кругах региона еще в начале XX в. Тогда представления о жителях Сибири, их особом образе жизни и характере соотносились с проектами областников. Это было региональное общественно-политическое движение, настаивающее на особом месте Сибири в Российской империи. Согласно выводам экспертов, утверждение «сибирскости» в имперской России рождало страхи сепаратизма (Ремнев 2011).

В начале XXI в., когда в постсоветской России начались процессы социального конструирования, особенно активные в период избирательных кампаний, тема регионализма вновь появилась на повестке дня. Она обсуждалась на просторах интернета, в научной и популярной литературе, на площадках фестивалей и общественных форумов.

В Красноярске при поддержке местной администрации выходил альманах «Национальность — сибиряк», в Омске существовала телевизионная программа «Национальный характер». В Новосибирске было зарегистрировано региональное общественно-политическое движение «Мы – сибиряки». Внимание к сибирской идентичности привлекла перепись населения России 2010 г. — самоназванию «сибиряк» был присвоен № 263. Именно в этот период, как подчеркивал А.В. Ремнев, «разговоры о сибирском (русско-сибирском) субэтнотипе как особой историко-культурной общности вышли за пределы узкого круга этнографов и социологов, приобретя широкое общественно-политическое звучание» (Ремнев 2011: 109). На региональной составляющей самосознания настаивал ряд исследователей. Они подчеркивали ее конфликт-

ную составляющую, возникающую при взаимодействиях центра и регионов, в том числе, по поводу освоения ресурсов (*Дутчак, Львова, Нам 2012; Анисимова, Ечевская 2012*).

Вновь актуальной стала проблема обсуждения природы сообщества сибиряков. Предпринятый В. Н. Куриловым анализ русских сибиряков как субэтноса в составе русского этноса показал, что его выделение не состоялось, поскольку приоритетным было формирование русской нации (*Курилов 2002*). Полевые (этнокультурные и этносоциальные) исследования не подтверждали трактовку сибиряков в качестве особой общности. Самоидентификация «сибиряк» не означала отказа от «природной» этничности. Органичными для жителей региона были самоопределения «коренной сибиряк», «русский сибиряк», «сибирский казак» и «сибирский татарин» и т. д. (*Жигунова 2011*).

На страницах «Исторической энциклопедии Сибири» 2010 г. М.А. Жигунова и Е.Ф. Фурсова обозначили пять основных трактовок определения «сибиряки»: территориальное (сибиряки — это этнопоним); региональное (люди, родившиеся и долго живущие в Сибири); культурно-историческое (коренные жители Сибири); психологическое (особый тип людей с хорошими адаптационными способностями); этническое («смешанный этнос», сложившийся на основе взаимодействия русских с другими народами). В качестве предпосылок формирования региональной общности сибиряков называли некоторую замкнутость и географическую отдаленность Сибири от Европейской России, обширность территории, определенную свободу в жизнедеятельности и относительно мирное сосуществование пришлого и аборигенного населения (обусловленные обилием земель и угодий), особые природно-климатические и этнокультурные условия, межэтнические и межрелигиозные контакты (*Жигунова, Фурсова 2010*).

Обобщающий характер в разработке темы приобрела монография «Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX — начало XXI в.)», подготовленная творческим коллективом под руководством Е.Ф. Фурсовой на базе ИАЭТ СО РАН в 2022 г. В ходе анализа стратегий идентификации сибиряков, авторы издания выделяли понятие «этнокультурная память», которую в общих чертах можно было определить как специфическую форму коллективной памяти — совокупность представлений об общности происхождения и этнических границах, а также как свод знаний, посредством которых воспроизводятся базовые структуры материальной и духовной культуры и историческое сознание определенной общности, основанное на аккумуляции жизненного опыта ее представителей (*Фурсова, Федоров, Шитова, Голубкова, Васеха 2022*).

Исследователи проследили трансформацию этнокультурных ценностей некоторых групп от прошлого к современности. В результате удалось выяснить, что из привезенного «багажа» оказалось наиболее жизнеспособным и ценным для сохранения их самосознания. Список оказался внушительным — от кулинарных рецептов и костюма до песенного фольклора, от исторических преданий и семейных хроник до религиозных символов (*Шитова 2020*).

Усилия авторского коллектива монографии были сосредоточены на оценке идентичностей сформировавшихся в Сибири к концу XIX — началу XX в.

этнографических групп и последующих их трансформаций, которые возникли в ходе конструирования советского народа. Термин «советский народ» начал использоваться в СССР еще в 1920–1930-е годы. В 1961 г., в докладе о новой программе КПСС на XXII съезде партии Н.С. Хрущёв объявил о возникновении новой исторической общности, культура которой должна была соответствовать формуле «национальная по форме, социалистическая по содержанию». Постановлением XXIV съезда КПСС 1971 г. советский народ был провозглашен основой союзного общенародного государства. Его определяли как историческую, социальную и интернациональную общность людей, объединенных единой территорией, экономикой, социалистической по содержанию культурой (*Варнавский 2004*).

На основе анализа повседневной истории, материалов устной истории, глубинных интервью с сибиряками был сделан вывод о том, что при актуализации новой исторической общности «советский народ» этническая компонента была нивелирована. Став реальностью в декларативном формате, идеологема «советский народ» на индивидуальном и коллективном уровне повлияла на актуализацию региональной, социальной и политической (гражданской) составляющих структуры идентичностей. Это совпало с процессом модернизации сибирских сел и унификацией быта. В 1970-е годы многие элементы традиционной культуры исчезли из повседневного обихода; были перенесены в пространство музеев и на площадки фольклорных фестивалей. Они приобрели символический характер. Но сохранялась этнокультурная и историческая память. Самосознание русских / восточнославянских групп Сибири приобрело все более многомерный характер.

При анализе «сибирскости» обращали на себя такие аспекты идентификации, как отношение к своему месту жительства; осознание себя в национальном российском и региональном историко-культурном пространстве; уровень социального оптимизма в регионе (*Фурсова, Федоров, Шитова, Голубкова, Васеха 2022*). Исследование показало, что сибиряки интерпретируют свою особость сквозь призму стратегий адаптации к экстремальным природно-климатическим условиям. Порой сибирская идентичность опирается на расхожие стереотипные представления.

Анализ современных средств массовой информации позволяет реконструировать «медийный образ» сибиряка. В местном информационном потоке вырисовываются экономическая, культурная, научная, природно-географическая сферы его жизни; подчеркивается умение жить в гармонии с природой, выносливость, закаленность, отзывчивость, гостеприимность, терпимость. Образ сибиряка, по мнению экспертов, имеет различные уровни проявления (*Ершова 2016*).

В рамках реализации проекта «Сибирь и сибиряки» ИАЭТ СО РАН подтверждается взаимосвязь самоопределения регионального сообществ с понятием «имиджа региона». «Как и региональная идентичность, идентичность региона, — подчеркивает Е.В. Головнева, — также может быть структурирована. В этом случае структурными компонентами идентичности региона оказываются системы дискурсов, различных по форме и уровню существования. Например, идентичность региона становится возможным анализировать, с одной стороны, как совокупность мифологического, художественного,

политического, научного, философского дискурсов о регионе, с другой — как систему представлений, функционирующую на «низовом» и «официальном» уровне» (Головнева 2017: 187–188).

Такого рода конструктивистское прочтение сибирской идентичности позволяет рассматривать ее как динамичное многоуровневое явление, которое претерпевает изменения в различных общественно-политических условиях, в ходе исторических событий, под влиянием целенаправленного конструирования как со стороны государственных и муниципальных органов, так и со стороны общественных сил. Сибиряки ищут формы для выражения региональной специфики и ее визуализации. Сибирская идентичность находится в состоянии постоянных изменений, в том числе и под влиянием различных общественно-политических сил, новых социально-экономических, политических вызовов.

Литература

- Анисимова А. А., Ечевская О. Г.* «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // *Laboratorium. Журнал социальных исследований.* 2012. № 3. С. 11–41.
- Боловнев Ф. Ф.* Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1985. 143 с.
- Боловнев Ф. Ф.* Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. Барнаул: Изд-во БЮИ. 2001. 51с.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука. 1983. 412 с.
- Варнавский П. К.* Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (На материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio.* 2004. № 4. С. 239–262.
- Васеха М. В.* Кто такой «сибиряк»: что такое сибирская идентичность // *Вестник Российской нации.* 2014. Т. 6, № 6. С. 316–327.
- Головнева Е. В.* Региональная идентичность и идентичность региона // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки.* 2017. Т. 12, № 3. С. 182–189.
- Дутчак Е. Е., Львова Э. Л., Нам И. В.* Сибирская региональная идентичность — фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История.* 2012. № 2–1. С. 41–44.
- Ершова В. Е.* Образ жителя Сибири в медиапространстве Томска и Северска (на материале телевизионных выпусков и радиосообщений) // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2016. № 4. С. 168–180.

- Жигунова М. А.* Некоторые проблемы сибирской идентичности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2006. Т. XII, № 2. С. 92–95.
- Жигунова М. А., Фурсова Е. Ф.* Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск: Издательский Дом Историческое наследие Сибири, 2010. С. 101–102.
- Зуев А. С., Люцидарская А. А.* Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI — начале XVIII в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, вып. 1. История. С. 52–59.
- Курилов В. Н.* Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 29 с.
- Курилов В. Н.* Расселение русских старожилов Западной Сибири в середине XIX века. Новосибирск: Изд-во ПреПрессСтудио, 2005. 220 с.
- Курилов В. Н., Люцидарская А. А., Майничева А. Ю.* Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII — начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Новосибирск: ПреПресс-Студио. 2005 100 с.
- Недбай Ю. Г.* История Сибирского казачьего войска. Омск, 2004. 397 с.
- Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. 255 с.
- Ремнев А. В.* Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX — начала XX в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: ОГПУ, 2002. С. 15–28.
- Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Казачество в колонизационных процессах конца XIX — начала XX века // Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 18–28
- Ремнев А. В.* Национальность «Сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Политика. 2011. № 3. С. 109–128
- Русские.* М.: Наука, 1997. 828 с.
- Федоров Р. Ю.* Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 102–115.
- Феномен идентичности в современном гуманитарном знании (к 70-летию академика В.А. Тишкова). М.: Наука, 2011. 670 с.
- Фурсова Е. Ф.* Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 427–441.
- Фурсова Е. Ф.* Мир рязанских переселенцев пореформенного периода: к методам исследования миграций и локальной адаптации на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. № 4. С. 131–140.

Фурсова Е. Ф., Федоров Р. Ю., ШUTOва Н. И., Голубкова О. В., Васеха М. В. *Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX — начало XXI в.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.*

Чистов К. В. *Народные традиции и фольклор (очерки теории)*. Л.: Наука, 1986. 304 с.

ШUTOва Н. И. *Этнокультурная идентичность русских и ее трансформации по материалам Алтайской духовной миссии (начало XX в.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 2. С. 160–170.*

Research article

Fursova E. F.

The Sibirism of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia: history and problems of study [Sibirskost' russkogo i drugikh vostochnoslavianskikh narodov v Sibiri: istoriia i problemy izucheniia] *Anthropologies*, 2024, No 2, pp. 44-55, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/44-55>

Fursova Elena Fiodorovna | mf11@mail.ru | <https://orcid.org/0000-002-9459-7033>
| Leading researcher, Head of Department of Ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Abstract

The paper presents the results of a comprehensive study of the formation and transformation of the multilevel identity of the Russian/East Slavic population of Siberia, which has been carried out at the Novosibirsk Scientific Center since the 1970s. A multi-paradigm approach using the methods of ethnocultural and constructivist research allowed us to focus on assessing the identification processes of the multiethnic community of the region at different stages of its development. The complex nature of Siberians' identity was revealed; its ethno-local, ethno-confessional and regional forms were highlighted. The focus of the research is on the Siberian identity. It is considered as a dynamic multi-level phenomenon. The Siberian identity is in a state of constant change under the influence of various socio-political forces, new socio-economic and political challenges.

Keywords: ethnocultural identity, diversity of ethnocultural groups of Russians in Siberia, Sibirism, regional identity

References

Anisimova, A.A., Echevskaia, O.G. 2012. «Sibiriak»: obshchnost', nacional'nost' ili «sostoianie dushi»? [«Sibiriak»: community, nationality or «state of mind»?]. *Laboratorium. Zhurnal social'nykh issledovaniï*, 3: 11–41.

Bolonev, F.F. 1985. *Semejskie* [Semeiskie]. Ulan-Ude: Buriatskoe kn. izd-vo.

Bolonev, F.F. 2001. *Staroobryadcy Altaia i Zabajkal'ia: opyt'sravnitel'noi kharakteristiki* [Old Believers of Altai and Transbaikalia: the experience of comparative characteristics]. Barnaul: Izd-vo BfUf.

Bromlei, Iu.V. 1983. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnicity]. M.: Nauka.

- Chistov, K.V. 1986. *Narodnye tradicii i fol'klor (ocherki teorii)* [Folk traditions and folklore (essays on theory)]. L.: Nauka.
- Dutchak, E.E., L'vova, E.L., Nam, I.V. 2012. Sibirskaia regional'naia identichnost' — faktor konflikta ili resurs formirovaniia obshcherossiiskoi identichnosti? [Siberian regional identity — a factor of conflict or resource formation of the All-Russian identity]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serii: Istorii, 2, 1: 41–44.
- Ershova, V.E. 2016. Obraz zhitelia Sibiri v mediaprostranstve Tomska i Severska (na materiale televizionnykh vypuskov i radioobshchenii) [The image of a Siberian resident in the media space of Tomsk and Seversk (based on the material of television broadcasts and radio messages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 4: 168–180.
- Fedorov, R. Iu. 2020. Chaldony i samohody: mify identichnosti i etnograficheskaia real'nost' [Chaldons and Self-propelled guns: Myths of identity and ethnographic reality]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 102–115.
- Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii* (k 70-letiiu akademika V.A. Tishkova). 2011. [The phenomenon of identity in modern humanitarian knowledge (on the 70th anniversary of Academician V.A. Tishkov)] M.: Nauka.
- Fursova, E.F. 2006. Etnograficheskie gruppy vostochnykh slavian v Zapadnoi Sibiri: tipologiya, identichnost', mezhkul'turnye vzaimodeistviia [Ethnographic groups of Eastern Slavs in Western Siberia: typology, identity, intercultural interactions]. *Etnokul'turnoe vzaimodeistvie v Evrazii*, 1. M.: Nauka: 427–441.
- Fursova, E.F. 2024. Mir ryazanskikh pereselencev poreformennogo perioda: k metodam issledovaniia migratsii i lokal'noi adaptatsii na Altae [The World of Ryazan migrants of the Post-Reform period: on the methods of migration research and local adaptation in Altai]. *Arheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 4: 131–140.
- Fursova, E.F., Fedorov, R. Iu., Shitova, N.I., Golubkova, O.V., Vasekha, M.V. 2022. *Sibir' i sibirskii: etnokul'turnaia identichnost' russkogo i drugikh vostochnoslavianskikh narodov v Sibiri (19 — nachalo 21 v.)* [Siberia and Siberians: the Ethnocultural identity of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia (19 — early 21 c.)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
- Golovneva, E.V. 2017. Regional'naia identichnost' i identichnost' regiona [Regional identity and regional identity]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, Ser. 3, Obshchestvennye nauki, 12, 3: 182–189.
- Kurilov, V.N. 2002. *Russkii subetnos Zapadnoi Sibiri v seredine XIX v.: rasselenie i toponimii*. [The Russian subethnos of Western Siberia in the middle of the XIX century: settlement and toponymy]. Abstract of PhD dissertation. Novosibirsk.
- Kurilov, V.N. 2005. *Rasselenie russkikh starozhilov Zapadnoi Sibiri v seredine 19 veka* [The settlement of Russian old-timers of Western Siberia in the middle of the 19 c.] Novosibirsk: Izd-vo PrePress Studio.
- Kurilov, V.N., Liucidarskaia, A.A., Mainicheva, A. Iu. 2005. *Osvoenie Sibiri: sokhranenie i transformatsiia russkoi kul'tury v 17 — nachale 20 v.*: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Development of Siberia: the preservation and transformation of Russian culture in the 17 — early 20 c.] Novosibirsk: PrePress-Studio.

- Nedbai, Iu.G. 2004. *Istoriia Sibirskogo kazach'ego voiska* [The history of the Siberian Cossack army]. Omsk.
- Nikitin, N.I. 1988. *Sluzhilye liudi v Zapadnoi Sibiri 17 veka* [Military men in Western Siberia of the XVII century]. Novosibirsk.
- Remnev, A.V. 2002. Sdelat' Sibir' i Dal'nii Vostok russkimi: k voprosu o politicheskoi motivatsii kolonizatsionnykh processov 19 — nachala 20 v. [To make Siberia and the Far East Russian: on the question of the political motivation of the colonization processes of the 19 — early 20 century]. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: OGPU: 15–28.
- Remnev, A.V., Suvorova, N.G. 2011. Kazachestvo v kolonizatsionnykh processakh konca 19 — nachala 20 veka [Cossacks in the colonization processes of the late 19 — early 20 century]. *Tartaria Magna*, 1: 18–28.
- Remnev A.V. 2011. Nacional'nost' «Sibiriak»: regional'naia identichnost' i istoricheskii konstruktivizm XIX v. [Nationality «Siberian»: regional identity and historical Constructivism of the XIX c]. *Politiia*, 3: 109–128.
- Russkie*. 1997. [Russians]. M.: Nauka.
- Shitova, N.I. 2020. Etnokul'turnaia identichnost' russkikh i ee transformatsii po materialam Altaiskoj dukhovnoi missii (nachalo 20 v.) [The ethnocultural identity of Russians and its transformations based on the materials of the Altai Orthodox Mission (early 20th century)]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*, 2: 160–170.
- Varnavskii, P.K. 2004. Sovetskii narod: sozдание edinoi identichnosti v SSSR kak konstruirovaniye obshchei pamiati (Na materialakh Buriatskoi ASSR) [The Soviet people: the creation of a unified identity in the USSR as the construction of a common memory (Based on the materials of the Buryat ASSR)]. *Ab Imperio*, 4: 239–262.
- Vasekha, M.V. 2014. Kto takoi «sibiriak»: chto takoe sibirskaa identichnost' [Who is a «Siberian»: what is the Siberian identity]. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 6, 6: 316–327.
- Zhigunova, M.A. 2006. Nekotorye problemy sibirskoi identichnosti [Some problems of Siberian identity]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 12, 2: 92–95.
- Zhigunova, M.A., Fursova, E.F. 2010. Sibiryaki [Siberians]. *Istoricheskaia enciklopediia Sibiri*, 3. Novosibirsk: Izdatel'skii Dom Istoricheskoe nasledie Sibiri: 101–102.
- Zuev, A.S., Liucidarskaia, A.A. 2010. Etnicheskii sostav sibirskikh sluzhilykh liudei v konce 16 — nachale 18 v. [The ethnic composition of Siberian military personnel in the late 16 — early 18 c.]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya*, 9, 1, Istorii: 52–59.

© А.П. Чемчиева

Этносоциальные исследования в Сибири. Наследие В.И. Бойко

Ключевые слова: Сибирское отделение АН СССР, Новосибирская научная школа этносоциальных исследований, В.И. Бойко, современные этносоциальные исследования

Статья посвящена истории этносоциальных исследований Новосибирского научного центра. В 1960–1970-е годы здесь сформировалась школа этносоциальных исследований под руководством выдающего ученого, одного из основоположников этносоциологии России В. И. Бойко (1926–2011). Научные разработки школы были основаны на методологии социальной философии и широком применении социологических (статистико-математических) методов в эмпирических исследованиях. Специфику исследований определял комплексный анализ образа жизни коренных народов Севера во взаимосвязи с практикой социального управления. Особый этап в деятельности В.И. Бойко и его коллег составило участие в работе Региональной межведомственной комиссии по подготовке координационной программы исследований и разработке концепции социального и экономического развития народностей Севера в 1980-х годах. В наши дни выпускники и последователи школы этносоциальных исследований В.И. Бойко продолжают свою деятельность в подразделениях Новосибирского научного центра.

Сибирское отделение было образовано в 1957 г. на базе Западно-Сибирского филиала АН СССР, созданного в 1943 г. Довольно скоро в повестке президиума Сибирского отделения появился вопрос о создании гуманитарного института, который был решен поэтапно. Вначале в 1959 г. была образована Постоянная комиссия по общественным наукам при президиуме СО АН СССР. В 1961 г. в структуре Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) СО АН СССР появился сектор истории промышленности.

Сектор, первоначально насчитывавший семь сотрудников, возглавил известный ученый, д-р. истор. наук, будущий академик А.П. Окладников.

Чемчиева Аржана Петровна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. e-mail: chemchieva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3090-859X>

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022–0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Для цитирования: Чемчиева А.П. Этносоциальные исследования в Сибири. Наследие В.И. Бойко // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 56-71, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/56-71>

В 1962 г. сектор был преобразован в отдел гуманитарных исследований. Научную деятельность отдела характеризовало последовательное расширение исследовательского поля. Наряду с разработкой проблем истории и археологии, его сотрудники развернули изучение языков коренных народов Сибири. В декабре 1966 г. был создан Институт истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР. Директором института был утвержден в то время чл.-корр. А.П. Окладников (*Куперитох* 2006: 56–57).

Будучи лидером гуманитарного направления, А.П. Окладников придавал первостепенное значение разработке актуальных и малоисследованных проблем. По его инициативе в 1967 г. в институте был создан сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири, который возглавил ученый секретарь института канд. философ. наук В.И. Бойко (1926–2011). В 1968 г. сектор был преобразован в отдел социологических исследований. В его составе со временем помимо сектора исследований проблем развития народов Сибири появились сектор социальных проблем труда и образования молодежи под руководством Д.Л. Константиновского и сектор математических методов в гуманитарных исследованиях под руководством А.Ф. Фелингера. Возглавив новый отдел, В.И. Бойко приложил большие усилия для развития его научного потенциала и разработки теоретико-методологических основ этносоциальных исследований (*Бойко* 1973: 3; *Русаков* 1974: 7).

Следует отметить, что в 1960-е годы в СССР социологические исследования получили широкое развитие. К моменту создания отдела социологических исследований ИИФФ СО АН СССР подобные подразделения существовали в Москве (в Институте философии АН СССР, в МГУ, в Академии общественных наук при ЦК КПСС), в Ленинграде, Свердловске, Таллине, Вильнюсе, Перми, Уфе и т.д. При этом первые советские социологи принадлежали к философским, политическим, экономическим, математическим кругам; поэтому каждый из возникших в те годы социологических центров обладал собственным почерком.

Из общего круга первых подобных центров, несомненно, выделялся сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР, созданный в 1966 г. в Институте этнографии АН СССР. По приглашению директора института в то время чл.-корр. Ю.В. Бромлея его возглавил д-р. ист. наук Ю.В. Арутюнян. На базе исследований этого сектора, преобразованного затем в отдел этносоциологии, сложилась московская школа, яркими представителями которой, помимо Ю.В. Арутюняна, были Л.М. Дробижева, М.Н. Губогло, А.А. Сусоколов и др. Кредо социологов ИЭ АН СССР определили поиски «этнического в социальном и социального в этническом». Приоритетными в их исследованиях были проблемы оценки структуры и социальной мобильности народов СССР, их самосознания, ценностных ориентаций, межэтнических и межкультурных отношений. Следуя официальной марксистско-ленинской методологии, социологи ИЭ АН СССР исходили из идеи подчиненности национальных отношений социально-экономическим и уделяли большое внимание осмыслению и конкретизации процесса становления и развития новой исторической общности — советского народа (*Арутюнян* 1973: 6–7; *Рыжова* 2023: 37).

В Новосибирском научном центре первыми проявили интерес к социологии в ИЭиОПП СО АН СССР. С начала 1960-х годов в институте прово-

дильсь профильные исследования, публиковались работы по методам сбора и анализа данных. В 1967 г. там был создан отдел социальных проблем. Его возглавила д-р эконом. наук Т.И. Заславская, заложившая основы Новосибирской экономико-социологической школы, в рамках которой была обоснована новая парадигма, основанная на концепции социального механизма функционирования и развития экономики. В центре внимания представителей школы оказались крупные социальные объекты (предприятия, села, города, регионы и пр.). Исследования были ориентированы на оценку социальной демографии, социально-экономической дифференциации, социально-территориальной структуры, миграции, трудовой мобильности и т.д. (Кин, Сергеева 2008: 95).

Этносоциальные исследования под руководством В.И. Бойко разворачивались одновременно с экономико-социологическим направлением в Новосибирске. Они были направлены на изучение современных проблем развития коренных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Основным объектом исследований являлись 26 народов, входившие в официальный список «малых народов Севера». В соответствии с реалиями времени и установками советской науки эти народы рассматривались как сообщества, в короткий исторический период совершившие переход от патриархального строя к социализму, минуя капитализм.

Вне официальных идейно-политических схем коллектив отдела социологических исследований ИИФФ СО АН СССР исходил из методологии оценки национальной общности (народа) как целостной социальной системы с выделением образующих ее компонентов в их взаимодействии с учетом функций координационного и субординационного характера. Целью исследований являлась комплексная оценка всех сфер деятельности и динамических сдвигов национальной общности в меняющихся социальных условиях. Выделенные характеристики народов (культура, язык, национальный характер) соотносились с социальными процессами (изменение социальных структур, научно-техническая революция, урбанизация и т.д.). При этом начинались исследования отдела без опоры на теорию этноса, утверждавшуюся в российской этнологии в 1960–1970-е годы (Бойко 1973: 37, 40; 1988: 17).

Полевые работы под руководством В.И. Бойко начались в 1967 г. в Хабаровском крае в районе Нижнего Амура — среди нанайцев, ульчей и нивхов. В работе использовались методики, как апробированные в других научных центрах СССР, так и разработанные сотрудниками ИИФФ СО АН СССР. В 31 селе был собран эмпирический материал по широкому кругу вопросов, объединенных в несколько групп: 1) работа: место, стаж, мотивы выбора, оценка условий и уровня оплаты; 2) профессия: стаж, предыдущая профессия, отношение к ней и планы; 3) доходы: заработок, доходы на одного члена семьи; 4) материальные блага: жилье, средства передвижения, бытовые приборы, инструменты; 5) миграция реальная: длительность проживания в данном селе, район выхода, миграция членов семьи, мотивы; 6) миграция потенциальная: ориентация на место жительства, направление, мотивы, сдерживающие причины; 7) общественная активность: формы работы, мотивы, причины неучастия; 8) отношения в группе: контакты, многонациональные коллективы и браки, отношения с администрацией; 9) ценностные ориентации в области досуга и медицинского обслуживания; 10) ориентация на источники, каналы и виды информации; 11) удовлетворенность: профессией, условиями работы,

материальным положением, жилищными условиями, образованием, возможностями культурного отдыха; 12) образование: реальное, планы; 13) семья: структура, молодые семьи и их планы (Бойко 1973: 53).

Для обработки эмпирического материала социологи ИИФФ СО АН СССР с самого начала активно использовали математические методы: полученные данные обрабатывали на ЭВМ по программам, разработанным А.Ф. Фелингером. Итоги исследований на Нижнем Амуре были обобщены в публикациях 1970-х годов (Бойко, 1973; 1977).

Важно отметить, что в 1967–1968 гг. в рамках ИИФФ СО АН СССР было проведено еще одно масштабное исследование. Его осуществили сотрудники отдела филологии под руководством чл.- корр. АН СССР В.А. Аврорина. Проект был ориентирован на анализ функционального взаимодействия русского языка и языков 30 коренных народов Сибири и Дальнего Востока. В ходе полевых работ было собрано и обработано на ЭВМ 58 тыс. анкет. Это был первый опыт масштабной социологической диагностики полилингвального сообщества Сибири (Бойко, 1973: 129; Русаков 1974: 13).

Комплексные этносоциологические исследования под руководством В.И. Бойко осуществлялись до начала 1990-х годов среди эвенов и эвенков Якутской АССР (1974, 1979–1980, 1985 гг.); эвенков Центрального участка БАМа (1977 г.); нанайцев, ульчей, нивхов Нижнего Амура (1979 г.); эвенков Западного участка БАМа (1978, 1982 гг.); нивхов и других коренных народов Севера Сахалинской области (1982 г.); эвенков бассейна р. Енисей (1986–1990 гг.) (Бойко, Попков 1987: 9; Еремин и др. 1988; Золототрубов и др. 1992).

Этносоциальные исследования ИИФФ СО АН СССР позволили по-новому (впервые) рассмотреть многие проблемы коренных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Со временем некоторые темы стали предметом специального анализа. Например, в фокусе исследований находилась оценка перспектив традиционного хозяйства в связи с интенсивным индустриальным освоением Севера. Серьезное внимание уделялось изменениям социально-профессиональной структуры коренных народов и их отношению к труду. Измерение социальной мобильности производилось по результатам обследований тувинцев в 1977–1978 гг., нанайцев — в 1979 г., нивхов — в 1982 г. В ходе эмпирических исследований оценивались отраслевые и социально-профессиональные перемещения, межпоколенная и внутривоколенная мобильность (Бойко, Попков 1987; Удалова, Гражданников 1988).

Особое внимание уделялось анализу проблем молодежи и вопросам социальной адаптации. Массовые обследования были проведены в 1973–1986 гг. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Хабаровском крае, Хакасии, Туве, Горном Алтае, в Новосибирской области. Оценивалось положение молодежи в экономической и социальной структуре регионов, взгляды на учебу и работу, отношение к общественно-политической деятельности. Полученные данные свидетельствовали о динамике интересов и ценностей молодежи и позволяли решать задачи социального прогнозирования (Костюк и др. 1980; Анайбан и др. 1988).

К 1980-м годам в ходе реализации масштабных проектов, опиравшихся на единую методологию и комплексный подход, сочетавших эмпирические и аналитические исследования с использованием вариативных, в том числе статистико-математических методов, сложилась Новосибирская школа этносоциальных исследований во главе с В.И. Бойко (с 1976 г. доктор философ. наук, с 1987 г. — член-корр. АН СССР, с 1991 г. — член-корр. РАН).

Новый этап в развитии школы В.И. Бойко ознаменовался разработкой проекта концепции развития народов Севера. В советское время эта сфера регулировалась государством, определявшим план действий на десятилетия вперед. Очередная программа «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» была утверждена в феврале 1980 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР. На ее реализацию была ориентирована система управления. В ходе подготовки следующего долгосрочного плана в феврале 1982 г. на основе совместного решения президиумов СО АН СССР, Академии медицинских наук (АМН) и Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) была организована Региональная межведомственная комиссия по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера (ККИНС). Объединив усилия ученых разных специальностей, она была призвана разработать новую концепцию развития народностей Севера на долгосрочную перспективу. Председателем ККИНС был утвержден В.И. Бойко (*Бойко* 1988: 8, 10).

Имея большой организационный опыт, В.И. Бойко считал, что «современные проблемы развития народностей Севера взаимообусловлены и не могут быть решены изолированно, а следовательно, и концепция перспективного их развития не может быть сформулирована представителями одной какой-нибудь науки». Он был убежден, что эффективность комплексной программы определит интеграция усилий ученых и управленцев (*Бойко* 1988: 128–129).

Подготовка скоординированной программы исследований была поручена ИИФФ СО АН СССР. Научное и общее руководство ее разработкой осуществлял В.И. Бойко. Разработка проходила в несколько этапов; включала анализ состояния исследований по проблемам, затрагивающим все сферы жизнедеятельности народностей Севера; отбор исследователей (около 600 чел.) и проведение всесоюзной научной конференции в Новосибирске в октябре 1983 г. По итогам были определены направления и структура исследований, обобщены предложения и подготовлена программа «Взаимодействие научно-технического и социального прогресса: общее и особенное (гуманитарный аспект)». Она объединяла 134 организации, 24 министерств и ведомств; включала 268 тем (*Бойко* 1989: 4; *Бойко* 1988: 25).

Программу опубликовали в 1987 г. (*Бойко* 1987). Ее методологической основой стала оценка северных сообществ (их представителей) — как объекта и как субъекта общественного развития. На основе системного подхода в программе обозначались стратегии и тактики управления процессами развития народов Севера в условиях научно-технического прогресса и интенсивного освоения ресурсных территорий. В нее также были включены практические рекомендации органам управления по вопросам текущего и перспективного планирования (*Бойко* 1988: 11–27).

Важным условием разработки программы стало освоение сибирскими учеными зарубежного опыта. Это стало возможным благодаря тому, что в 1985 г. между провинцией Квебек Канады и РСФСР был подписан протокол об экономическом и научно-культурном сотрудничестве. В 1988 г. правительство Квебека инициировало проведение Первого Российско-Квебекского симпозиума по народам арктической зоны. По его завершении канадский университет Лаваль и СО АН СССР подписали Соглашение о сотрудничестве. Чуть позже между Квебеком и РСФСР было подписано Соглашение о развитии сотрудничества в освоении Севера, науке, культуре. В 1990 г. В.И. Бойко организовал проведение Второго Российско-Квебекского симпозиума в Сибири (*Бойко, Люк* 1996: 43–44).

Транснациональное взаимодействие в разработке программ развития северных территорий определяло перспективы развития Новосибирской школы этносоциальных исследований. В фокусе ее исследований находились судьбы российского Севера. Руководство ККИНС понимало, что в 1990 г. истекает срок действия государственной программы социального и экономического развития коренных народов макрорегиона и было важно сформировать новую концепцию для системы управления. Коллектив под руководством В.И. Бойко сконцентрировал свои усилия на подготовке «Концепции социального и экономического развития народностей Севера». Ее положения обсуждались в ходе консультаций со специалистами, представителями коренных народов и управленческими структурами разного уровня — от всесоюзных до региональных. Содержание будущей концепции определяло темы многочисленных совещаний, семинаров и конференций (*Бойко* 1989: 4–5).

Итоговый документ был принят на Всесоюзной научной конференции «Народности Севера: концепция социального и экономического развития в условиях научно-технического прогресса» 10–12 ноября 1988 г. в Новосибирске. Ее участниками стали 497 чел., из них 1/3 — научные работники, 1/3 — работники управления и 1/3 — представители коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Присутствовали 19 делегаций национальных автономий, краев и областей РСФСР, в их числе было 115 представителей народов Севера (*Бойко* 1989: 7–8).

По итогам конференции в 1989 г. была опубликована «Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г.». Она была направлена в Совет Министров РСФСР в качестве основания для формирования перспективного плана социального и экономического развития. Концепция включала характеристику социально-экономических и этнокультурных процессов, оценку медико-социального состояния, систем расселения и самоуправления народов Севера. В каждом разделе теоретические обобщения дополнялись списком конкретных предложений.

Согласованная с нормативно-правовой базой СССР и его идеологией, концепция утверждала ценности социализма. Одной из ее центральных тем было положение о том, что переход на новый уровень развития народов Севера стал возможен лишь в условиях «открытого пути» народов, строящих новое общество. Напротив, изолированность, или «закрытый путь» привел бы к увеличению разрыва северян с другими народами (*Бойко* 1989: 26–27).

В концепции при обсуждении перспектив развития народов Севера использовались понятия «национально-особенное» и «национально-общее» (интернациональное). При этом интернационализация не означала ассимиляции, но предполагала взаимодействие при сохранении «национально-особенного» (этнического). Авторы концепции считали, что традиции развиваются за счет включения элементов нового; если этого не происходит, то они либо отмирают, либо превращаются в консервативный элемент, препятствующий прогрессу (Бойко 1989: 28–29).

Абстрагируясь от риторики социалистических преобразований, несложно понять, что положения школы В.И. Бойко были близки к концепции модернизации. Ученым отмечалось, что бережное отношение к «национально-особенному» (этническому) не означает его искусственного культивирования — это может привести к утрате творческих импульсов и, в конечном счете, к сдерживанию развития. Также не следует активизировать освоение общего. Это чревато запаздыванием в формировании органического единства нового и традиционного, что может привести к ассимиляции (Бойко 1989: 29).

В практическом плане задача управления развитием народов Севера состояла в оптимизации соотношения национально-особенного и интернационального, традиционного и современного. Эта сфера была наиболее проблемной. В концепции указывалось, что существующая практика развития районов Севера была слабо связана с социальным и экономическим развитием народов, их населяющих; в тени остаются проблемы рождаемости, смертности, семьи и брака, воспитания. Они не учитываются при составлении планов регионального развития. Подчеркивалось, что для оптимизации ситуации необходимо отказаться от отождествления концепции развития северных районов и собственно концепции развития народов Севера (Бойко 1989: 33–35).

В практическом плане факторами эффективного планирования развития народов Севера должны были стать следующие решения:

- выделение определенной квоты депутатских мест на всех уровнях Советов народных депутатов для группы «народности Севера», а также квоты в Верховном Совете СССР и РСФСР;

- создание системы депутатского самоуправления и правовой защищенности группы «народности Севера», сочетающей в себе их представительство на всех уровнях Советов народных депутатов, реальную законодательную и распорядительную власть;

- создание Ассоциации народностей Севера;

- принятие кардинальных мер по переустройству условий труда и быта оленеводов и промысловиков, ведущих кочевой образ жизни, на основе внедрения сменно-звеньевой организации труда, изгородного содержания оленей в бесснежный период, создания благоустроенных производственных баз и мобильных поселений на маршрутах;

- основное производственное звено — оленеводческая бригада / звено охотников / бригада рыбаков должны пользоваться правами кооператива;

- подготовка специалистов по оленеводству, рыболовству и другим северным отраслям хозяйства должна осуществляться в профильном учебном заведении;
- необходимо создание этнокультурных центров народностей Севера;
- обязательным должно стать обучение родному языку с дошкольного возраста и до окончания школы;
- необходима пропаганда традиционной культуры, национальных типов одежды, обуви, головных уборов и украшений;
- важное значение имеет введение национальных блюд в меню столовых детских учреждений и др. (Бойко 1989: 52, 58–59, 65–68, 80, 90, 115–117).

Многие из предложений, сформулированных В.И. Бойко и его коллегами, значительно опережали время, и лишь часть из них была реализована уже в постсоветский период. Новационной тогда (и сейчас) была попытка организации сравнительных исследований в масштабах циркумполярной зоны. В развитие российско-канадского сотрудничества была реализована программа «Пути политического развития народов Севера России и Канады». Важной ее частью стали совместные полевые исследования на Чукотке в 1991 и 1993 гг. и на северо-западе Канады в провинции Инувик в 1992–1993 гг. В 1994 г. программу поддержал Департамент по делам индейцев и Севера Правительства Канады (Bausk 1991; Мархинин 1993: 66; Попков 1994б; Бойко, Люк 1996: 3, 51, 202)

Научные итоги сотрудничества сибирских и канадских ученых обсуждались на совещании «Управление, технологии и человеческие ресурсы в Арктике (Север)», состоявшемся в 1995 г. в Новосибирске на базе ИИФФ СО АН СССР. В его работе приняли участие ученые из России, Великобритании, Дании (Гренландии и Фарерских островов), Исландии, Канады, США, Финляндии, Швеции (Бойко, Люк 1996; Луск, Воуко 1996).

К сожалению, несмотря на удачный опыт взаимодействия власти, научного сообщества и народов Севера эти разработки не получили развития из-за распада СССР. Тем не менее, заложенные в них методологические принципы и организационные решения не потеряли актуальности. Они и в наши дни могут служить ориентиром при составлении национальных, транснациональных и региональных программ развития Арктики и ее народов. Но тогда, в 1990-е годы, ситуация была очень сложной.

Социально-политические преобразования и глубокий социально-экономический кризис сопровождалась реструктуризацией АН СССР и ее региональных отделений. ИИФФСО АН СССР в 1990 г. был преобразован в Объединенный институт истории, филологии и философии (ОИИФФСО АН СССР, позже СО РАН). В его состав на правах автономных вошли Институт археологии и этнографии (ИАЭТ), Институт истории (ИИ), Институт филологии (ИФ), Институт философии и права (ИФиПр). Отдел социологических исследований был отнесен к Институту философии и права, директором которого стал В.И. Бойко. Существование в рамках объединенного гуманитарного

центра позволяло социологам, сохраняя ориентацию на принципы интеграции, реализовать комплексные исследования.

В развитии этого направления в ИФиПр СО РАН в 1994 г. была инициирована программа «Ценности и технологии устойчивого социального развития». Ее векторы обозначила конференция «Закономерности социального развития — ориентиры и критерии моделей будущего развития». Это было первое в России (после конференции ООН в Рио-Де-Жанейро в июне 1992 г.) представительное собрание научного сообщества, поставившее своей задачей обсудить социогуманитарные аспекты устойчивого развития общества (*Бойко и др.* 2006: 7).

В рамках данной программы В.И. Бойко особое внимание уделял созданию концепции развития Сибири; полагал, что в интересах России Сибирь необходимо рассматривать как целостный социальный организм, а ее население — как региональную общность и субъект развития. Ученый предложил рамочную платформу объединения сил для разработки концепции «Сибирь в глобальном и региональном измерении XXI века (Сибирь — XXI век)». Выделил основные направления исследований:

- система ценностей устойчивого развития;
- место Сибири в геополитических реалиях;
- современная и прогнозная парадигмы взаимодействия Запад–Сибирь–Восток;
- Сибирь в международном и региональном правовом пространстве;
- этнокультурная, гуманитарно-социальная, интеллектуально-образовательная субъектность человека в Сибири и др.

Речь шла о сбалансированном соотношении цивилизационных, национальных и региональных процессов (*Бойко и др.* 1998: 26–40).

Отвечая на вызовы времени, школа В.И. Бойко все более ориентировалась на решение задач оценки противоречивых социальных трансформаций современности. Интересы исследователей смещались к анализу образа жизни региональных (этнолокальных) сообществ. В 1992 г. была обозначена перспектива этносоциологического мониторинга. Его смысл состоял в отслеживании во времени основных показателей экономического, социального и культурного развития полиэтничных сообществ сибирских регионов с тем, чтобы на основе анализа происходящих изменений воздействовать на принятие управленческих и иных мер для их оптимизации (*Мархинин* 1992: 22).

В рамках обновленного подхода коллективом В.И. Бойко были проведены исследования в Эвенкийском автономном округе (1992, 1999 гг.); Ханты-Мансийском автономном округе (1991, 1994, 1996–1997 гг.); в Республике Алтай (1994, 1997–2001 гг.); в Республике Хакасия (1999 г.); в Республике Тыва (2000); в Республике Бурятия (2001 г.).

Изучались проблемы различных народов Сибири в условиях кардинальных экономических и политических реформ. Предметом анализа были демографические показатели, миграционные процессы, экономические ориентации населения и особенности организации производств; оценивалось состояние (распределение) промысловых угодий. Большое внимание уделялось политическим ориентациям населения, местному самоуправлению, вопросам самосознания, возрождения традиционной культуры и потестарных структур, межэтническим отношениям (Попков 1994а; Мархинин, Удалова 1996; Попков и др. 2003; Нечипоренко, Вольский 2000, 2002; Исакова 2001; Гончарова, Савельев 2004 и др.).

В 1995 г. в ИФиП СО РАН впервые был проведен семинар «Этносоциальные процессы в Сибири». Вскоре он приобрел регулярный характер, стал международным. Возглавил семинар Ю.В. Попков (с 2000 г. д-р философ. наук), который, став заведующим сектором этносоциальных исследований ИФиПр СО РАН, постепенно сформировал собственную школу.

В 2000-е годы ОИИФФ СО РАН поэтапно прошел реорганизацию. Все составлявшие его институты стали самостоятельными. В.И. Бойко, возглавлявший Институт философии и права до 1997 г., в 2002 г. в должности Советника РАН перешел на работу в ИАЭТ СО РАН. Его группа продолжила этносоциальные исследования. Они были ориентированы на разработку модели устойчивого развития Сибири. По инициативе В.И. Бойко была подготовлена коллективная монография «Сибирь. Пути устойчивого развития (социогуманитарный аспект)». Этот проект объединил 8 институтов СО РАН, 4 университета Сибири и ряд административных структур. Основной лейтмотив монографии состоял в привлечении внимания к стратегическим вопросам развития Сибирского региона, поддерживающего своими ресурсами относительно устойчивую экономическую стабильность в стране (Бойко и др. 2006). Это был последний проект выдающегося ученого.

Время рождало новые вызовы и новые инициативы. Освоение Сибири и Арктики продолжалось. По-новому выстраивались взаимоотношения науки и систем государственного планирования и управления. На новом уровне, с иными методологическими подходами решались проблемы коренного населения северных территорий. В соответствии с Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» 1999 г. коренные малочисленные народы Сибири стали субъектами социально-политических, экономических и культурных преобразований. Их развитие в начале XXI в. определила концепция культурно-ориентированной модернизации. Однако ставка на сохранение и развитие этнокультурного наследия, на вариативные модели традиционного природопользования не решила проблем поступательного развития северных регионов и населяющих их народов.

Проблемы, обозначенные В.И. Бойко, были и остаются предметом актуального гуманитарного дискурса России. Сохраняет свое значение заданный ученым алгоритм комплексных исследований этносоциального развития коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях интенсивного промышленного освоения этих территорий. Методологические наработки созданной В.И. Бойко школы этносоциальных исследований и его уникальная

информационная база имеют большое значение для социально-философских и социально-политических обобщений. Они важны для разработки проблем модернизации, для эффективной координации научных исследований с практиками социального моделирования и управления. В наши дни выпускники и последователи школы этносоциальных исследований В.И. Бойко продолжают свою деятельность в подразделениях Новосибирского научного центра, в ИФиПр и ИАЭТ СО РАН. Осваивая опыт и теоретико-методологические достижения предшественников, сохраняя научные традиции, они создают новые проекты, формируют новые исследовательские направления.

Научная литература

- Анайбан З. В. и др.* Молодежь Тувы. Социальный портрет. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988.
- Арутюнян Ю. В.* (отв. ред.). Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука. 1973.
- Бойко В. И.* (отв. ред.). Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск: Кооператив «Полиграф», 1989.
- Бойко В. И.* (отв. ред.). Программа координации исследований «Взаимодействие научно-технического и социального прогресса: общее и особенное (гуманитарный аспект)». Новосибирск: Типография ГПНТБ СО АН СССР, 1987.
- Бойко В. И.* Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1973.
- Бойко В. И.* Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977.
- Бойко В. И.* Социально-экономическое развитие народностей Севера. Программа координации исследований. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988.
- Бойко В. И., Иванов В. Н., Ламин В. А., Шамов В. В.* (ред.). Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 1998.
- Бойко В. И., Ламин В. А., Фофанов В. П.* (отв. ред.). Сибирь. Пути устойчивого развития (социогуманитарный аспект). Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2006.
- Бойко В. И., Люк Л.* (отв. ред.). Управление, технологии и человеческие ресурсы в Арктике (Север): Доклады. NATO Advanced Research Workshop. Новосибирск, Академгородок, 26 июня-2 июля 1995 г. Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1996.

- Бойко В. И., Попков Ю. В.* Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987.
- Гончарова Г. С., Савельев Л. Я.* Семейно-брачные отношения у народов Сибири: Проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск: Издательство «Нонпарель», 2004.
- Еремин С. Н. и др.* Нивхи Сахалина: Современное социально-экономическое развитие. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988.
- Золототрубов В. С. и др.* Эвенки бассейна Енисея. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992.
- Исакова Н. В.* Культура и человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. Новосибирск: Издательство МОУ ГЦРО, 2001.
- Кин А. А., Сергеева Л. А.* Институт экономики и организации промышленного производства: вехи развития за 50 лет // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 86–119.
- Костюк В. Г., Траскунова М. М., Константиновский Д. Л.* Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1980.
- Куперитох Н. А.* Становление и развитие исторических исследований в Сибири: к 40-летию основания Института истории, филологии и философии СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 55–59.
- Мархинин В. В.* К обоснованию исследовательской программы этносоциологического мониторинга (в рамках «Программы опережающего социального развития Эвенкийского автономного округа», 1992 г.). Препринт. Новосибирск: Кооператив «Полиграф», 1992.
- Мархинин В. В.* Русский этнос в межэтнических взаимодействиях: программа исследований в регионах Сибири. Новосибирск: Типография ВЦ СО РАН, 1993.
- Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996.
- Нечипоренко О. В., Вольский А. Н.* Сельские локальные сообщества Горного Алтая: современное состояние, проблемные ситуации. По материалам социологической экспедиции в Усть-Канский и Кош-Агачский районы Республики Алтай (июль-август 1998 г.). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002.
- Нечипоренко О. В., Вольский А. Н.* Социальная ситуация в сельских районах Республики Алтай: По материалам социологического исследования сельского населения Усть-Коксинского и Улаганского районов Республики Алтай. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
- Попков Ю. В.* (отв. ред.). Этносоциальные и правовые процессы в Эвенкии. Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994а.

- Попков Ю. В. Аборигены Канады: современное положение в основных сферах жизни. Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994б.
- Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугуужекова В. Н. Этносы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Издательство «Нонпарель», 2003.
- Русаков Р. С. Предисловие // Труды сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР (библиография за 1961–1973 гг.) / сост. З.В. Бородина, Л.А. Волкова. Новосибирск: Редакционно-издательский отдел ГПНТБ СО АН СССР, 1974. С. 3–19.
- Рыжова С. В. К 90-летию со дня рождения Леокадии Михайловны Дробижевой (1933–2021). Этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 36–54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.2>
- Удалова И. В., Гражданников Е. Д. Измерение социальной мобильности: (На примере коренных народов Сибири). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988.
- Bausk O. (ed.). Ways of political development of Indigenous peoples of the North: the papers of the second Scientific Colloquium «Russia–Quebec». Novosibirsk: Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Academy of Sciences. 1991.
- Lyck L., Boyko V.I. (eds.). Management, technology and human resources policy in the Arctic (the North). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 1996.

Research Article

Chemchieva A. P.

Ethnosocial Studies In Siberia. The Legacy of V.I. Boyko [Ethnosocial'nye issledovaniia v Sibiri. Nasledie V. I. Boiko] Anthropologies, 2024, No 2, pp. 56-71, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/56-71>.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Chemchieva Arzhana Petrovna | chemchieva@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0003-3090-859X> | Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Abstract

The article is devoted to the history of ethnosocial research at the Novosibirsk Scientific Center. In the 1960s and 1970s, a school of ethnosocial studies was formed here under the leadership of an outstanding scientist, one of the founders of the ethnosociology of Russia, V.I. Boyko (1926–2011). The scientific developments of the school were based on the methodology of social philosophy and the wide application of sociological (statistical and mathematical) methods in empirical research. The specifics of the research were determined by a comprehensive analysis of the lifestyle of the indigenous peoples of the North in connection with the practice of social management. A special stage in the activities of V.I. Boyko and his colleagues was the participation in the work of the Regional Interdepartmental Commission for the preparation of a coordinating research program and the development of a concept for the social and economic

development of the peoples of the North in the 1980s. Nowadays, graduates and followers of the V.I. Boyko School of Ethnosocial Studies continue their activities in the divisions of the Novosibirsk Scientific Center.

Keywords: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Novosibirsk Scientific School of Ethnosocial Research under the leadership of V.I. Boyko, modern ethnosocial research

References

- Anaiban, Z.V., et al. 1988. *Molodezh' Tuvy. Sotsial'nyi portret* [Youth of Tuva. Social portrait]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Arutiunian, Iu.V. (ed.). 1973. *Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoi ASSR* [Social and national. The experience of Ethnological Research Based on the Materials of the Tatar ASSR]. Moscow: Nauka.
- Bausk, O. (ed.). 1991. *Ways of political development of Indigenous peoples of the North: the papers of the second Scientific Colloquium «Russia–Quebec»*. Novosibirsk: Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Academy of Sciences.
- Boiko, V.I. 1973. *Opyt sotsiologicheskogo issledovaniia problem razvitiia narodov Nizhnego Amura* [Experience in sociological research into the problems of development of the peoples of the Lower Amur]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Boiko, V.I. 1977. *Sotsial'noe razvitie narodov Nizhnego Amura* [Social development of the peoples of the Lower Amur]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Boiko, V.I. 1988. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie narodnosti Severa. Programma koordinatsii issledovaniy* [Socio-economic development of the peoples of the North. Research Coordination Program]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Boiko, V.I., Lyck, L. (eds.). 1996. *Upravlenie, tekhnologii i chelovecheskie resursy v Arktike (Sever): Doklady. NATO Advanced Research Workshop. Novosibirsk, Akademgorodok, 26 iunია — 2 iulija 1995 g.* [Management, technology and human resources policy in the Arctic (the North): Reports. NATO Advanced Research Workshop. Novosibirsk, Akademgorodok, June 26 — July 2, 1995]. Novosibirsk: IFPR SO RAN.
- Boiko, V.I., Popkov, Iu.V. 1987. *Razvitie otnosheniia k trudu u narodnosti Severa pri sotsializme* [Development of attitudes towards work among the peoples of the North under socialism]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Boiko, V.I. (ed.). 1987. *Programma koordinatsii issledovaniy «Vzaimodeistvie nauchno-tekhnicheskogo i sotsial'nogo progressa: obshchee i osobnoe (gumanitarnyi aspekt)»* [Research coordination program «Interaction of scientific, technical and social progress: general and special (humanitarian aspect)»]. Novosibirsk: Tipografiia GPNTB SO AN SSSR.
- Boiko, V.I. (ed.). 1989. *Kontsepsiia sotsial'nogo i ekonomicheskogo razvitiia narodnosti Severa na period do 2010 g.* [Concept of social and economic development of the peoples of the North for the period up to 2010]. Novosibirsk: Kooperativ «Poligraf».

- Boiko, V.I., Lamin, V.A., Fofanov, V.P. (eds.). 2006. *Sibir'. Puti ustoichivogo razvitiia (sotsiogumanitarnyi aspekt)* [Siberia. Ways of Sustainable Development (Social-humanitarian aspect)]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo.
- Boiko, V.I., Ivanov, V.N., Lamin, V.A., Shamov, V.V. (eds.). 1998. *Sibir' v geopoliticheskom prostranstve XXI veka* [Siberia in the Geopolitical Space of the XXI st Century]]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN.
- Eremin, S.N., et al. 1988. *Nivkhi Sakhalina: Sovremennoe sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie* [Nivkhi of Sakhalin: Modern socio-economic development]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Goncharova, G.S., Savel'ev, L. Ia. 2004. *Semeino-brachnye otnosheniia u narodov Sibiri: Problemy, tendentsii, perspektivy* [Family and marriage relations among the peoples of Siberia: Problems, trends, prospects]. Novosibirsk: Izdatel'stvo «Nonparel».
- Isakova, N.V. 2001. *Kul'tura i chelovek v etnicheskom prostranstve: etnokul'turologicheskii podkhod k issledovaniiu sotsial'nykh protsessov* [Culture and people in ethnic space: an ethnocultural approach to the study of social processes]. Novosibirsk: Izdatel'stvo MOU GTsRO.
- Kin, A.A., Sergeeva, L.A. 2008. Institut ekonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva: vekhi razvitiia za 50 let [Institute of Economics and Organization of Industrial Production: development milestones over 50 years]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2: 86–119.
- Kostiuk, V.G., Traskunova, M.M., Konstantinovskii, D.L. 1980. *Molodezh' Sibiri: obrazovanie i vybor professii* [Youth of Siberia: education and choice of profession]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Kupershtokh, N.A. 2006. Stanovlenie i razvitie istoricheskikh issledovaniy v Sibiri: k 40-letiiu osnovaniia Instituta istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR [Formation and development of historical research in Siberia: on the 40th anniversary of the founding of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2: 55–59.
- Lyck, L., Boiko, V.I. eds. 1996. *Management, technology and human resources policy in the Arctic (the North)*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Markhinin, V.V. 1992. *K obosnovaniiu issledovatel'skoi programmy etnosotsiologicheskogo monitoringa (v ramkakh «Programmy operezhaiushchego sotsial'nogo razvitiia Evenkiiskogo avtonomnogo okruga», 1992 g.)*. Preprint [Towards the substantiation of the research program of ethnosociological monitoring (within the framework of the «Program for Advanced Social Development of the Evenki Autonomous Okrug», 1992). Preprint]. Novosibirsk: Kooperativ «Poligraf».
- Markhinin, V.V. 1993. *Russkii etnos v mezhetnicheskikh vzaimodeistviiakh: programma issledovaniy v regionakh Sibiri* [Russian ethnos in interethnic interactions: a research program in the regions of Siberia]. Novosibirsk: Tipografiia VTs SO RAN.
- Markhinin, V.V., Udalova, I.V. 1996. *Mezhetnicheskoe soobshchestvo: sostoianie, dinamika, vzaimodeistvie kul'tur (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v raionakh*

- traditsionnogo severnogo prirodopol'zovaniia korenного natsional'nogo i russkogo starozhil'cheskogo naseleniia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga* [Interethnic community: state, dynamics, interaction of cultures (based on sociological research in the areas of traditional northern environmental management of the indigenous national and Russian old-timers of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaiia izdatel'skaia firma RAN.
- Nechiporenko, O.V., and A.N. Vol'skii. 2000. *Sotsial'naia situatsiia v sel'skikh raionakh Respubliki Altai: Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia sel'skogo naseleniia Ust'-Koksinskogo i Ulaganskogo raionov Respubliki Altai* [Social situation in rural areas of the Altai Republic: Based on materials from a sociological study of the rural population of the Ust-Koksinsky and Ulagansky districts of the Altai Republic]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf.
- Nechiporenko, O.V., Vol'skii, A.N. 2002. *Sel'skie lokal'nye soobshchestva Gornogo Altai: sovremennoe sostoianie, problemnyesituatsii. Po materialam sotsiologicheskoi ekspeditsii v Ust'-Kanskii i Kosh-Agachskii raiony Respubliki Altai (iiul'-avgust 1998 g.)* [Rural local communities of Gorny Altai: current state, problematic situations. Based on materials from a sociological expedition to the Ust-Kansky and Kosh-Agachsky regions of the Altai Republic (July–August 1998)]. Novosibirsk: NGU.
- Popkov, Iu.V. 1994b. *Aborigeny Kanady: sovremennoe polozhenie v osnovnykh sferakh zhizni* [Canadian Aborigines: up-to-date condition in the main life spheres]. Novosibirsk: IFPR SO RAN.
- Popkov, Iu.V. (ed.). 1994a. *Etnosotsial'nye i pravovye protsessy v Evenkii* [Ethnosocial and legal processes in Evenkiya]. Novosibirsk: IFPR SO RAN.
- Popkov, Iu.V., Kostiuik, V.G., Tuguzhekova, V.N. 2003. *Etnosy Sibiri v usloviakh sovremennykh reform (sotsiologicheskaiia ekspertiza)* [Ethnic groups of Siberia in the conditions of modern reforms (sociological examination)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo «Nonparel».
- Rusakov, R.S. 1974. Predislovie [Preface]. In *Trudy sotrudnikov Instituta istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR (bibliografiia za 1961–1973 gg.)*, ed. by Z.V. Borodina and L.A. Volkova, 3–19. Novosibirsk: Redaktsionno-izdatel'skii otdel GPNTB SO AN SSSR.
- Ryzhova, S.V. 2023. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Leokadii Mikhailovny Drobizhevoi (1933–2021). *Etnosotsiologicheskaiia shkola L.M. Drobizhevoi: formirovanie podkhodov k izucheniiu rossiiskoi identichnosti* [On the 90th anniversary of Leokadia M. Drobizheva (1933–2021). The Ethno-sociological School of L. Drobizheva: Developing Approaches towards the Study of all-Russian Identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 29, 1: 36–54. URL: <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.2>
- Udalova, I.V., Grazhdannikov, E.D. 1988. *Izmerenie sotsial'noi mobil'nosti: (Na primere korennykh narodov Sibiri)* [Measuring social mobility: (On the example of indigenous peoples of Siberia)]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Zolotrubov, V.S., et al. 1992. *Evenki basseina Eniseia* [Evenks of the Yenisei basin]. Novosibirsk: VO «Nauka». Sibirskaiia izdatel'skaia firma.

© Е.В. Самушкина

Проблемы сохранения культурного наследия. Опыт Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия

Ключевые слова: тюркские народы Южной Сибири, Республики Алтай, Тыва, Хакасия, суверенность, материальное и нематериальное культурное наследие, музейное строительство, сакральные территории

Статья посвящена становлению и развитию концепта «культурного наследия» в республиках Южной Сибири, анализу складывания подходов к управлению культурным достоянием в регионе. Культурное наследие рассматривается как процесс наделения объектов, практик и территорий особым статусом, связанным с сохранением исторической памяти и культурной самобытности коренных народов Алтай, Хакасии, Тувы. Показано, что становление режимов наследия было связано с процессами суверенизации в XX в. На новый уровень оно вышло с образованием республик Алтай, Хакасия, Тыва в составе Российской Федерации. Круг объектов, входящих в списки наследия региона, постоянно увеличивался. Особенности практик сохранения культурного наследия определили: пристальное внимание к феномену нематериального культурного наследия как проявлению самобытности, ссылки на древность традиций, связь общества и культуры с освоенными, освященными памятью предков территориями. В настоящее время наследие республик Южной Сибири рассматривается как основа самоопределения и консолидации национальных сообществ и одновременно как часть российского и, шире, мирового культурного пространства.

Введение

Понятие «культурное наследие» часто используется в научном и общественном дискурсе современной России. Ученые, представляющие различные дисциплины, широко трактуют этот термин; он фигурирует в программах по сохранению памятников истории, элементов ландшафта, произведений фольклора, в стратегиях национальной и этнической идентификации; используется в качестве аргумента в пользу сохранения традиционных ценностей.

Самушкина Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. e-mail: Khakassie@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5481-3822>

Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № FWZG-2025-0003 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика»

Для цитирования: Самушкина Е.В. Проблемы сохранения культурного наследия. Опыт Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 72–87, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/72-87>

Известно, что активное освоение концепта началось с принятием Всемирной конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО в 1972 г. С 1976 г. начали работу Межправительственный Комитет по охране всемирного культурного и природного наследия, контролирующей выполнение конвенции, и Фонд всемирного наследия. С 1980-х годов происходило постоянное расширение круга объектов и практик, включаемых в эту категорию. СССР ратифицировал Конвенцию в 1988 г. Российская Федерация стала государством-участником Конвенции.

В настоящее время на уровне академического и широкого общественного дискурса обсуждаются различные трактовки «наследия». Известна концепция «наследие как процесс»; рассматриваются «режимы наследия»; наследие оценивается в контексте дискурсов индигенности, в социальном и политическом контексте (*Нора* 1999; *Лотман* 2001; *Артог* 2004; *Чанайтене* 2010; *Смит* 2013 и др.). Представляет большой интерес анализ практик сохранения наследия и «средовой подход», в рамках которого акцент с объектов историко-культурного наследия смещается на анализ их взаимоотношений с социумом и окружающей средой (*Козел* 2017; *Эник* 2017; *Веденин* 2018).

Что касается работ по изучению культурного наследия Сибири, то большая их часть ориентирована на музееведческий формат. Это исследования Л.В. Еремина, Т.С. Курьяновой, Е.А. Поляковой, Д.В. Маслова, Н.А. Томилова и т.д. (*Еремин* 2010; *Курьянова* 2013; *Полякова* 2015; *Маслов* 2017; *Томилов* 2018).

Данная работа посвящена анализу практик сохранения культурного наследия и режимов его наследования в рамках концепций, которые формировались на Алтае, в Туве и Хакасии (в настоящее время в республиках — субъектах современной Российской Федерации) на протяжении XIX–XXI вв. Авторские исследования являются частью долгосрочной программы отдела этнографии ИАЭТ СО РАН, которая осуществляется с 1990-х годов (*Сагалаев* 1991; *Павлова* 2012; *Октябрьская* 2013, *Самушкина* 2016, 2018 и т.д.).

Российские практики сохранения культурного наследия. Общий контекст

Оценка ситуации, сложившейся в Южной Сибири, опирается на исторический экскурс. Известно, что в России первые опыты сохранения древностей относят к XVIII в. Тогда, в том числе в ходе экспедиций в Сибирь, выявлялись и фиксировались памятники древности, составлялись описи церковного имущества. В ходе социокультурных и политических трансформаций XIX в. в обществе появился запрос на сохранение национальных ценностей. Разрабатывались методы сбережения «памятников старины». Создавались организации по изучению родного края. В контексте формирования национального стиля обсуждались «памятники зодчества». Это в дальнейшем послужило базой для принятия законодательных мер по охране культурного наследия уже в советской России (*Полякова* 2005).

В 1918 г. был издан декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Согласно декрету «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» 1924 г., категория «наследия» была расширена.

Она объединяла памятники архитектуры, истории, археологии, природные объекты (Полякова 2005: 45).

В 1920-е годы в стране развивалось краеведческое движение и музейные практики. В Западной Сибири возникли: Институт исследования Сибири (1919–1920 гг.), Общество изучения Тобольского края (1922–1931 гг.), Тюменское общество изучения местного края (1920-е годы), Общество изучения местного края в Горном Алтае (1924–1926 гг.), Общество изучения Сибири и ее производительных сил в Новониколаевске/Новосибирске (1925–1931 гг.), краеведческое общество «Урянховедение» (1925–1929 гг.) в Туве, Краеведческое общество при окружном отделе народного образования в с. Усть-Абаканское (1928–1931 гг.).

Основные тенденции в развитии краеведения и музейных практик были обобщены Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» 1933 г. Накануне его выхода в 1932 г. начал работу Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы. В 1955 г. его переименовали в НИИ музееведения. В советской стране, преодолевающей разрушения Великой Отечественной войны, объекты наследия стали рассматриваться как символы советского патриотизма и гордости за национальную культуру. В 1960 г. было опубликовано постановление «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». На первый план выдвинулась концепция действенного патриотизма. В 1966 г. НИИ музееведения расширил свои функции. Он стал институтом музееведения и охраны памятников истории и культуры (с 1992 по 2014 гг. существовал как Российский институт культурологии).

В 1978 г. был принят Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», подтвердивший роль наследия в формировании общесоветской идентичности. Кодификация наследия сопровождала социокультурные преобразования в постсоветской России. В 1992 г. был создан Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. В 2002 г. вступил в силу Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Согласно тексту закона, к объектам наследия были отнесены: «объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» (Федеральный 2002).

В Конституции Российской Федерации (с поправками, принятыми в 2020 г.) признавалась обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Российское законодательство в сфере культурного наследия учитывало отечественный и мировой опыт. В 2003 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране нематериального культурного наследия.

Россия не ратифицировала этот документ. Но в результате масштабных исследований и анализа ситуации в 2022 г. был принят Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации».

Под нематериальным культурным достоянием (наследием) понималась: «совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения» (Федеральный 2022).

Российское законодательство в сфере культурного наследия активно развивалось на протяжении XX в., вплоть до настоящего времени. Оно имело яркую региональную составляющую, оценка которой на примере республик Алтай, Хакасия, Тыва определила содержание данной работы.

Исторический опыт сохранения культурного наследия на Алтае, в Тыве и Хакасии

Освоение культурного наследия тюркских народов Южной Сибири началось еще в XIX в. Так, с созданием Алтайской духовной миссии в 1830-е годы был инициирован сбор языкового и фольклорного материала, который использовался в практиках прозелитизма. При этом в качестве альтернативы традиционной культуре коренных тюркских народов (охотников и скотоводов) региона рассматривался оседлый, модернизированный по стандартам крестьянской культуры образ жизни. Но на аутентичных ценностях аборигенных сообществ настаивали представители движения регионализма — облатеники. Предприниматели, ученые, журналисты и литераторы, оценивая тенденции экономического и социокультурного развития Сибири, выступали за ее особый статус в структуре Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. речь шла о сибирской идентичности, о «сибирском стиле» бытия и искусства. Синтез аборигенных и русских традиций определял одну из трактовок сибирского стиля (*Октябрьская* 2021).

Интерес к культурам коренных народов региона проявлялся в музейном движении. К концу XIX в. на юге Западной Сибири были открыты Минусинский, Енисейский, Красноярский, Барнаульский музеи. Их сотрудники занимались сбором предметов традиционной культуры коренного тюркского населения и пропагандой этнографических знаний; инициировали интерес к исследовательской работе среди местного населения. В сотрудничестве с Императорским Русским Географическим обществом, с краеведами и предпринимателями изучением региона занимались представители этнической элиты. Они отстаивали права собственных народов на культурную уникальность и самобытность. В среде национальной интеллигенции с пониманием и интересом относились к областнической концепции Сибири как особого культурного мира. «Восточная гипотеза» Г.Н. Потанина о влиянии кочевников на формирование евразийского культурного пространства и его положение об Алтае — колыбели древних цивилизаций — были популярны в региональном сообществе (*Сагалаев* 1991; *Красавина и др.* 2019; *Павлова* 2012; *Самушкина* 2016, 2018, *Октябрьская* 2021).

С началом XX в. вслед за Февральской революцией в Сибири активизи-

ровалось национальное движение. В Саяно-Алтайском регионе проводились съезды коренного населения; обсуждались проблемы самоопределения, сохранения культурного наследия, формирования системы образования на родных языках и т. д.

В ходе и по итогам Октябрьской революции тема «возрождения» народов Сибири приобрела первостепенное значение. В рамках советского курса их прошлое описывалось в мрачных тонах. В проектах социокультурной модернизации традиции служили синонимом архаики. Формировалась новая трактовка концепта «народной культуры», под которой понималась, прежде всего, творческая деятельность трудящихся масс. Обращение ранее угнетенных народов к прогрессивным формам культуры и быта расценивали как показатель успехов социалистического строительства. Эти дискуссии сопровождали административно-политическое структурирование региона: в 1922 г. была образована Ойратская автономная область (ныне Республика Алтай); в 1923 г. — Хакасский уезд, затем округ (с 1930 г. Хакасская автономная область; ныне Республика Хакасия). В 1921 г. была провозглашена независимая Народная Республика Танну-Тува; в 1944 г. она вошла в состав СССР как Тувинская автономная область (с 1961 г. Тувинская АССР, с 1991 г. Республика Тыва).

С опорой на принцип самоопределения формировалась советская культурная политика в регионах. Она состояла в том, чтобы «помочь возрожденным нациям... встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке, национализировать, т. е. сделать национальными по составу, партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственный аппараты, выращивать свои национальные партийные и советские кадры» (*Сталин* 1950: 58–59). Актуализация народной культуры была призвана обозначить расцвет советских наций и народностей. С 1920-х годов по всей стране, в том числе на юге Западной Сибири, развернулось краеведческое движение. Музеи стали просветительными учреждениями. Они показывали «живые картины» истории и быта коренных народов.

Советская власть прилагала большие усилия к популяризации народной культуры. В 1917 г. при Наркомпросе была создана Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусств, а в 1918 г. — музейный отдел. В 1921 г. было принято положение, согласно которому все музеи передавались в ведение Главного Комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы.

В период масштабных социокультурных преобразований была продолжена деятельность по развитию «сибирского стиля». Традиционное искусство коренного населения региона рассматривалось как часть общемирового наследия. Постигание его законов было способно дать мощный импульс в развитии культуры обновленной Сибири (*Павлова* 2012).

В 1930 г. в советской стране была проведена первая Всесоюзная Олимпиада искусств, которой предшествовали мероприятия на местах. Это был «смотр достижений» народов СССР, которые, не растеряв традиций, наполняли их советскими ценностями. В 1930-е годы для поддержки в регионах этих тенденций были созданы Институт художественной промышленности

и Фольклорная комиссия (в 1939 г. переданная в Институт русской литературы и преобразованная в сектор народного творчества).

С конца 1930-х годов борьба с сепаратизмом, национализмом, а позже с космополитизмом привела к свертыванию краеведческого движения и программ по сохранению культурного наследия. Но уже в 1948 г. Советом Министров СССР было принято «Положение об охране памятников»; в 1968 г. — положение «О мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов». Возобновилась работа по комплектованию региональных музеев предметами традиционной культуры и искусства.

В Программе, принятой XXII съездом КПСС в 1973 г., значилось: «Исторический опыт развития социалистических наций показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Развивается общая для всех советских наций интернациональная культура» (Программа 1973: 16). Идеологема расцвета и сближения наций в условиях развитого социализма играла определяющую роль в развитии культурной политики. Постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» 1974 г. рассматривало их как часть культуры развитого социалистического общества. Конституция СССР 1977 г., подводя итог политических и социокультурных преобразований в стране, провозгласила построение развитого социалистического общества и образование новой исторической общности — советский народ, ориентированной на единую систему ценностей, при сохранении этнокультурной специфики.

Одновременно на национальном уровне разворачивалась дискуссия о природе народной культуры. Один из советских теоретиков культуры Л.Н. Коган подчеркивал, что «народной» следует называть культуру, «непосредственно созданную людьми физического труда — ядром народных масс каждой эпохи» (Коган 1983: 54). В связи с оценкой достижений социалистического общества было сформулировано положение о консерватизме художественных промыслов, но уже в 1980-е годы оценки стали меняться: народную культуру рассматривали как динамичное явление, соединяющее традиции и новации. Такая трактовка была созвучна принятой Генеральной Конференцией ЮНЕСКО в 1989 г. «Рекомендации о сохранении фольклора».

Переосмысливая отечественный и международный опыт, теоретики и практики сферы культуры в СССР меняли подходы к определению наследия — оно рассматривалось сквозь призму ценностей, нуждающихся в сохранении и передаче последующим поколениям и как являющееся воплощением культурного разнообразия.

На практике реализацией этих положений стало фольклорное движение и фестивали, проходившие в различных регионах страны, в том числе в Южной Сибири. В 1980 г. в связи с 50-летним юбилеем Хакасской автономной области был восстановлен праздник Тун пайрам. Опиравшийся на традиционные ритуалы, сопровождавшие наступление лета и «обновление мира», он приобрел большую популярность и постепенно превратился в общереспубликанский «праздник дружбы народов».

Фестиваль народного творчества «Золотое лето Горного Алтая» был организован в 1988 г. Его цель заключалась в повышении роли народного художественного творчества и активизации усилий по сохранению культурного наследия. Процессы, проходившие в Южной Сибири, отвечали общей тенденции. В 1988–1991 гг. в СССР проводился масштабный фестиваль, девизом которого стала формула «Творчество народа — обновление страны». Цель мероприятия заключалась в содействии «дальнейшему подъему духовной культуры людей, развитию народного творчества, повышению его идейно-художественного уровня, улучшению деятельности учреждений культуры в организации содержательного, интересного досуга населения» (КУ РА «Госархив СПД РА»: Л. 6).

Концепт «наследия» в республиках Южной Сибири рубежа XX–XXI вв.

В России начала 1990-х годов на всех уровнях декларировались необходимость восстановления памятников истории и культуры, изучения фольклора и родных языков народов страны, развития декоративно-прикладного искусства. Проблема сохранения историко-культурного наследия занимала большое место в дискурсах о путях национального развития, на уровне регионов — в Концепции национального развития хакасского народа, в Программе по возрождению и развитию тувинской национальной традиционной культуры, в Концепции создания национальных школ в Республике Алтай. Как один из элементов корпуса культурного наследия коренных народов Южной Сибири оценивались народные художественные промыслы. При этом акцент с социально-классового понимания термина «народный» смещался в сферу этнических традиций.

В 1990 г. возникла Ассоциация «Народные художественные промыслы России». В формате Федерального закона «О народных художественных промыслах» 1999 г. утверждалась концепция коллективного освоения и преемственности в развитии традиций. К 2000-м годам были разработаны программа «Сохранения, развития и возрождения хакасских традиционных художественных промыслов и ремесел», Закон «О народных художественных промыслах» Республики Тыва, программа «Возрождение, сохранение и развитие народных художественных промыслов, традиционных народных ремесел и декоративно-прикладного творчества в Республике Алтай (2005–2010 гг.)».

В этот период в рамках национальных дискурсов в республиках Южной Сибири были сформулированы положения, утверждавшие ценность традиционных социальных институтов, знаний, ремесел и верований. Они были также реализованы в программных установках общественных организаций региона. Одновременно формировались исторические нарративы, направленные на удревнение культуры коренных тюркоязычных народов. Вся совокупность практик, воззрений, текстов, нормативных актов определяла пространство культурного наследия тюркоязычного сообщества Южной Сибири.

Концепт «наследия» в республиках Алтай, Хакасия и Тыва начал складываться с 1990-х годов. Первым субъектом, который сформировал систему охраны историко-культурного наследия, стала Республика Алтай. Здесь была принята серия нормативных документов: закон «Об историко-культурном на-

следии Республики Алтай» 1994 г., программа «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры Республики Алтай» 2001 г., закон «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай» 2003 г., закон «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» 2008 г., закон «Об эпическом наследии Республики Алтай» 2018 г., закон «О регулировании некоторых вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Алтай» 2022 г.

К объектам культурного наследия на Алтае были отнесены памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также историко-культурные заповедники. Критериями выделения объектов культурного наследия стала их ценность для истории, археологии, антропологии и этнологии, важность с градостроительной и архитектурной точки зрения. В законе акцент был сделан на аутентичности и подлинности; подчеркивался факт древности; в перечень культурного наследия были включены «исторические поселения», значимые для истории и культуры Республики Алтай (Закон 2003).

Трактовка нематериального культурного наследия в нормативных документах Алтая была созвучна определению ЮНЕСКО. Объекты нематериального культурного наследия («неосязаемое наследие») обладали исторической значимостью, отличались устойчивостью форм, передавались из поколения в поколение, формируя чувство самобытности. Они были представлены как свидетельства культурного разнообразия региона, его творческого потенциала и находились под защитой государства (Закон 2008).

В этом же русле в 2011 г. республиканским правительством разрабатывался проект «Концепции по сохранению и развитию сакральных мест (священных земель), природно-культурных объектов Республики Алтай». В перечень территорий, обозначенных как национальное достояние, предлагалось включить почитаемые горы, перевалы, пересечения дорог, реки, озера, деревья, целебные источники (аржаны), места молений и исторических событий, а также родовые территории предков, обладавших сакральными знаниями. Кроме того, в проекте была обозначена категория «природно-культурных объектов» в местах расположения археологических памятников (петроглифов, курганов, каменных изваяний и пр.), которые также считались сакральными. Этот проект не был принят, но в пределах Алтая возникла сеть охраняемых территорий.

С опорой на положения действующих законов в 2012 г. был учрежден Историко-культурный заповедник республиканского значения «Алтай–Алтын тюрк–Кабай», в границах которого выделялись культурные и природные ландшафты, объекты культурного наследия (петроглифический комплекс «Калбак-Таш»). К объектам культурного наследия был отнесен историко-культурный заповедник «Межелик», созданный в 2014 г. в Курайской степи. В пояснительных документах вся территория Кош-Агачского района Республики Алтай (где он находился) была названа музеем под открытым небом.

С этими и другими зонами Алтая были связаны практики по сохранению и популяризации культурного наследия. Там проводились обряды, праздники, фестивали ремесел. В 2023 г. вышел Приказ Министерства культуры Респу-

блики Алтай «О работе по сохранению нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай». В нем были обозначены носители наследия — этнические группы и хранители, обладающие знаниями, умениями и навыками, значимыми для защиты, актуализации и продвижения культурных практик; вводилось определение нематериального этнокультурного достояния как совокупности духовно-нравственных и культурных ценностей, отражающих образ жизни, традиции и формы их выражения, процессы воссоздания и развития. В тексте документа нематериальное этнокультурное достояние Республики Алтай рассматривалось как целостный комплекс (Приказ 2023).

В целом, по данным официальных источников, на начало 2020-х годов в реестр памятников культурного наследия Республики Алтай входили 170 объектов регионального значения; перечень объектов федерального значения включал 97 позиций — главным образом, памятников археологии. Основными видами нематериального наследия были названы традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, знания и навыки, связанные с ремеслами — всего 21 объект.

В Республике Хакасия особое внимание уделялось археологическому наследию. В общественном дискурсе важными для сохранения назывались памятники различных археологических культур, которые формировали исторический ландшафт региона и использовались как национальные бренды. Многие из них, такие как: Большой Салбыкский курган, курган Барсучий лог, Копенский и Уйбатский чаатасы, Сулекская и Боярская писаницы — имели мировую известность. Их высокий статус был подтвержден созданием при Правительстве республики группы по координации административных и научно-образовательных структур, занимающихся популяризацией наследия.

В 2011 г. в Хакасии был составлен перечень особо ценных для хакасского народа сакральных локусов из 98 позиций. Они были определены как места, предназначенные для выполнения культовых действий в целях «взаимодействия со священными сущностями и силами». В их числе оказались почитаемые горы и перевалы, водные источники, родовые почитаемые места, археологические памятники.

Оригинальной формой презентации этих объектов в Хакасии стали музеи под открытым небом. Принципы их организации определял подход, согласно которому объекты наследия не могут быть вырваны из контекста; они должны быть вписаны в окружающий ландшафт и доступны для местных жителей, которые участвуют в трансляции наследия. Существующие в Хакасии музеи являли примеры подобной деятельности. В их пространстве при активном участии местного сообщества проводились праздники и фестивали, способствующие популяризации аутентичных культурных практик.

По данным Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Республики Хакасия (созданной в 2017 г.) в реестре ее культурного наследия числились около 2500 объектов, из которых около 50 были памятниками истории и культуры, остальные — памятниками археологии; более 1 тыс. из них имели федеральное значение.

В Республике Тыва основным документом, определяющим принципы охраны исторического, культурного и духовного наследия, стала Конституция, принятая в 2001 г. «Республика Тыва, — говорится в ней, — обеспечивает возрождение национальной культуры, художественного наследия, поддерживает национальные традиции и обычаи, гарантирует право на сохранение языков населяющих ее народов, создает условия для развития их национальной и культурной самобытности». Государство гарантирует сохранность памятников истории, культуры и религии; принимает меры к их возвращению из-за ее пределов (Конституция 2001).

Творческая и интеллектуальная элита Тувы в контексте формирования национальной идеологии придает большое значение сохранению традиций. С этой целью в 2008 г. Правительством Республики Тыва созданы Служба по охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) и Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел.

При формировании долгосрочной программы Центра большое внимание уделено нематериальному культурному наследию. Горловое пение (хомей) и камнерезное искусство объявлены национальным достоянием. Регулярно проходят форумы ремесленников, конкурсы музыкантов, праздники войлока, республиканский конкурс-выставка тувинского камнерезного искусства, республиканские конкурсы по деревянной резьбе, по изготовлению традиционных украшений и др.

В 2010 г. на уровне правительства обсуждался проект закона об охране сакральных объектов (священных мест) Тувы. Он должен был регулировать использование значимых для населения республики территорий, способствовать восстановлению традиций и верований. Под сакральными объектами в законе понимались элементы природного и историко-культурного ландшафта, используемые для отправления обрядов и являющиеся значимыми в смысле взаимодействия с природой. Однако по причине несоответствия федеральному законодательству он не был одобрен.

В 2013 г. были приняты законы «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия народов Республики Тыва» и «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва». В 2018 г. в Закон Республики Тыва «О свободе совести и религиозных организациях» 1995 г. была введена статья о святых (священных) местах, подлежащих государственной охране.

В 2022 г. опыт и все многообразие мероприятий, проведенных в Республике Тыва, были обобщены в программе «Сохранение историко-культурного наследия народов Республики Тыва на 2023–2026 годы». Согласно приведенным в этой программе данным, на 2022 г. под государственной охраной в ее границах находились 1136 объектов культурного наследия; из них 790 были зарегистрированы в Едином государственном реестре объектов культурного наследия Российской Федерации — 725 объектов федерального значения и 65 регионального; большинство из них относились к археологическим памятникам. Наряду с федеральным, в республике был сформирован собственный

реестр объектов нематериального культурного наследия. Он, кроме прочего, включал знания, связанные с астрологией и экологией, воспитательные практики, кулинарные традиции, технологии обработки различных материалов, ювелирное искусство и т.д. (Программа 2022).

Заключение

Анализ концепта «культурного наследия», подходов к управлению национальным достоянием в республиках Алтай, Хакасия, Тыва и в России в целом обнаружил много общего. Очевидно, что подходы к оценке «культурного наследия» формировались в российских регионах на протяжении XX в. одновременно со становлением на международном и национальном уровнях правовых и организационных аспектов его сохранения. В масштабах Южной Сибири в своем развитии этот концепт прошел ряд трансформаций от отрицания традиций в пользу модернизации до признания их важным ресурсом и фактором развития коренных народов перед вызовами глобализации.

Начало становления концепций и режимов наследия в регионе было связано с процессами суверенизации XX в. На новый уровень этот процесс вышел с образованием республик Алтай, Хакасия, Тыва в составе Российской Федерации. К началу XXI в. оценку культурного наследия стали рассматривать как процесс наделения объектов, практик и территорий особым статусом, связанным с сохранением исторической памяти и культурной самобытности коренных народов Алтая, Хакасии, Тувы. Круг объектов, входящих в списки наследия региона, постоянно увеличивался. Особенности практик сохранения культурного наследия у тюркских народов Южной Сибири определяли: пристальное внимание к феномену нематериального культурного наследия как проявлению самобытности, ссылки на древность традиций, связь общества и культуры с освоенными, освященными памятью предков территориями.

В настоящее время наследие республик Алтай, Хакасия, Тыва рассматривается как основа самоопределения и консолидации национальных сообществ и одновременно как часть российского и, шире, мирового культурного пространства. Преемственность традиций обеспечивает целостность и устойчивость этнических и национальных сообществ; их утрата оценивается с позиций рисков.

С 2000-х годов концепт «культурного наследия» (представленного материальными и нематериальными ценностями) в республиках Южной Сибири на уровне общественно-публицистического, академического дискурса и правовых практик развивается динамично с учетом общероссийских и региональных составляющих.

Источники и материалы

- Закон Республики Алтай от 16 сентября 2003 г. № 14–16 «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай. [Электронный ресурс]. http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/index.php?do4=document&id4=08b4af1d-f751-465a-b53c-ff766607a62f
- Закон Республики Алтай от 05 декабря 2008 года № 120-РЗ «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай». [Электронный ресурс]. <https://sudrf.cntd.ru/document/819079142>
- Закон Республики Тыва «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва». [Электронный ресурс]. <https://docs.cntd.ru/document/453363273>
- Закон РСФСР от 15.12.1978 (ред. от 25.06.2002) «Об охране и использовании памятников истории и культуры».
- Конституция Республики Тыва. Конституция Российской Федерации. Конституции и Уставы субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. http://constitution.garant.ru/DOC_28600271.htm/ (дата обращения: 03.04.09).
- Приказ от 9 февраля 2023 г. № 33-п «О работе по сохранению нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай». Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации «Кодекс» [Электронный ресурс]. <https://docs.cntd.ru/document/406515258>
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Изд. полит. лит, 1973.
- Программа «Сохранение историко-культурного наследия народов Республики Тыва на 2023–2026 годы» [Электронный ресурс]. http://nasledie.tuva.ru/sites/default/files/get_pdf/551.18%20КБ.pdf (дата обращения: 4.11.11).
- Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищу Мешкову, Ковальчуку и другим. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1950.
- Федеральный закон от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации «Кодекс» [Электронный ресурс]. <https://docs.cntd.ru/document/901820936>
- Федеральный закон от 20.10.2022 «О материальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/

Литература

- Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и способы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5. [Электронный ресурс]. <http://www.strana-oz.ru/2004/5>
- Веденин Ю. А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М.: Новый Хронограф, 2018.

- Еремин Л. В.* Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в Республиках Южной Сибири: конец XX — начало XXI века. Дис. ... канд. ист. наук. Томский государственный университет, Томск, 2010.
- Коган Л. Н.* Народная культура в историческом развитии системы культуры // Изучение истории культуры как системы. Новосибирск: ИИФФ, 1983.
- Козел К.* Идеология охраны памятников истории: критический анализ структуры дискурса современной политики исторического наследия // Неприкосновенный запас. 2017. № 4. С. 172–187.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: «Искусство — СПб.», 2001.
- Лоуэнталь Д.* Материальное сохранение и его альтернативы // Неприкосновенный запас. 2017. № 4. С. 133–135.
- Маслов Д. В.* Локальные музеи и репрезентации этнической культуры алтайцев. Дис. ... канд. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 2017.
- Нора П., Озуф М., де Пуимеж Ж., Винок М.* Франция — память. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Октябрьская И. В.* Концепция культурного наследия: мировой и российский опыт формирования // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 20–31.
- Октябрьская И. В. и др.* (ред.) Искусство Тувы в музеях России. Коллекции С. К. Просвиркиной. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021.
- Павлова Е. Ю.* Народные художественные промыслы Саяно-Алтая в контексте этнокультурного развития России. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012.
- Полякова М. А.* Охрана культурного наследия России. М.: Дрофа, 2005.
- Сагалаев А. М.* Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991.
- Самушкина Е. В.* Образы прошлого ойрогов (алтайцев) в советском общественно-политическом дискурсе 1930-х гг. // Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация. СПб.: Алетей, 2016. С. 206–213.
- Самушкина Е. В.* Этнонациональная элита Горного Алтая: проблема формирования исторической памяти аборигенного сообщества (1917–1918 гг.) // Манускрипт. 2018. № 12–2(98). С. 263–267.
- Смит Л.* «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–43.
- Томилов Н. А.* Созидательная деятельность музеев Омска в сфере культурного наследия народов Омского Прииртышья в последней четверти XX — начале XXI века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 229–236.

Ченайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет; Институт истории Литвы, 2010.

Эник Н. Изготовление культурного наследия // Неприкосновенный запас. 2017. № 4. [Электронный ресурс]. <https://magazines.gorky.media/nz/2017/4/izgotovlenie-kulturnogo-naslediya.html>

Research Article

Samushkina E. V.

Problems of preservation of cultural heritage. The experience of the Altai Republic, the Republic of Tyva, the Republic of Khakassia [Problemy sohraneniia kul'turnogo naslediiia. Opyt Respubliki Altai, Respubliki Tyva, Respubliki Hakasiia] Anthropologies, 2024, No 2, pp. 72-87, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/72-87>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Samushkina Ekaterina Viktorovna | Khakassie@yahoo.com | <https://orcid.org/0000-0001-5481-3822> | Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Abstract

The article is devoted to the formation and development of the concept of «cultural heritage» in the republics of Southern Siberia, the analysis of the formation of approaches to the management of cultural heritage in the region. Cultural heritage is considered as a process of granting objects, practices and territories a special status related to the preservation of historical memory and cultural identity of the indigenous peoples of Altai, Khakassia, Tuva. It is shown that the formation of legacy regimes was associated with the processes of sovereignization in the twentieth century. It reached a new level with the formation of the republics of Altai, Khakassia, and Tyva as parts of the Russian Federation. The range of objects included in the heritage lists of the region has been constantly increasing. The peculiarities of cultural heritage preservation practices were determined by: close attention to the phenomenon of intangible cultural heritage as a manifestation of identity, references to the antiquity of traditions, the connection of society and culture with the territories developed and consecrated by the memory of ancestors. Currently, the heritage of the republics of Southern Siberia is considered as the basis for self-determination and consolidation of national communities and at the same time as part of the Russian and, more broadly, the world cultural space.

Keywords: Turkic peoples of Southern Siberia, Altai Republic, Tyva, Khakassia, sovereignty, tangible and intangible cultural heritage, museum construction, sacred territories

References

Čepaitienė, R. 2010. *Kul'turnoe nasledie v global'nom mire* [Cultural Heritage in the Global World]. Vilnius: Evropeiskii gumanitarnyi universitet; Institut istorii Litvy.

Eremin, L.V. 2010. *Muzeefikatsiia osobo okhraniaemykh territorii istoriko-kul'turnogo znacheniiia v Respublikakh Iuzhnoi Sibiri: konets XX—nachalo XXI veka* [Museification of specially protected areas of historical and cultural significance in the Republics of

- Southern Siberia: the end of the XX — beginning of the XXI century]. PhD dissertation. Tomskii gosudarstvennyi universitet, Tomsk.
- Hartog, F. 2004. Tipy istoricheskogo myshleniia: prezentizm i sposoby vospriiatiia vremeni [Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time]. *Otechestvennye zapiski*, 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5>
- Heinich, N. 2017. Izgotovlenie kul'turnogo naslediiia [*The Making of Cultural Heritage*]. *Neprikosnovennyi zapis*. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2017/4/izgotovlenie-kulturnogo-naslediya.html>
- Kogan, L.N. 1983. Narodnaia kul'tura v istoricheskom razvitiu sistemy kul'tury [Folk culture in the historical development of the cultural system]. *Izuchenie istorii kul'tury kak sistemy*. Novosibirsk: Institut istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR.
- Kozioł C., 2017. Ideologiia okhrany pamiatnikov istorii: kriticheskii analiz struktury diskursa sovremennoi politiki istoricheskogo naslediiia [*Historic Preservation Ideology: A Critical Mapping of Contemporary Heritage Policy Discourse*]. *Neprikosnovennyi zapis*, 4: 172–187.
- Lotman, Iu.M. 2001. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg: «Iskusstvo — SPb».
- Lowenthal, D. Material'noe sokhranenie i ego al'ternativy [*Material Preservation and Its Alternatives*]. *Neprikosnovennyi zapis*, 4: 133–135.
- Maslov, D.V. 2017. *Lokal'nye muzei i reprezentatsii etnicheskoi kul'tury altaitsev* [Local museums and representations of the ethnic culture of the Altai people]. PhD dissertation, Moscow.
- Nora, P., Ozouf, M., de Puymège G., Winock, M. 1999. Frantsiia — pamiat' [*France. Memory*]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet.
- Oktiabr'skaia, I.V. 2013. Koncepciia kul'turnogo naslediiia: mirovoi i rossiiskii opyt formirovaniia [The concept of cultural heritage: the world and Russian experience of formation]. *Vestnik NGU, Seriia: Istorii, filologiia*, 12, 3: Arkheologiia i etnografiia: 20–31.
- Oktiabr'skaia, I.V. et al. (eds.) 2021. *Iskusstvo Tuvy v muzeiakh Rossii. Kolleksiia S. K. Prosvirkinoi* [The art of Tuva in the museums of Russia. Collections of S.K. Prosvirkina]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Pavlova, E. Iu. 2012. *Narodnye khudozhestvennye promysly Saiano-Altaiia v kontekste etnokul'turnogo razvitiia Rossii* [Folk arts and crafts of the Sayano-Altai in the context of the ethnocultural development of Russia]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Poliakova, M.A. 2005. *Okhrana kul'turnogo naslediiia Rossii* [Protection of the cultural heritage of Russia]. Moscow: Drofa.
- Sagalaev, A.M. 1991. *G.N. Potanin: opyt osmysleniia lichnosti* [G.N. Potanin: the experience of understanding personality]. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoe otdelenie.

- Samushkina, E.V. 2016. Obrazy proshlogo oirotov (altaitsev) v sovetskom obshchestvenno-politicheskom diskurse 1930-kh gg. [Images of the past of the Oirots (Altaians) in the Soviet socio-political discourse of the 1930s.] *Natsii i etnichnost' v gumanitarnykh naukakh. Etnicheskie, protonatsional'nye i natsional'nye narrativy: formirovanie i reprezentatsiia*. SPb.: Aleteiia: 206–213.
- Samushkina, E.V. 2018. Etnonatsional'naia elita Gornogo Altaia: problema formirovaniia istoricheskoi pamiati aborigennogo soobshchestva (1917–1918 gg.) [The ethnonational elite of the Altai Mountains: the problem of forming the historical memory of the Aboriginal community (1917–1918)]. *Manuskript*, 12, 2, 98: 263–267.
- Smith, L. 2013. «Zerkalo nasledii»: nartsissicheskaiia illiuziia ili mnozhestvo otrazhenii? [«Mirror of heritage»: narcissistic illusion or many reflections]. *Voprosy muzeologii*, 2, 8: 27–43.
- Tomilov, N.A. 2018. Sozidatel'naia deiatel'nost' muzeev Omska v sfere kul'turnogo naslediiia narodov Omskogo Priirtysh'ia v poslednei chetverti XX — nachale XXI veka [Creative activity of Omsk museums in the field of cultural heritage of the peoples of the Omsk Irtysh region in the last quarter of the XX — early XXI century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serii Istoricheskie nauki*, 4: 229–236.
- Vedenin, Iu.A. 2018. *Geografiia naslediiia. Territorial'nye podkhody k izucheniiu i sokhraneniuiu naslediiia* [Geography of heritage. Territorial approaches to the study and preservation of heritage]. Moscow: Novyi Khronograf.

© В.А. Бурнаков, И.В. Октябрьская

Традиционное мировоззрение хакасов. История изучения и современные подходы

Ключевые слова: хакасы, традиционное мировоззрение, история изучения, методы и подходы

Статья представляет собой аналитический обзор исследований, посвященных проблемам оценки традиционного мировоззрения хакасов. В ней рассматриваются основные концепты, методы и подходы, которые использовались при изучении культурного, в том числе духовного, наследия коренного населения Енисейского края в ходе его освоения начиная с XVII в. Подчеркивается, что с момента создания Новосибирского научного центра и его гуманитарного подразделения вопросам генезиса мировоззренческих систем древних и современных народов Сибири (архаичных и традиционных верований) уделялось очень большое внимание. Комплексный интегративный подход, опиравшийся на анализ широкого круга источников и вариативные методы, определял содержание исследований в этой области. Системное описание традиционных представлений хакасов о природе и человеке, позволяющее максимально полно воссоздать этническую картину мира, сохраняет свою актуальность до настоящего времени и определяет исследовательскую перспективу на фундаментальном и научно-практическом уровне.

С момента создания в 1966 г. Института истории, философии и филологии (ИИФФ СО АН СССР), преемником которого с 2001 г. стал Институт археологии и этнографии (ИАЭТ СО РАН), проблемам генезиса мировоззренческих систем древних и современных народов Сибири (архаичных и традиционных верований) уделялось очень большое внимание. Комплексный подход, опиравшийся на анализ широкого круга источников (археологических, языковых, фольклорных, этнографических и исторических), определял содержание исследований в этой области. Изучение традиционного мировоззрения хакасов стало частью долговременных программ института. Проекты отдела этнографии разрабатывались с 1990-х годов с опорой на опыт предшественников, на достижения преимущественно российский этнографии.

Бурнаков Венарий Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН. e-mail: venariy@ngs.ru <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Октябрьская Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИАЭТ СО РАН. e-mail: siem405@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-4190-9478>

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Для цитирования: Бурнаков В.А., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение хакасов. История изучения и современные подходы // Антропологии/Anthropologies. 2024. № 2. С. 88-110. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/88-110>

Известно, что история изучения хакасской культуры насчитывает без малого четыре столетия. Первые сведения о верованиях и обрядности народов, населяющих долину Енисея, появляются в записках русских первопроходцев и документах XVII в. Одним из ранних считается упоминание ритуалов шертвования (принесения клятвы) енисейских кыргызов — предков современных хакасов в отчете Посольскому приказу дипломатической миссии ко двору Алтын-ханов 1616 г. во главе с атаманом В. Тюменцем. Наряду с политически значимыми сведениями этот документ содержит материалы о жизни коренных обитателей долины Енисея. О принесении кыргызами клятвы (шерти) в отчете говорится: «рассекая пополам собаку, они проходили сквозь нее; также ели с клятвою хлеб, воткнутой на острие ножа». Этот и многие другие ритуалы упоминались также в донесениях в Сибирский приказ (*Бутанаев, Абдыкалыков* 1995: 74, 193–194).

О культуре, нравах и «татарской вере» енисейских кыргызов писал Н. Спафарий, в 1675 г. отправившийся в Китай с русским посольством. По дневниковым записям он подготовил книгу «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году» (*Спафарий* 1882: 9). В этом, а также в других сочинениях конца XVII в. содержались сведения о мифо-ритуальных традициях народов Енисейского края. Их научное описание началось с созданием в 1724 г. Академии наук, инициировавшей проведение экспедиций для формирования системных знаний о российском государстве и его народонаселении.

Еще до этого в 1721 г. состоялась экспедиция Д.Г. Мессершмидта, в ходе которой были собраны сведения о почитании объектов природы; впервые описано и зарисовано каменное изваяние «Улуг Хуртуях Тас» — «Великая Каменная Старушка», которую современные хакасы по-прежнему считают верховной покровительницей рождений и плодородия (*Мессершмидт* 2012: 26–69, 93, 108–110, 132–133; *Мессершмидт* 2021: 9–14, 107–108 и т.д.).

В 1733–1743 гг. в Сибири работал Академический отряд Второй Камчатской экспедиции под руководством Г.Ф. Миллера. Он был первым, кто начал изучение аборигенных культур в полевых условиях. Задачи исследований были определены в инструкции «О истории народов» и в программе этнографического изучения Сибири 1740 г. Находясь в Енисейском крае в 1739–1741 гг., Г.Ф. Миллер записывал исторические предания и мифы; впервые составил словарь местных диалектов, большое внимание уделял изучению верований. За время путешествия по Сибири ученый встретился со многими шаманами, присутствовал на камланиях. Его записи о языческих верованиях составили сотни страниц дневников. При этом Г.Ф. Миллер скептически относился к деятельности шаманов: называл их «фокусниками», способными произвести впечатление лишь на несведущих людей. (Элерт 2007). Тем не менее начатое им изучение шаманских практик оставалось актуальным в течении последующих веков.

Натуралист академического отряда экспедиции И.Г. Гмелин по ее итогам издал в Германии в 1751–1752 гг. четырехтомную монографию «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743» («Путешествия по Сибири с 1733 по 1743 гг.»). В ней были приведены сведения о верованиях народов Енисейского края, которых академик назвал «упрямыми язычниками». Большое внимание он уделил шаманизму — лично присутствовал на нескольких камла-

ниях; первым описал избранничество; назвал шаманов «колдунами». Сам же сеанс камлания ученый описал как «театр», построенный на обмане (*Элерт* 2007: 12–23). Эта тема стала популярной в российском просвещенном обществе, и даже императрица Екатерина Великая обратилась к ней в одной из своих сатирических пьес. Комедия «Шаман Сибирский», написанная ею в 1786 г., была посвящена разоблачению мистических практик масонов, которых она сравнивала с шаманами.

Процесс интеллектуального освоения региона совпал с включением территории современной Хакасии и ее населения в состав Российского (с 1721 г. — имперского) государства. Фактическое закрепление территории Среднего Енисея за Россией произошло в 1756–1758 гг. Одно за другим в этот период выходили академические издания, в том числе труды Я.И. Линдена, П.С. Палласа, И.Г. Георги и других ученых, где речь, кроме прочего, шла о коренных обитателях долины Енисея — «язычниках шаманского толка».

В третий том энциклопедического издания «Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и прочих достопамятностей», вышедшего в свет на русском языке в 1799 г., И.Г. Георги включил раздел «О шаманском языческом законе». В нем говорилось: «Шаманский закон принадлежит в число древнейших вер. Он всех старее на Востоке, и почитается корнем Ламайского, Браминского и других языческих толков. В Индии были священнослужители его отчасти и мудрецы: почему и не было ему в союзе недостатка. У исповедников сего закона между нашими народами, за недостатком грамоты и школ, также по причине воеваний, переселений, непостоянного жития, переименованных преданий и переворотов глупых или обманчивых священнослужителей, претворился он по большей части в противное идолослужение и слепое суеверие. ... При всей темноте и нестройности Шаманского язычества, а особливо толкования о богах, нельзя не признать в нем общих понятий естественной веры.» (Георги 1777: 98, 116).

Свод данных о верованиях народов Сибири, в том числе о предках хакасов, в конце XVIII — начале XIX вв. существенно расширился. Путевые и региональные очерки губернских и уездных чиновников, священников и служащих казенных учреждений все чаще включали материалы о коренных народах и их верованиях. Об этнолокальных группах долины Енисея, впоследствии объединившихся под именем хакасы, писали Е.Я. Пестерев, Г.И. Спасский, И.С. Пестов, А.П. Степанов, П.А. Чихачев, Н.С. Щукин, И.П. Корнилов, Н.А. Костров и др.

В журнале «Сибирский вестник» («Азиатский вестник») в 1810–1820-е годы не раз публиковались заметки одного из его основателей Г.И. Спасского. Будучи заседателем Красноярского уездного суда, он посетил многие районы долины Енисея. Верования местного населения он назвал «коренной или первобытной верой», «верой предков»; выявил дуализм светлого начала — «Худай» и темного — «Шайтан»; описал архаический обряд почитания Неба (Тигір тайыг), названный им «праздником, посвященным Всеблагому Существо — Кудаяю»; выделил культ каменных изваяний. В шаманских практиках Г.И. Спасский различал лечение болезней, гадания и предсказания (*Спасский* 1818. Ч. 1; 1818. Ч. 2; 1821. Ч. 15).

Вслед за выделением в 1822 г. Енисейской губернии в 1835 г. вышел в свет труд ее первого губернатора А.П. Степанова. Описывая воззрения коренных народов, он отмечал, что они «исповедуют веру шаманскую» и «имеют множество идолопоклоннических обычаев»; упомянул об «освященных холмах и рощах», где совершались обряды с посвящением божеству ызык'а — «белой лошади». Довольно критично А.П. Степанов отзывался о шаманах и их культовой деятельности, называя их ворожеями и обманщиками (*Степанов 2017: 82–97, 224–230*).

В 1845–1849 гг. по заданию Императорской Академии наук на Урале и в Южной Сибири проводил экспедиционные исследования М.А. Кастрен. Ученый был убежден, что прародиной урало-алтайских народов является Саяно-Алтай. Характеризуя коренных обитателей региона, вслед за предшественниками он называл их «язычниками камларского толка», «татарами, преданными шаманству», «язычниками-тюрьками». Описывая их мировосприятие, отмечал, что каждый природный объект для них был «одарен чувством: и радуется, и горюет». Горы и скалы (с наскальными рисунками), а также каменные изваяния особенно почитались местными жителями. В их пантеоне М.А. Кастрен выделил, помимо единого Худая, его представителей: «Читі Худай» / «Семь Богов» или «Читі Чайаан» / «Семь Творцов», «Тоғыс Худай» / «Девять Богов» или «Тоғыс Чайаан» / «Девять Творцов». В результате проведенной работы ученый собрал богатейший материал по языку и фольклору хакасов (*Кастрен 1999: 205–248*).

По времени экспедиция М.А. Кастрена совпадала с организацией и началом деятельности Императорского Русского географического общества (ИРГО) и его этнографического отделения. При поддержке общества и Академии наук исследования в регионе проводили известные представители научной, творческой и бизнес-элиты края: Г.Н. Потанин, И.И. Каратанов, А.В. Адрианов, Н.В. Латкин, П.Е. Островских и др. С ИРГО сотрудничал минусинский окружной начальник князь Н.А. Костров. В его работах традиционное мировоззрение тюрок Енисея обозначалось как «языческие верования» или «камларский толк».

В одном из сочинений Н.А. Костров описывал обряд небесного поклонения на горе Ызык таг с посвящением высшей силе белого коня — ызык'а. Он отмечал, что высшим божеством собравшиеся на горе люди почитают Худая, располагающегося на небесах. Что касается шаманов, то их Н.А. Костров называл «чистейшими шарлатанами» (*Костров 1868; 1884; 1895 и т.д.*).

В сотрудничестве с ИРГО разворачивалась также деятельность Минусинского музея, созданного в 1870 г. провизором г. Минусинска Н. М. Мартыновым. За короткий срок его усилиями музей превратился в один из ведущих научных и просветительских центров Западной Сибири. С деятельностью этого учреждения была связана судьба и работа политических ссыльных — Д.А. Клеменца, А.А. Кропоткина, Е.К. Яковлева, В.А. Ватина, Ф.Я. Кона, П.А. Аргунова, А.О. Лукашевича и др. Их исследования значительно расширили представления о традиционной культуре народов Енисейского края. Из опыта краеведческих изысканий, практик межэтнического, межкультурного диалога рождались первые концепции и подходы к оценке традиционного мировоззрения тюрок Саяно-Алтая. В фокусе научных и общественных интересов находились шаманские практики этих народов.

Отказываясь от рационального скепсиса и христианского отчуждения язычества, исследователи все чаще обращались к оценке природы шаманизма, его роли в жизни коренных народов Сибири и места в культурной истории макрорегиона. Популярностью пользовались работы Д. Банзарова «Черная вера или шаманство у монголов» 1846 г. и Г. Гомбоева «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини» 1857 г. В «Записках ИРГО» было опубликовано сочинение известного российского публициста и этнографа С.С. Шашкова «Шаманство в Сибири». Оно включало сведения, касающиеся мировоззрения тюрков Енисея. Позднее эти материалы (лишь со ссылкой на сочинение С.С. Шашкова) были опубликованы в работе В.В. Михайловского «Шаманство. Сравнительно-исторические очерки» (Шашков 1864; Михайловский 1892).

На рубеже XIX–XX вв. шаманизм вызывал все больший интерес не только ученых, но и широких слоев общества. Не случайно Минусинский музей на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. представлял, кроме прочих экспонатов, манекен шамана. Он был центральной фигурой композиции, которая воссоздавала сцену камлания.

Воспринимая шаманизм как самобытную религию коренных народов Сибири, обыватели видели в нем древнюю загадочную мистическую практику. Исследователи ориентировались на сравнительно-историческую типизацию религиозных воззрений, выстраивая их эволюцию от архаики к современности, от язычества к монотеизму. Большая заслуга в изучении динамики религиозных верований хакасов принадлежала юристу и этнографу Д.Е. Лаппо. В очерке «Троеверы: Из жизни минусинских инородцев» (1903) он рассмотрел процессы трансформации духовной культуры; поставил вопрос о формировании в их среде нового культа, отличного от шаманизма и христианства — веры в единого Бога — Худая, с маркирующим его обрядом небесного жертвоприношения тигір тайыг и посвящения ему коня — ызык'а. Этот ритуал совершался под руководством уважаемого человека без участия шамана.

В 1915 г. была опубликована брошюра выпускника Казанской Духовной академии Н.Ф. Неговского под названием «Религиозные верования инородцев Присянья». В этом издании на основе литературных данных были собраны и систематизированы общие сведения о религиозных воззрениях коренных народов региона. Историко-культурное направление в изучении традиционного мировоззрения хакасов сохраняло свою актуальность на протяжении всего XX в. При этом тема оценки шаманизма оставалась открытой. Дискурс по поводу его природы, времени возникновения и этапов развития в Сибири в целом и у отдельных народов в частности то усиливался, то затухал; единой его концепции так и не сложилось.

Другим трендом, который сопровождал становление сибирской этнографии, стала системная оценка народных знаний о мире, выраженных в языке и сохранных в фольклоре. В версии середины — конца XIX в. он опирался на концепцию философа и лингвиста В. фон Гумбольдта. Ученый рассматривал язык в тесной связи с мышлением, культурой и духовной жизнью народа. В работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» 1830–1835 гг. он писал о том, что язык, заложенный в самой природе человека, необходим для развития его духов-

ности. Язык в оценке В. фон Гумбольдта представлял собой непрерывный творческий процесс и был выражением мирозерцания народа. Современные исследователи увидели в этом учении предтечу теории языковой картины мира. В XIX в. в ее развитии в Европе и в России большое внимание уделялось составлению словарей и фольклорных сводов (*Гумбольдт 1985*).

В Сибири подобные изыскания осуществлялись выдающимся ученым-тюркологом В.В. Радловым (с 1894 г. директором Кунсткамеры (МАЭ), с 1917 г. — академиком). С 1860-х годов он работал на Алтае и в сопредельных регионах. В 1863 г. проводил экспедиционные исследования на юге Енисейской губернии. В процессе полевых работ глубоко погружался в изучение языка и культуры; был одним из первых исследователей, кто дал сравнительно-этнографическую характеристику шаманизма как определенной степени религиозного развития тюрко-монгольских и тунгусских народов.

Вышедшая в 1884 г. в Лейпциге книга В.В. Радлова «Из Сибири» содержала главу «Шаманство и его культ», где были описаны камлания, приведены образцы призываний духов, изложены мифологические представления о мире (*Радлов 1989*). Пытаясь обозначить общие основы мировоззрения шаманистов, ученый полагал, что оно было представлено не только в форме ритуала. Его этнографические исследования были неотделимы от фольклорных и лингвистических изысканий.

В 1866–1872 гг. В.В. Радлов опубликовал «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Хакасский фольклорный материал был включен во второй том серии. С 1888 г. выходил его фундаментальный труд «Опыт словаря тюркских наречий» (24 выпуска), в котором был представлен материал примерно сорока тюркских языков. Это был уникальный свод лексики и фразеологии живых и древних языков, который позволял составить представление о семантическом объеме слов и потому был не только лингвистическим, но и историко-этнографическим источником.

Развитие этого направления (изучения мировоззрения в его отношении к языку) было связано с деятельностью первого хакасского ученого, доктора наук, специалиста по сравнительному языкознанию Н.Ф. Катанова. Выпускник Санкт-Петербургского университета, профессор Казанского университета, в 1889–1892 гг. он совершил ряд экспедиций по Сибири и Центральной Азии, ориентированных на комплексное изучение языка, фольклора и этнографии. В ходе проведения работ в Южной Сибири был собран материал по тюркским народам, в том числе по хакасам. Особое внимание ученый уделил изучению традиционных верований. Им был записан большой корпус обрядовой поэзии и иные произведения фольклора (*Катанов 1889; 1894; 1897*).

Большой вклад в этнографическое изучение хакасов внес С.Д. Майнагашев. По заданию Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в 1913, 1914 и 1915 гг. он совершил этнографические экспедиции; собрал обширный материал; записал на фонограф обрядовый фольклор — шаманские призывания и пр. По итогам работ С.Д. Майнагашевым были опубликованы статьи и отчеты, в которых он представил материалы по традиционным культам и обрядовым практикам родного народа.

Будучи дипломированным юристом, С.Д. Майнагашев принимал активное участие в общественно-политических процессах юга Сибири. В 1918 г. в г. Минусинске на Совете рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов коренного населения юга Енисейской губернии при его содействии было принято решение о едином самоназвании «хакасы», которое объединило несколько этнолокальных (родоплеменных) групп в целостное сообщество. Будучи патриотом, С.Д. Майнагашев прилагал большие усилия к консолидации хакасов и их дальнейшему развитию. Но в 1920 г. он был расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности и реабилитирован лишь в 2000 г. Не все материалы С.Д. Майнагашева сохранились; но те, что известны, заложили основы культурного свода хакасов (*Майнагашев* 1916; 1915, 1913 и др.).

Революционные преобразования начала XX в. существенно повлияли на развитие гуманитарных исследований на юге Енисейского края. В ходе укрепления социалистического строя и утверждения советской национальной и культурной политики с ориентацией на новые ценности разворачивались археологические и этнографические исследования в Хакасском уезде Енисейской губернии, выделенном в 1923 г. (с 1925 г. Хакасский округ Сибирского, а затем Западно-Сибирского края; с 1930 г. Хакасская автономная область Западно-Сибирского, а с 1934 г. — Красноярского края).

В границах новой автономии набирала обороты музейная и краеведческая деятельность. В 1928 г. в с. Усть-Абаканском было организовано Хакасское общество краеведения. Его деятельность способствовала созданию в 1931 г. краеведческого музея в г. Абакане.

Наряду с прикладными исследованиями, в советской Сибири велись большие работы по оценке традиционных культур и верований. В 1924 г. на базе Кунсткамеры (МАЭ) была издана монография известного фольклориста и этнографа А.В. Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии». Книга представляла собой свод материалов о шаманах Алтая, включала их родословные, каталог атрибутов, перечень духов-покровителей, личные призывания. Шаманизм, и шире архаичные верования, привлекали серьезное внимание и ученых, и советских чиновников.

В 1920–1930-е годы исследования среди коренных народов Саяно-Алтая, в том числе среди хакасов, проводила Н.П. Дырленкова. Являясь ученицей профессоров Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза, представительницей ленинградской школы, основы которой закладывались В.В. Радловым, она соединяла знание тюркских языков и этнографии. Особое внимание в экспедиционной и аналитической работе она уделяла изучению традиционной мифологии и шаманизма тюркских народов; помимо работ по ритуальным практикам публиковала работы по языку и фольклору (*Дырленкова* 1930; 2012).

При этом время и власть все жестче диктовали стандарты советской гуманитарной науки. Речь шла об оценке и преодолении «пережитков прошлого» в контексте набирающего силу атеистического движения. Добровольная общественная организация Союз воинствующих безбожников СССР (Союз

безбожников, Общество друзей газеты «Безбожник»), существовавшая с 1925 по 1947 гг., своей целью обозначила идейную борьбу с религией во всех ее проявлениях. На повестку дня был поставлен вопрос о критической оценке шаманизма.

С 1920-х годов исследования архаичных воззрений (в том числе тотемизма, анимизма, фетишизма и магии), ориентированные на принципы эволюции, строились с учетом социально-классового подхода. С поправкой на этот подход проблемами традиционных религиозных воззрений сибирских народов, в том числе и хакасов, занимался известный этнограф и фольклорист Д.К. Зеленин. В работах «Идеология сибирского шаманства» и «Культ онгонов в Сибири» 1935–1936 гг. он исследовал древние верования; выявил взаимосвязь фетишизма с обрядом посвящения животных духам и божествам у хакасов; на основе сравнительных исследований выделил этапы формирования религиозно-мифологических воззрений на стадиях первобытно-коммунистического и классового общества; сквозь призму классового подхода рассмотрел природу шаманизма (Зеленин, 1935; 1936).

К изучению «пережитков прошлого» подключались специалисты на местах. Организованный характер этнографические исследования в Хакасии приняли с созданием в Абакане музейного центра — позже Хакасского областного краеведческого музея. Его открытие было приурочено к 10-летию Хакасской области, которое отмечалось в 1940 г. С 1939 по 1941 г. музей возглавлял сотрудник Государственного музея этнографии народов СССР (выходец с Алтая, кумандинец по происхождению) П.И. Каралкин. Деятельность музея продолжалась и в годы войны.

В 1941–1943 гг. в Хакасии находился в эвакуации и вел преподавательскую деятельность в Абаканском учительском институте (в 1944 г. преобразованном в Абаканский педагогический институт) выдающийся советский этнограф и религиовед С.А. Токарев. Основной темой его изысканий в тот период была оценка родоплеменной структуры хакасов и принципов родовых отношений в их среде. Описывая традиционные верования коренного населения, ученый выделил культ неба и гор. Результаты этой работы были использованы им в подготовке монографии «Религия в истории народов мира», изданной в 1964 г. и определившей основные подходы к оценке исторических форм мировоззрения в советской этнографии. Предложенные С.А. Токаревым принципы морфологической классификации религий с выделением ранних форм, в том числе шаманизма, оставались актуальными на протяжении последующих десятилетий (Токарев 1964; 1990).

В 1940-е годы в Абакане работал известный советский этнограф, специалист по религиозным верованиям первобытного общества Д.Е. Хайтун. Почти четверть века он занимался изучением тотемизма; в 1958 г. в Институте этнографии АН СССР защитил докторскую диссертацию «Проблемы тотемизма в освещении современной науки», куда вошли и хакасские материалы.

В 1943 г. по рекомендации профессора Г.Ф. Дебеца для палеоантропологических исследований в Хакасию прибыл А.Н. Липский, много лет работавший на Дальнем Востоке. Некоторое время он возглавлял Хакасский музей, для которого собрал коллекцию каменных изваяний и записал материал об их

почитании. Самым известным изваянием Хакасии была «Улуг Хуртуях тас» — с 1954 г. «Каменная старушка» находилась в экспозиции, оставаясь предметом почитания. В 2003 г. она вернулась на прежнее место в Сагайскую степь, в улус/село Анхаков и стала главным объектом культурно-ландшафтного музея, превратившегося в место массового паломничества (*Бурнаков 2012*).

Несмотря на процессы модернизации, Хакасия на протяжении всего XX в. оставалась регионом с высоким уровнем сохранения традиции. С 1940-х годов при поддержке специалистов из Москвы, Ленинграда, других городов здесь осуществлялись системные этнографические исследования. В 1944 г. был образован Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ).

В 1946 г. вернувшийся с фронта П.И. Каралькин был принят в институт на должность заведующего сектором истории. В 1946–1948 гг. под его руководством при участии одного из ведущих тюркологов страны, сотрудника МАЭ доктора наук Л.П. Потапова в регионе проводились экспедиции, ориентированные на изучение вопросов этногенеза, социальных отношений, материальной и духовной культуры хакасов, а также их религиозных верований.

С 1949 г. Л.П. Потапов возглавлял комплексную Саяно-Алтайскую экспедицию, позже работал в Туве. В сферу его интересов входило изучение традиционных культовых практик тюрков Южной Сибири. Давая оценку духовного наследия народов Саяно-Алтая, он выдвинул гипотезу об относительно позднем происхождении шаманизма (в I тыс. н. э.) на базе локальных культов природы (*Потапов 1956; 1957; 1958*).

Работы Л.П. Потапова формировали исследовательские тренды в сфере традиционной культуры и верований тюркских народов Сибири. Он прилагал большие усилия к подготовке местных научных кадров. Под его руководством защитил диссертацию первый профессиональный этнограф Хакасии, сотрудник ХакНИИЯЛИ К.М. Патачаков. В 1958 г. он опубликовал монографию «Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.)», где, кроме прочего, рассмотрел традиционные религиозные представления хакасов в русле официальной государственной идеологии.

В 1950-е годы изучением шаманизма хакасов занимался выпускник Абаканского государственного педагогического института А.Н. Гладышевский. Ученик С. А. Токарева и Д.Е. Хайтуна, в 1954 г. он представил к защите кандидатскую диссертацию на тему «Шаманизм в Хакасии и его реакционная сущность». В те годы, когда изучение шаманизма в СССР не поощрялось, указание на его реакционную природу было неизбежной уступкой официальной идеологии. Справедливости ради надо отметить, что спустя десятилетия автор пересмотрел свои взгляды в отношении традиционных духовных ценностей. Большое место в его исследованиях занимала проблема христианизации и двоеверия хакасов. Результатом многолетней работы стала монография «К истории христианства в Хакасии» (2004).

В 1950–1960-е годы круг исследователей, работавших над проблемами традиционного мировоззрения хакасов, расширился. По заданию краеведческого музея сбором материалов по духовной культуре занимался Н.С. Тене-

шев. Будучи шорцем по происхождению, он прекрасно владел хакасским языком; имел возможность фиксировать оригинальную информацию по семейно-родовой обрядности, культовым объектам и шаманизму хакасов.

В 1957 г. в Хакасии проводил исследование венгерский этнограф В. Диосеги. Его переводчиком выступал краевед В.И. Сунчугашев. Ученому удалось встретиться с тремя известными шаманами — В. Сунчугашевым, Е. Кызласовым и М. Боргояковым. В ходе интервьюирования им были записаны уникальные сведения, касающиеся вопросов становления шамана, шаманской болезни, ритуальной атрибутики, процесса камлания и шаманской демонологии.

С 1950-х годов исследования в Хакасии начал уроженец этих мест, выпускник МГУ, позднее один из ведущих археологов Сибири Л. Р. Кызласов. В 1950–1991 гг. он возглавлял Хакасско-Тувинскую археологическую экспедицию. В 1966 г. защитил докторскую диссертацию «История Тувы в средние века». В сферу его интересов, кроме прочего, входили проблемы генезиса традиционного мировоззрения хакасов. Ученый пришел к выводу о бытовании в прошлом двух пластов религиозно-мифологической системы: манихейства и шаманизма, которые в реликтовой форме сохранялись в хакасской культуре (Кызласов 1986; 1993; 2008).

Большие заслуги в изучении истории и культуры хакасов принадлежали В.Я. Бутанаеву. Выпускник Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина, связанный корнями с Хакасией, начиная с 1970-х годов он жил и работал в Абакане. За десятилетия полевых исследований собрал и ввел в научный оборот огромный массив языкового, фольклорного и этнографического материала. В 1993 г. защитил докторскую диссертацию «Этническая культура хакасов и проблемы реконструкции основных этапов их исторического развития». В 1999 г. В.Я. Бутанаев издал «Хакасско-русский историко-этнографический словарь», по своему уровню и значимости не имеющий аналогов среди изданий, посвященных культурному наследию сибирских народов. Совместно с Ч.В. Монгуш в 2005 г. он подготовил работу по сравнительному изучению ритуальных практик хакасов и тувинцев «Архаические обряды и обычаи Саянских тюрков». Основное внимание в ней было уделено анимистическим воззрениям, представлениям о рождении, жизни и смерти человека. В монографии «Традиционный шаманизм Хонгорая» (2006) ученый описал сущность и специфику сакральных традиций хакасов.

Анализируя народные верования, В.Я. Бутанаев пришел к дискуссионному выводу о том, что к концу XIX в. они были оформлены в виде двух религиозно-мифологических систем — шаманизма и бурханизма. При этом под бурханизмом он понимал синкретическое вероучение, сформировавшееся на базе традиционных культов, под сильным влиянием буддизма, христианства и некоторых древних восточных религий. Ученый обозначил его термином Ах-чаян — ‘Белая вера’. По его мнению, в обрядовой системе бурханизма фигуру шамана полностью заменил служитель культа алгысчыл — знаток традиций, проводящий обряды небесных жертвоприношений (Бутанаев 2003; 2006)

Одновременно с хакасскими исследователями работы в регионе в 1970-е годы вели этнографы Томского университета (ТГУ), где еще на рубеже XIX–XX вв. сложилось направление по изучению кочевого тюркского мира Евра-

зии. После долгого перерыва вновь стали постоянными экспедиции в Хакасию. В них принимала участие М.С. Усманова. В сферу ее научных интересов входило изучение традиционных верований хакасов, в том числе вопросы, касающиеся архаических культов, семейно-родовой обрядности и шаманских ритуалов (Усманова 1979а; 1979б; 1980). На основе полевых и архивных изысканий (под руководством известного тюрколога С.И. Вайнштейна) ею была написана и защищена в Институте этнографии (ИЭ АН СССР, позже ИЭА РАН) кандидатская диссертация «Дохристианские верования хакасов в конце XIX — начале XX века (Опыт историко-этнографического исследования)». Концепцию этой работы определила методология, сформированная в московском научном центре усилиями выдающихся этнографов С.А. Токарева, Б.О. Долгих, С.И. Гурвича, С.И. Вайнштейна и др. В ее основу был положен принцип исторического типирования (морфологический поход) в оценке религиозных представлений, который разделяли многие сибиреведы. Дальнейшее развитие темы, обозначенной в работах М.С. Усмановой, определило ее сотрудничество с ИИФФ СО АН СССР.

Становление тюркологии в этнографических исследованиях ИИФФ СО АН СССР было связано с именем кандидата исторических наук, первого профессионального этнографа среди алтайцев Е.М. Тощакковой. Для работы в институте ее пригласил академик А.П. Окладников. Изучение верований тюрков Сибири изначально опиралось на комплексный подход с участием филологов, этнографов и археологов. Археологическими исследованиями в Хакасии занимался выпускник Новосибирского государственного университета (НГУ), сотрудник ИИФФ СО АН СССР с 1974 г. Ю.С. Худяков. Выдающийся археолог (с 1988 г. — доктор наук) на основе привлечения обширного круга источников рассмотрел влияние мировых и синкретичных религий (манихейства) на культуру и мировоззрение предков хакасов — енисейских кыргызов (Худяков 1987; 2002).

Роль религиозного фактора в истории тюркских народов Южной Сибири уже в 1980–1990-е годы стала предметом исследований широко круга специалистов, представляющих ведущие университеты региона, в том числе П.К. Дашковского, Л.И. Шерстовой и др. В Хакасии эта тема разрабатывалась В.Н. Асочаковой. На основе анализа исторических источников она пришла к выводу о формировании двоеверия среди хакасов. Это выражалось в приверженности народа традиционным верованиям при достаточно формальном принятии христианства (Асочакова 2018). Однако авторская работа с архивными и полевыми материалами (например, со свидетельствами богоявления) позволила говорить о глубинных основах религиозного синкретизма, характерного для хакасов.

Проблема межконфессиональных контактов изначально определяла творчество А.М. Сагалаева. В 1981 г. он начал работу в ИИФФ АН СССР. Выпускник Томского университета, А.М. Сагалаев окончил аспирантуру Ленинградского университета. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Ламаистские элементы в мифологии и традиционных культах алтайцев». Начав с историко-этнографических исследований, проследив влияние буддизма/ламаизма на мировоззрение тюркских народов Южной Сибири, он позднее сменил исследовательскую парадигму. Это было связано с реализацией проекта, объединившего специалистов ИИФФ АН СССР и ТГУ. Результатом

совместной работы ученых Томска и Новосибирска (Э.Л. Львовой, А.М. Сагалаева, И.В. Октябрьской и М.С. Усмановой) стали три взаимодополняющих монографии серии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» 1988–1990 гг. В этом издании на основе структурно-семиотического подхода авторам удалось реконструировать религиозно-мифологическую картину мира тюрков Южной Сибири, представить ее в виде целостной системы, явленной в словах и образах.

В ходе структурирования материала были введены «космологические» классификаторы — реперные точки мифологического мироздания, имеющие предметное воплощение. Особое внимание в коллективных монографиях уделялось анализу представлений о человеке и его месте в природе и обществе; были описаны родовые структуры тюрков Южной Сибири и их идеологии; рассмотрены различные аспекты знаковой деятельности, реконструированы модели ритуального поведения. В дальнейшем эта работа (включавшая многочисленные сюжеты хакасской этнографии) оказала большое влияние на развитие исследований мировоззренческих систем народов Сибири в целом (Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова 1988; 1989; Сагалаев, Октябрьская 1990). Она стала основой для обобщений на уровне выявления типологических универсалий и этногенетических схождений.

Это направление исследований было реализовано в докторской диссертации. А.М. Сагалаева «Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири» 1992 г. Разработку темы ученый продолжил, став в 1994 г. профессором Томского педагогического университета (ТГПУ), а затем ТГУ. В основу его будущей монографии была положена концепция сибирского шаманизма как мировоззренческой системы — философии природы. Но это исследование было прервано смертью автора.

В целом этнографическое направление ИИФФ АН СССР 1980–1990-х годов отличала вариативность подходов. Наряду с историко-этнографическими и структурно-семиотическими осуществлялись историко-типологические изыскания. Эта парадигма определяла творчество Н.А. Алексеева. Он внес большой вклад в изучение духовной культуры тюркоязычных народов Сибири — якутов, хакасов, алтайцев, шорцев, тувинцев и тофаларов. Развивая давние традиции якутской этнографии, Н.А. Алексеев окончил ЛГУ, аспирантуру ИЭ АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Работал в научных и управленческих центрах Москвы и Якутска. В 1967 г. под руководством И.С. Гурвича защитил кандидатскую диссертацию «Традиционные религиозные верования якутов XIX–XX веков»; в 1986 — докторскую диссертацию «Ранние формы религии и шаманизм тюркоязычных народов Сибири». В том же году он стал сотрудником ИИФФ СО АН СССР; с 1991 г. был заместителем директора выделившегося Института филологии (ИФ СО РАН); с 2008 г. — директором Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Работы Н. А. Алексеева издавались в Новосибирске на протяжении 1970–2000-х годов. Это: «Традиционные религиозные верования якутов в XIX–XX вв.» (1975), «Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири» (1980), «Шаманизм тюркоязычных народов Сибири» (1984), «Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири» (1992). Все мо-

нографии ученого опирались на обширный этнографический (в том числе хакасский) материал. При сравнительном анализе верований тюркских народов Сибири Н. А. Алексеев придерживался методологических принципов, разработанных С.А. Токаревым. Понимая шаманизм как одну из наиболее ранних форм религии, он выделял общие закономерности его формирования на основе архаичного аниматизма, тотемизма, культа предков; особое внимание уделял синхронизации материалов, используя их для реконструкции религии древних тюрков и освещения отдельных аспектов тюркского этногенеза (Алексеев 2008).

Большое место в творчестве Н.А. Алексеева занимала работа с фольклором. Он был одним из руководителей программы «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», основанной в ИИФФ СО АН СССР в 1981–1983 гг. и удостоенной в 2001 г. Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники. В многотомную серию были включены тематические (жанровые) подборки хакасского фольклора. Они (как и вся серия) создавались на основе тесного сотрудничества фольклористов, языковедов, этнографов, музыковедов.

В развитие интегративной концепции издания был поставлен вопрос об оценке ключевых понятий и образов фольклорного наследия народов Сибири. Ценности человеческого бытия и культуры стали рассматриваться, в том числе, на материалах тюркских языков в рамках антропологической и лингвокультурологической парадигмы. В этом направлении активно работали ученые Хакасии. Появились работы М.Д. Чертыковой, А.Н. Чугуновой, К.А. Покояковой и других авторов, посвященные образу человека в хакасской языковой картине мира. Обобщающий характер носит коллективная монография «Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири» (2021), подготовленная в рамках проекта ИФ СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык». Хакасские сюжеты стали ее органичной частью. Неразрывная связь языковой и мифо-поэтической картин мира была многократно подтверждена работами этнографов, фольклористов и языковедов. Интегративный подход определял специфику изучения мировоззренческих систем древних и современных народов Сибири ИИФФ СО АН, а затем ИАЭТ СО РАН рубежа XX и XXI вв.

Этот период был отмечен активизацией этнополитических и этносоциальных процессов в Сибири. В ходе переформатирования системы ценностей постсоветской России многократно усилился интерес к культурному, в том числе духовному наследию ее народов, которое оценивали как ресурс и фактор суверенности и этнической (этнонациональной) идентичности. В Республике Хакасия (утвердившей свой статус в 1992 г.) разворачивались процессы культурного строительства, лидерами и участниками которого становились ведущие ученые. В их числе была доктор философии профессор Хакасского государственного университета Л.В. Анжиганова. В своей общественной и научной деятельности она акцентировала значимость традиционных религиозно-мифологических представлений хакасов. При этом мировоззрение понималось ею как открытая и саморазвивающаяся система, выступающая важнейшим фактором этнической (этнонациональной) идентичности (Анжиганова 1997а; 1997б; 1997 в.).

Определение мировоззрения как динамичной системы рождалось из реалий Хакасии 1990-х годов. Тогда в региональном сообществе возник большой интерес к традиционным знаниям. В республике стали проводиться «школы» и семинары, посвященные сакральным практикам. Появилась категория шаманов, участвующих в фестивальных и концертных программах, оказывающих услуги по предсказанию, очищению, врачеванию. По сходным сценариям развивались события в Туве, Якутии, Бурятии, где проводились шаманские съезды, создавались шаманские центры, святилища, обсуждался вопрос о наделении шаманизма статусом традиционной религии.

Перспектива оценки текущей ситуации, а также традиционного и неошаманизма определила программу исследований В.И. Харитоновой и ее коллег из Всероссийского научно-исследовательского центра традиционной народной медицины, а затем ИЭА РАН. Начиная с 1990-х годов В.И. Харитонova являлась одним из организаторов международных интердисциплинарных конференций и научно-практических семинаров по проблемам шаманизма и шаманского целительства, в которых принимали участие многие сакральные деятели Хакасии. В 2000 г. в ИЭА РАН она защитила докторскую диссертацию «Народные магико-медицинские практики: традиция и современность. Опыт комплексного системно-феноменологического исследования»; в развитии темы предложила собственную версию трактовки шаманизма (шаманства), отличную от уже сложившихся (Харитонova 2006).

Традиционно феномен шаманизма/шаманства определяли либо как культ или политеистическую религию с истоками в архаичном анимизме, либо как «технику экстаза». Анализируя современный шаманизм, который в начале XXI в. стал международным явлением в диапазоне от традиционного до современного, адаптированного к формату тренингов личностного роста, В.И. Харитонova выделила в нем три уровня. Под «шаманством» понималась система воззрений в целом; внутри системы выделялось «бытовое шаманство», выступающее в качестве магико-мистической и обрядовой стороны жизни. А «шаманизм» интерпретировался как ритуальная практика людей, наделенных способностью погружаться в транс (измененные состояния сознания), посвященных в эзотерику, прошедших отбор и подготовку (Функ, Харитонova 1999). Эта схема, как и все существующие в настоящее время определения шаманизма, дискутировалась на протяжении 2000-х годов. Интерес к шаманизму в обществе не угасал. Хотя многие шаманы меняли сферы деятельности, все больше ориентируясь на творческие или научные проекты.

Так, еще недавно практикующий хакасский шаман Л.В. Горбатов в настоящее время активно занимается музейным строительством в улусе/селе Анхаков. В 2019 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Хакасская народная медицина». В ней он рассмотрел народную медицину как естественную составляющую традиционной культуры; дал характеристику ее рациональных и иррациональных воззрений на причины болезней; выявил анимистические основы народных знаний о здоровье человека. Эта работа стала частью все расширяющегося свода этнокультурных традиций хакасов. В его формировании принимают участие современные исследователи истории и культуры региона — И.И. Бутанаева, И.К. Кидиекова, М.Ю. Арчимачева, А.А. Бурнаков и др. В научный оборот вводятся малоизвестные и ранее не публиковавшиеся фольклорные, этнографические, письменные и другие материалы.

С опорой на существующий корпус источников, на возможности полипарадигмального подхода строятся авторские разработки В.А. Бурнакова. Выпускник Томского университета, он окончил аспирантуру ИАЭТ СО РАН в 2002 г. и защитил кандидатскую диссертацию «„Мир невидимых“ по традиционным воззрениям хакасов (духи среднего мира в хакасских традиционных представлениях XIX–XX вв.)». Это сочинение легло в основу монографии «Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов» 2006 г. В ней был реконструирован традиционный пантеон хакасов. В работе 2020 г. «Фетиши — тёсы в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX — середина XX века)» на полевом и музейном материале была системно описана иконография фетишей — символов, обозначающих духов-покровителей и формирующих «иконостас» хакасской юрты.

В серии статей 2000–2020 гг. автор, используя опыт фольклористов и лингвистов, обратился к воссозданию мифо-ритуальной картины мира хакасов (Бурнаков В., Бурнаков А. 2008; Бурнаков 2012 и др.). Структурно-семиотическая и лингвокультурологическая парадигмы были откорректированы им на основе тезаурусного подхода. Суть его состоит в разработке полных структурно организованных, систематизированных сводов знаний, освоенных этническим сообществом в качестве средства ориентации в окружающем мире. Тезаурусный подход позволяет выстраивать связи между объектами и концептами, между языком и культурой. Вслед за социологами и культурологами его все чаще используют этнографы как способ воссоздания актуальной картины мира, определяющей систему ценностей этнических сообществ в ее отношении к глобальному миру (Луков Вал.А., Луков Вл.А. 2008; Ламажа 2012). Системное описание традиционных представлений хакасов о природе и человеке на основе тезаурусного подхода, позволяющее максимально полно воссоздать этническую картину мира, определяет по-прежнему актуальную авторскую перспективу, которая является частью долговременных программ ИАЭТ СО РАН по изучению генезиса, развития и трансформации мировоззренческих систем древних и современных народов Сибири.

Литература

- Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 493 с.
- Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов: опыт реконструкции. Абакан: Роса, 1997а. 128 с.
- Анжиганова Л. В. Шаманизм: Теория и практика. Абакан: [б. и.], 1997б. 48 с.
- Анжиганова Л. В. Методологические проблемы исследования традиционного мировоззрения хакасов // Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее. Абакан: [б. и.], 1997в. С. 12–24.
- Асочакова В. Н. К истории православия в Хакасии (XVII–XIX вв.). Абакан: ООО «Кн. Изд-во «Бригантина», 2018. 196 с.

- Бурнаков В. А.* Каменное изваяние Улуг Хуртуях Тас в сакральном пространстве хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3. С. 335–344.
- Бурнаков В. А., Бурнаков А. А.* Сакральные места Хакасии // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научной конференции. Т. 7. Барнаул, 2008. С. 450–453.
- Бутанаев В. Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
- Бутанаев В. Я.* Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан, 2006. 254 с.
- Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Н.* Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII вв. Абакан: УПП «Хакасия». 1995. 249 с.
- Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 3. СПб.: Императорская Академия Наук. 1799. 116 с.
- Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс. 1985. 452 с.
- Дыренкова Н. П.* Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1930. Т. IX. С. 267–291.
- Дыренкова Н. П.* Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 408 с.
- Зеленин Д. К.* Идеология сибирского шаманства // Изв. АН СССР, Институт общественных наук. 1935. № 8. С. 709–743.
- Зеленин Д. К.* Культ онгонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
- Кастрен М. А.* Путешествие в Сибирь. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
- Катанов Н.* Шаманский бубен и его значение» // Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 6. С. 112–114.
- Катанов Н. Ф.* О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете. Казань: Типо-лит. Имп. Универ-та, 1894. Т. XII. Вып. 2. С. 109–142.
- Катанов Н.* Шаманское нагорное жертвоприношение // Православный благовестник. 1897. № 24. С. 369–372.
- Костров Н. А.* Шаман // Томские губернские ведомости. 1868. № 35, 36, 38.
- Костров Н. А.* Очерки быта минусинских татар // Труды IV археологического съезда в России. Казань: Тип. Казанского унта. 1884. Т. 1. С. 208–248.
- Костров Н. А.* Среднее течение Енисея // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12: Восточные окраины России. Ч. 1: Восточная Сибирь. СПб.; М.: Изд-во Тов-ва М.О. Вольфа, 1895. С. 51–76.

- Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1986. 295 с.
- Кызласов И. Л.* Мировоззренческая основа погребального обряда // Российская археология. 1993. № 1. С. 98–111.
- Кызласов И. Л.* Манихейство — государственная религия древних кыргызов // Сокровища культуры Хакасии. М., 2008. С. 484–485.
- Ламажа Ч. К.* Тезаурусный подход к анализу тувинской культуры // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 25–46.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. 784 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.
- Майнагашев С. Д.* Из материалов по шаманству у сагайцев и соседних племён // Живая старина, 1913. Вып. III–IV. С. 15–20.
- Майнагашев С. Д.* Загробная жизнь по представлению турецких племен Минусинского края // Живая старина. 1915. Вып. 3. С. 277–292.
- Майнагашев С. Д.* Жертвоприношения Небу у бельтиров // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1916. Т. 3. С. 93–102.
- Мессершмидт Д. Г.* Дневники. Томск–Абакан–Красноярск. 1721–1722. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.
- Мессершмидт Д. Г.* Дневники: Тобольск — Тара — Томск (1721 г.). Томск, 2021. 132 с.
- Михайловский В. М.* Шаманство. Сравнительно-этнографические очерки. // Известия Императорского общества любителей естествознания, Антропологии и этнографии. Т. LXXV. Труды Этнографического отдела: Т. XII. Вып. 1. М.: Петровка. Дом Левенсон, 1892. 115 с.
- Потанов Л. П.* Алтайцы, хакасы и тувинцы // Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. С. 329–472.
- Потанов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хак. кн. изд-во. 1957. 307 с.
- Потанов Л. П.* К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 314–322.
- Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. 200 с.

- Спасский Г. И.* Народы, кочующие в верху реки Енисея // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 1. С. 1–25.
- Спасский Г. И.* Народы, кочующие в верху реки Енисея // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 2. С. 26–56.
- Спасский Г. И.* Нечто о жизни кочующих в Сибири народах // Сибирский вестник. СПб., 1821. Ч. 15. С. 1–6.
- Спафарий Н. Г.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечанием Ю.В. Арсеньева. СПб: Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.
- Степанов А. П.* Енисейская губерния. Красноярск: РАСТР, 2017. 268 с.
- Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1964. 559 с.
- Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- Усманова М. С.* О категориях шаманствующих лиц у хакасов // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1979а. С. 181–184.
- Усманова М. С.* Объекты природы в традиционной культуре хакасов // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979б. С. 136–138.
- Усманова М. С.* Хакасы: Похоронная обрядность // Семейная обрядность народов Сибири. М.: Наука, 1980. С. 108–113.
- Функ Д. А., Харитонова В. И.* Шаманство или шаманизм? // «Избранники духов» — «Избравшие духов»: Традиционное шаманство и неошаманизм. Памяти В. Н. Басилова (1937–1998). М.: ИЭА РАН, 1999. С. 41–71.
- Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: ИЭА РАН, 2006. 372 с.
- Худяков Ю. С.* Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1987. С. 65–75.
- Худяков Ю. С.* О проникновении мировых религий в Южную Сибирь в эпоху раннего средневековья // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 178–180.
- Шашков С. С.* Шаманство в Сибири // Записки ИРГО. 1864. Кн. 2. С. 1–105.
- Элрт А. Х.* Языческие верования и обряды: из путевых дневников Г.Ф. Миллера. Описание якутского обряда жертвоприношения // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 92–101.
- Элрт А. Х., Гмелин И. Г.* Путешествие по Сибири. Тюрки Красноярского уезда и их шаманы // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 12–23.

Research article

Burnakov V. A., Oktiabr'skaia I. V. *Tradicionnoe mirovozzrenie khakasov. Istoriia izuchenii i sovremennye podkhody* [The traditional worldview of the Khakassians. The history of the study and modern approaches] *Anthropologies*, 2024, No 2, pp. 88-110, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/88-110>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Burnakov V. A. | venariy@ngs.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081> | Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Department of Ethnography

Oktyabrskaya I. V. | siem405@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0002-4190-9478> | Leading researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Department of Ethnography

Abstract

The article is an analytical review of research devoted to the problems of assessing the traditional worldview of the Khakassians. It examines the main concepts, methods and concepts that have been used in the study of the cultural, including spiritual, heritage of the indigenous population of the Yenisei Region during its development since the 17th century. It is emphasized that since the establishment of the Novosibirsk Scientific Center and its humanitarian division, much attention has been paid to the genesis of the worldview systems of the ancient and modern peoples of Siberia (archaic and traditional beliefs). A comprehensive integrative approach based on the analysis of a wide range of sources and variable methods determined the content of research in this area. The systematic description of the traditional ideas of the Khakas about nature and human, which makes it possible to reconstruct the ethnic picture of the world as fully as possible, remains relevant to the present day and defines the research perspective at the fundamental and scientific-practical level.

Keywords: Khakassians, traditional worldview, history of study, methods and approaches

References

- Alekseev, N. A. 2008. *Etnografiia i fol'klor narodov Sibiri* [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
- Anzhiganova, L. V. 1997a. *Tradicionnoe mirovozzrenie khakasov: Opyt rekonstrukcii* [The traditional worldview of the Khakas: The experience of reconstruction]. Abakan: Rosa.
- Anzhiganova, L. V. 1997b. *Shamanizm: Teoriia i praktika* [Shamanism: Theory and Practice]. Abakan.
- Anzhiganova, L. V. 1997c. Metodologicheskie problemy issledovaniia tradicionnogo mirovozzreniia khakasov [Methodological problems of the research of the traditional worldview of the Khakas]. *Tradicionnoe mirovozzrenie khakasov: proshloe, nastoiashchee, budushchee*. Abakan: 12–24.
- Asochakova, V. N. 2018. *K istorii pravoslaviia v Khakasii (17–19 vv.)* [On the history of

- Orthodoxy in Khakassia (17–19 centuries)]. Abakan: OOO Kn. Izd-vo «Brigantina».
- Burnakov, V.A. 2012. Kamennoe izvaianie Ulug Khurtuiakh Tas v sakral'nom prostranstve hakasov [Stone sculpture of Ulug Hurtuyakh Tas in the sacred space of Khakassia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 3: 335–344.
- Burnakov, V.A., Burnakov, A.A. 2008. Sakral'nye mesta Khakasii [Sacred places of Khakassia]. *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii*. Barnaul, 7: 450–453.
- Butanaev, V.Ia. 2003. *Burhanizm tiurkov Saiano-Altai* [Burkhanism of the Turks of Saiano-Altai]. Abakan: Izd-vo HGU.
- Butanaev, V.Ia. 2006. *Tradicionnyi shamanizm Khongorai* [Traditional shamanism of Khongorai]. Abakan.
- Butanaev, V.Ia., Abdykalykov, A.N. 1995. *Materialy po istorii Hakasii 17 — nachala 18 vv.* [Materials on the history of Khakassia of the 17 — early 18 centuries]. Abakan: UPP «Khakassia».
- Dyrenkova, N.P. 1930. Poluchenie shamanskogo dara po vozzreniyam tureckih plemen [Obtaining the shamanic gift according to the views of the Turkish tribes]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 9: 267–291.
- Dyrenkova, N.P. 2012. *Tiurki Saiano-Altai: stat'i i etnograficheskie materialy* [Turks of Sayano-Altai: articles and ethnographic materials]. SPb.: MAE RAN.
- Elert, A.H. 2007. Gmelin I. G. Puteshestvie po Sibiri. Tiurki Krasnoiarskogo uезда i ikh shamany [Gmelin I. G. Journey through Siberia. The Turks of the Krasnoyarsk district and their shamans]. *Nauka iz pervykh ruk*, 6: 12–23.
- Funk, D.A., Kharitonova, V.I. 1999. Shamanstvo ili shamanizm? [*Shamanstvo or shamanism?*]. «*Izbranniki dukhov*»: *Tradicionnoe shamanstvo i neoshamanizm. Pamyati V. N. Basilova (1937–1998)*. M.: IEA RAN: 41–71.
- Georgi, I.G. 2007. *Opisanie vsekh obitaiushchih v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei* [Description of all the peoples living in the Russian state: their daily rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other memorabilia]. SPb.: Russkaia simfoniia.
- Gumboldt, V. Fon. 1985. *Iazyk i filosofii kul'tury* [Language and cultural philosophy]. M.: Progress.
- Kastren, M.A. 1999. *Puteshestvie v Sibir'* [Journey to Siberia. Tyumen]. Tiumen': Izd-vo Iu. Mandriki.
- Katanov, N. 1889. Shamanskii buben i ego znachenie [The Shamanic tambourine and its meaning]. *Eniseiskie eparhial'nye vedomosti*, 6: 112–114.
- Katanov, N.F. 1894. O pogrebal'nykh obryadakh u tiurkskikh plemen s drevneishikh vremen do nashikh dnei [About the funeral rites of the Turkic tribes from ancient times to the

present day]. *Izvestiia Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imp. Kazanskom universitete*, 12, 2. Kazan': Tipo-lit. Imp. Univer-ta: 109–142.

Katanov, N. 1897. Shamanskoe nagornoe zhertvoprinoshenie [Shamanic mountain sacrifice]. *Pravoslavnyi blagovestnik*, 24: 369–372.

Kharitonova, V.I. 2006. *Feniks iz pepela? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysyacheletii* [Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of the Millennium]. M.: IEA RAN.

Khudiakov Iu.S. 1987. Shamanizm i mirovye religii u kyrgyzov v epokhu srednevekovia [Shamanism and world religions among the Kyrgyz in the Middle Ages]. *Tradicionnye verovaniia i byt narodov Sibiri (19 — nachalo 20 v.)*. Novosibirsk: Nauka: 65–75.

Khudiakov, Iu.S. 2002. O proniknovenii mirovykh religii v Iuzhnuui Sibir' v epokhu rannego srednevekovia [On the penetration of world religions into Southern Siberia in the Early Middle Ages]. *Sibir' na perekrestke mirovykh religii. Materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferencii*. Novosibirsk: NGU: 178–180.

Kostrov, N.A. 1868. Shaman [Shaman]. *Tomskie gubernskie vedomosti*, 35, 36, 38.

Kostrov, N.A. 1884. Ocherki byta minusinskikh tatar [Sketches of the life of the Minusinsk Tatars]. *Trudy 4 arkhelogicheskogo s»ezda v Rossii*, 1. Kazan': Tip. Kazanskogo un-ta: 208–248.

Kostrov, N.A. 1895. Srednee techenie Eniseia [The middle course of the Yenisei]. *Zhivopisnaia Rossiia. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii*, 12: Vostochnye ukrainy Rossii, 1: Vostochnaia Sibir'. SPb.; M.: Izd-vo Tov-va M.O. Vol'fa: 51–76.

Kyzlasov, L.R. 1986. *Drevnejshaia Khakasiia* [Ancient Khakassia]. M.: Izd-vo Moskov. un-ta.

Kyzlasov, I.L. 1993. Mirovozzrencheskaia osnova pogrebal'nogo obriada [The ideological basis of the funeral rite]. *Rossiiskaia arkhelogiia*, 1: 98–111.

Kyzlasov, I.L. 2008. Maniheistvo — gosudarstvennaia religiia drevnikh kyrgyzov [Manichaeism — the state religion of the ancient Kyrgyz]. *Sokrovishcha kul'tury Khakasii*. M.: 484–485.

Lamazha, Ch.K. 2012. Tezaurusnyi podkhod k analizu tuvinskoi kul'tury [Thesaurus approach to the analysis of Tuvan culture]. *Novye issledovaniia Tuvy*, 1: 25–46.

Lukov, Val.A., Lukov, VI.A. 2008. *Tezaurusy: Sub»ektnaia organizaciia gumanitarnogo znaniia* [Thesauri: The subject organization of humanitarian knowledge]. M.: Izd-vo Nacional'nogo instituta biznesa.

L'vova, E.L., Oktiabr'skaia, I.V., Sagalaev, A.M., Usmanova, M.S. 1988. *Tradicionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri: Prostranstvo i vremia. Veshchnii mir* [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia: Space and time. The Prophetic World]. Novosibirsk: Nauka.

- L'vova, E.L., Oktiabr'skaia, I.V., Sagalaev, A.M., Usmanova, M.S. 1989. *Tradicionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri: Chelovek. Obshchestvo* [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia: Man. Society]. Novosibirsk: Nauka.
- Mainagashev, S.D. 1913. Iz materialov po shamanstvu u sagaicev i sosednikh plemen [From materials on shamanism among the Sagai people and neighboring tribes]. *Zhivaia starina*, 3, 4: 15–20.
- Mainagashev, S.D. 1915. Zagrobnaia zhizn' po predstavleniiu tureckikh plemen Minusinskogo kraia [The afterlife according to the Turkish tribes of the Minusinsk region]. *Zhivaia starina*, 3: 277–292.
- Mainagashev, S.D. 1916. *Zhertvoprinosheniia Nebu u bel'tirov* [Sacrifices to Heaven among the Beltiri]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 3: 93–102.
- Messersmidt, D.G. 2012. *Dnevnik*. Tomsk — Abakan — Krasnoiar'sk. 1721–1722 [Diaries. Tomsk — Abakan — Krasnoyarsk. 1721–1722]. Abakan: OOO Kooperativ «Zhurnalist».
- Messersmidt, D.G. 2021. *Dnevnik: Tobol'sk — Tara — Tomsk (1721 g.)*. [Diaries: Tobolsk — Tara — Tomsk (1721)]. Tomsk.
- Mikhailovskii, V.M. 1892. Shamanstvo. Sravnitel'no-etnograficheskie ocherki [Shamanism. Comparative ethnographic essays]. *Izvestiia Imperatorskogo obshchestva liubiteli estestvoznaniia, antropologii i etnografii*, 75, *Trudy Etnograficheskogo otdela*, 12, 1. M.: Petrovka. Dom Levenson.
- Miller, G.F. 2009. *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian peoples]. M.: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Potapov, L.P. 1956. Altaicy, khakasy i tuvincy [Altaians, Khakas, and Tuvans]. *Narody Sibiri*. M.; L.: Izd-vo Akad. Nauk SSSR: 329–472.
- Potapov, L.P. 1957. Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoi narodnosti [The origin and formation of the Khakass nationality]. Abakan: Khak. kn. izd-vo.
- Potapov, L.P. 1958. K izucheniiu shamanizma u narodov Saiano-Altayskogo nagoria [On the study of shamanism among the peoples of the Sayano-Altai Highlands]. *Filologiya i istoriia mongol'skikh narodov*. M.: 314–322.
- Sagalaev, A.M., Oktiabr'skaia, I.V. 1990. *Tradicionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Znak i ritual* [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. A sign and a ritual]. Novosibirsk: Nauka. Sib. Otdelenie.
- Shashkov, S.S. 1864. Shamanstvo v Sibiri [Shamanism in Siberia]. *Zapiski IRGO*, 2: 1–105.
- Spafarii, N.G. 1882. *Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granic Kitaia russkogo poslannika Nikolaia Spafariia v 1675 godu. Dorozhnyi dnevnik Spafariia s vvedeniem i primechaniem Iu.V.Arsen'eva* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China of the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675. Spafari's travel diary with an introduction and a note by Yu.V.Arsen'yev]. SPb: Tip. V. Kirshbauma.

- Spasskii, G.I. 1818. Narody, kochuiushchie v verkhu reki Eniseia [Peoples wandering in the upper reaches of the Yenisei Rive]. *Sibirskii vestnik*, 1: 1–25; 2: 26–56.
- Spasskii, G.I. 1821. Nechto o zhizni kochuiushchikh v Sibiri narodakh [Something about the life of nomadic peoples in Siberia]. *Sibirskii vestnik*, 15: 1–6.
- Stepanov, A.P. 2017. *Eniseiskaia guberniia* [The Yenisei province]. Krasnoiar'sk: RASTR.
- Tokarev, S.A. 1964. *Religiia v istorii narodov mira* [Religion in the history of the peoples of the world]. M.: Politizdat.
- Tokarev, S.A. 1990. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. M.: Politizdat.
- Usmanova, M.S. 1979a. O kategoriiakh shamanstvuiushchikh lic u khakasov [On the categories of shamanistic persons among the Khakas]. *Etnogenez i etnicheskaia istoriia tiurkoiazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Omsk: OmGU: 181–184.
- Usmanova, M.S. 1979b. Ob»ekty prirody v tradicionnoi kul'ture khakasov [Objects of nature in the traditional culture of the Khakas]. *Osobennosti estestvenno-geograficheskoi sredy i istoricheskie processy v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izd-vo TGU: 136–138.
- Usmanova, M.S. 1980. Khakasy: Pokhoronnaia obriadnost' [Khakasy: Funeral rituals]. *Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri*. M.: Nauka: 108–113.
- Zelenin, D.K. 1935. Ideologija sibirskogo shamanstva [Ideology of Siberian shamanism]. *Izv. AN SSSR, Institut obshchestvennykh nauk*, 8: 709–743.
- Zelenin, D.K. 1936. Kul't ongonov [Cult of ongons]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR.

© А.В. Титорский

Биографическое интервью и антропология добра: точки соприкосновения

Ключевые слова: биографический метод, тёмная антропология, антропология добра, страдающий субъект, этнография равенства

В статье рассматриваются место метода биографического интервью в истории антропологических исследований, критика «биографического рассказа» П. Бурдье, а также использование автобиографических текстов К. Гирцем в работе «Труды и жизни: Антрополог как писатель» (1988). Автор демонстрирует возможности биографического интервью в рамках нового направления антропологических исследований — антропологии добра (Роббинс, 2013). Биографическое интервью имеет тенденцию к демонстрации позитивного образа произошедших событий, а также положительно объяснения обычаев и практик. Это позволяет противопоставить такую «локальную» или «эмную» оценку — «тёмной антропологии», широко распространенной в англоязычной антропологической традиции с 1980-х и в российской этнографии с 1990-х годов. Такой позитивный взгляд на современные локальные (этнографически специфические) практики соответствует этике академической работы, в рамках которой ученый не может представлять с негативной точки зрения предмет своего исследования. Вкупе с не-европоцентричной методологией биографические интервью могут заложить фундамент исследованиям в рамках «антропологии добра». Ключевыми элементами исследований такого типа могут стать: 1) позитивная саморепрезентация опыта опрошенных в рамках биографических интервью; 2) горизонтальное распространение этнографических знаний: этнографические работы для равных, широкого круга читателей и 3) деколонизированная, не-европоцентричная теоретическая база исследований. Предложенные идеи будут проверены на практике в рамках исследования трансграничных народов Сибири и Дальнего Востока в составе России.

Титорский Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ; старший преподаватель Центра социальной антропологии РГГУ. e-mail: tutorski@hist.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4651-4667>

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг.)

Для цитирования: Титорский А.В. Биографическое интервью и антропология добра: точки соприкосновения // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 111-130, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/111-130>

Биографическое интервью служит одним из важнейших источников информации во время полевого исследования, наряду с собственно полевым наблюдением, формализованными интервью, а также работой с местными письменными источниками (например, похозяйственными книгами, материалами местных архивов или статьями в прессе). Автор этой работы уже обращался к месту этого метода в практике полевых исследований в отечественной этнографии, сосредоточив свое внимание на несоответствии того, что можно назвать традиционными крестьянскими мифологемами (повсеместное распространение земледелия и его ключевая роль в хозяйстве, отсутствие самоуправления в малом городе, нерушимость и неизменность обрядовых действий) и их расхождении с реальными практиками, распространенными у русских жителей России. В некоторых случаях один и тот же собеседник в течение часового интервью мог сначала озвучить мифологему — «сходов тут не было», а затем сам же ее деконструировать, рассказав про «уличком», принимавший ключевые решения (*Туторский* 2010: 18).

Тема биографического метода по-прежнему активно обсуждается в исследованиях человека: этнографии/антропологии (*Клишина* 2011; *Артемова* 2021; *Кляус* 2021; *Тендрякова* 2022), устной истории (*Архипова, Туторский* 2018; *Муренко* 2020; *Биографический метод...* 2021; *Хапаев, Борисов* 2022), социологии (*Романенко* 2009) и психологии (*Овсянникова* 2016; *Шакурова и др.* 2022), истории медицины (*Бергер, Туторская* 2021). Именно устойчивость интереса научного сообщества к данной проблематике побудила автора вернуться к этой теме. В статье будет сделан краткий обзор ключевых для этой дискуссии работ (*П. Бурдые, К. Гирца*), а также предложена попытка найти точки соприкосновения у метода биографического интервью с современной повесткой антропологических исследований.

Метод биографического интервью появился вместе с появлением первых методик полевых исследований. Так, участники кембриджской экспедиции в Торресов пролив 1898–1899 гг., возглавляемой А.К. Хэддоном (*Cambridge* 1998), использовали генеалогический метод, который был основан на биографическом рассказе опрашиваемого о своих родственниках. Можно сказать, что с биографического нарратива о родственниках информанта начинаются полевые исследования британской школы социальной антропологии.

Пик биографических исследований приходится на 1950-е – 1970-е годы. Насыщенные описания на основании биографических интервью были положены в основу ряда важных антропологических работ. Так, в 1954 г. вышла книга «Баба из каро: женщина из мусульманского народа хауса», написанная Мэри Смит (*Smith* 1954). Текст представляет собой запись автобиографического нарратива, который Баба наговаривала в течение шести недель по несколько часов в день. Эта женщина пережила трех мужей, а на момент записи интервью находилась в браке с четвертым. Ее рассказы представляют женский взгляд на домашнее хозяйство, на женскую дружбу и связанные с ней ритуальные правила, а также возможные варианты их нарушений. Все эти интимные сведения возможно было получить только в ходе долгих бесед и проведения биографических интервью.

В 1962 г. в Австралии вышла очень похожая книга под названием «Я – абориген», составленная англо-австралийским журналистом Д. Локвудом

на основании «сотен часов рассказов» от первого лица члена этнокультурной группы алава по имени Вайпулданья (английское имя Ф. Робертс). Как написал в заключительной статье к русскому переводу отечественный австраливед В.Р. Кабо, «мы впервые получили документальную повесть о жизни австралийского аборигена, рассказанную им самим. Вот в чем особая ценность этой книги. <...> Мир, о котором поведал Вайпулданья, имеет мало общего с идеализированным первобытным раем...» (Кабо 1971: 213).

Еще одна книга этого жанра — «Десять тысяч лет в одну жизнь» первого премьер-министра независимой Папуа — Новой Гвинеи А. Маори Кики (англоязычное издание 1968 г.). Она повествует о родной деревне Кики под названием Ороколо, о его работе в европейских медицинских учреждениях и участии в политической жизни Новой Гвинеи, в Пангу Пати (Кики 1981). Эта книга интересна тем, что она подписана исключительно именем рассказчика, а не журналиста, который записывал и транскрибировал эти биографические интервью — Хорста Ульриха (Улли) Байера. Важно отметить, что именно Улли Байер был тем человеком, который долго убеждал перегруженного делами Маори Кики в важности этой книги и необходимости выделения времени для диктовки текста.

В 1980 г. в Чикаго вышла книга антрополога В. Крапацано «Тухами», основанная на многочасовых беседах с марокканским плиточником Тухами. Тухами был известным на всю округу рассказчиком и считал, что состоит в браке с женщиной-демоном с ногами верблюда по имени Аиша Кандиша. В тексте Крапацано вслед за рассказами Тухами предстают его фантазии, сны, видения, рассказы для публики и доверительные реплики. Крапацано так описывает ценность его автобиографического рассказа: он (Тухами — А.Т.) «рассказывает истину, которую только и можно назвать автобиографической. Именно Тухами первым научил меня отличать реальность личной истории от правды автобиографии» (Crapazano 1980: 5).

Все эти монографии продемонстрировали значительный потенциал биографических интервью для раскрытия таких сложных тем, как женский мир в культуре хауса, реальное положение аборигенов, модернизация повседневной жизни Новой Гвинеи, смешавшаяся с повседневной жизнью мифологическое мировоззрение Тухами. Все указанные монографии были важны для формирования корпуса этнографических знаний.

Критика биографических нарративов в антропологии

Вместе с тем, в 1980-е годы само понятие биографии стало подвергаться критике в антропологической мысли. В 1986 г. выходит в свет небольшое, однако «необычайно провокативное» (Мещеркина 2002: 82) эссе П. Бурдьё «Биографическая иллюзия». Автор подвергает сомнению такие характеристики человеческой жизни как «целостность» и «телеологичность». Говоря простым языком, социолог сомневается в том, что некий человек может «всегда любить музыку» (делать что-то одинаково на протяжении целостной жизни) и «с детства знать...» (осознавать с раннего возраста возможное будущее) (Bourdieu 1990: 69). Он представляет создание биографического рассказа (фр. *récit biographique*) как акт творения новых смыслов. Процесс, в ходе которого у автора проявляется «склонность становиться идеологом своей собствен-

ной жизни, выбирая в зависимости от глобальной интенции определенные значимые события и устанавливая между ними связи, которые предполагаются в виде причин, а чаще в виде целей» (там же). Иными словами, набор событий, которые не совсем понятны и взаимосвязаны в действительности, предстает в биографии как абсолютно закономерное развитие или логичная последовательность.

Такая структура (часто с подводящим итог заключением), апелляция к целостности и логичности, с точки зрения Бурдьё — попытка ухватить собственное «Я», а акт создания такого нарратива есть утверждение личности и идентичности: «<...> эта практическая идентичность поддается интуиции только в нескончаемой серии последовательных проявлений таким образом, что единственный способ воспринять ее, возможно, заключается в попытке снова овладеть ею в единстве подводящего итог повествования» (Bourdieu 1990: 70). Создавая биографический рассказ, автор творит описываемую личность; если это автобиография — создает себя в процессе описания своей личной истории.

Дальнейшие рассуждения французского мыслителя, касающиеся способов подчеркивания целостности нарратива, непрерывности собственного «я» в имени, биологическом теле и в литературных произведениях для рассуждений о биографическом интервью в этнографии нам менее интересны. Важно суммировать, что с точки зрения Бурдьё, автобиография — это в первую очередь не воспоминания, а создание нового повествования о себе, которое обязательно будет обладать рядом параметров: логичность, непрерывность бытия «я», целенаправленность. Для понимания этого аспекта биографии (и автобиографии в том числе) важен момент ее создания, а также цель создания. Чтобы подчеркнуть этот аспект, Бурдьё пишет, что биографический рассказ похож на запись ответов «вопросника», когда бессвязные воспоминания «опрашиваемых, которые постоянно теряют нить хронологической последовательности» все равно организуются в «предзаданную (вопросником — *A.T.*) последовательность на основании вразумительных (фр. *intelligibles*) взаимосвязей» (Bourdieu 1990: 69). Таким образом, у биографического рассказа два родителя: вопросник и собственно рассказ опрашиваемого, причем в итоговом письменном тексте рассказа, по мнению Бурдьё, вопросник проявляется ярче.

Весьма схожие идеи высказал в 1988 году в книге «Произведения и жизни. Антропологи как писатели» американский антрополог К. Гирц. Он подверг сомнению научную достоверность работ классиков антропологической мысли, высказав мнение, что в значительной степени их тексты построены по принципу литературных произведений, а не строгой фиксации результатов (естественно-)научных экспериментов, на что на протяжении всего XX века претендовала англоязычная антропология.

Во введении Гирц высказывает мысль, что способность авторов антропологических работ «заставить нас серьезно относиться к тому, что они говорят, связана не столько с фактографическим взглядом (на вещи) или атмосферой концептуальной элегантности, сколько с их способностью убеждать нас» (Geertz 1988: 4). Это не делает антропологов «новеллистами», фантастами или выдумщиками. У антропологического текста также, как у биографического рассказа Бурдьё, два родителя: его автор, который видит то, что привык/обучен/умеет видеть, и собственно наблюдаемая реальность. Гирц остроумно

замечает, что мы, этнографы/антропологи, «как северно-африканский мул, который всегда говорит о дяде по матери — коне, но никогда о своем отце — осле» (Geertz 1988: 8), предпочитаем чаще указывать на связь наших работ с естественнонаучной моделью исследовательских практик и фиксации материалов, чем с авторским видением и творческим изложением. Э. Лич в рецензии на книгу так лаконично суммировал ее суть: «Когда Малиновский пишет об тробрианцах, он пишет о себе; когда Эванс-Притчард пишет о нуэрах, он пишет о себе» (Leach 1989: 140–141).

На данном этапе рассуждений может показаться, что оба автора согласны в мысли, что в работах этнографов больше от исследователя («вопросника» у Бурдье или «автора» у Гирца), чем от исследуемой реальности. Однако это не совсем так. Например, для того, чтобы увидеть «автора» и «авторство» в антропологическом тексте Гирц обращается к начальным страницам этих текстов. Он приводит достаточно длинную цитату из первой главы «Первобытная Полинезия» монографии Р. Ферса «Мы – тикопия». Вот несколько выдержек из нее: «В прохладе раннего утра, незадолго до восхода солнца, лук Южного Креста стал смещаться к восточной части горизонта, где едва виднелся крошечный темно-синий контур берега. <...> Я размышлял, можно ли вообще подвергнуть такой противоречивый человеческий материал научному изучению. Мой „бой“ (темнокожий слуга — А.Т.), Вахихалоа, смотрел за борт с верхней палубы. „Боже мой, я слишком напуган“, — сказал он с дрожащим смехом; „me tink this fella man hesavvu kaikai me“ (пиджин: я думаю, что эти ребята могут кайкай меня). Кайкай — на пиджине обозначает „съесть“» (цит. по: Geertz 1988: 12).

Этот отрывок представляет собой одно из немногих автобиографических высказываний в книге Р. Ферса. В основном тексте монографии ученый рассуждает о родстве, экономике, властных структурах и мифологии тикопия в рамках устоявшегося на тот момент в западной науке антропологического дискурса, но именно этот отрывок, по мнению К. Гирца, лучше всего демонстрирует авторский стиль. Парадоксально, что именно автобиографический отрывок, который, согласно размышлениям Бурдье, должен максимально соответствовать «вопроснику», оказывается тем высказыванием, где Ферс прямо ставит вопрос о возможности и успешности проведения научного исследования; тот самый вопрос, который он не может поставить в основном тексте научной работы.

На мой взгляд, противоречия нет, необходимо лишь внимательнее присмотреться к деталям. Когда П. Бурдье рассуждает о «биографической иллюзии», он критикует не (авто)биографические высказывания, а биографический *рассказ*. Акцент здесь необходимо сделать на слове «рассказ», которое имеет два значения: «1. Малая форма эпической прозы, повествовательное произведение небольшого размера. *Сборник рассказов*. 2. Словесное изложение каких-нибудь событий. *Рассказ очевидца*». Очевидно, что именно рассказ как «форма эпической прозы» имеет свойства упорядоченности повествования (когерентности), завершенности и т. д., о чем писал французский мыслитель. В то время как рассказ во втором значении, как «словесное изложение событий», напротив, больше напоминает «истории из жизни», в которых опрашиваемые «постоянно теряют нить хронологической последовательности» (Bourdieu 1990: 69) или «историю, которую рассказывает идиот» (Bourdieu 1990: 70). Эти два типа историй автор противопоставляет «биографическому рассказу».

Сходную ситуацию описывает и К. Гирц. В его поисках автора-писателя, автора-беллетриста этнографических произведений он выбирает наиболее индивидуализированные, автобиографичные высказывания (как процитированная часть работы Ферса) и работы. Для анализа авторского стиля Б. Малиновского Гирц избирает не одно из его классических произведений о культуре тробрианцев, а «Дневник в прямом смысле слова» (*Malinowski* 1989), который представляет не столько запись научных наблюдений, сколько запись собственных мыслей и даже «бак с отходами», куда Малиновский помещает свои негативные эмоции (*Максимова* 2012а: 133). Стиль Эванса-Притчарда также анализируется не на основе его фундаментальных работ, а через статью «Операции на реках Аकोбо и Гела, 1940–41», опубликованную в британском военном журнале «*The Army Quarterly*» в 1973 году» за год до его смерти (*Geertz* 1988: 50). Также для характеристики стиля К. Леви-Строса Гирц использует самое неструктуралистское и автобиографическое произведение «Печальные тропики» (*Леви-Строс* 2018). Иными словами, все избранные для анализа работы оказываются в большей степени автобиографическими нарративами, чем классическими исследованиями по этнографии/антропологии, среди которых «Дневник...» Б. Малиновского идеально соответствует определениям Бурдьё об «истории из жизни» с постоянно «теряющейся нитью повествования».

Именно такие автобиографические повествования в наибольшей степени этнографичны. В контексте размышлений Гирца о литературности этнографических произведений они дают возможность наблюдения того, что Н. Ссорин-Чайков называет «антропологией антропологии» (*Ssorin-Chaikov* 2019а; 2019б). В контексте же размышлений о биографических интервью в полевых исследованиях их отличает меньшая искаженность научными конструктами и мифологемами, которые неразрывно связаны с наблюдением, описанием и самим говорением о чем-либо.

Именно эту особенность биографических интервью отмечают социологи, использующие «качественный метод биографических интервью» в своих исследованиях. Эти исследования позволяют выявлять поведенческие особенности позднесоветских поколений (*Максимова* 2012б), новые формы идентичности (*Рождественская* 2010; *Анисимова, Ечевская* 2014), проводить анализ сетевых научных сообществ (*Мальцева и др.* 2017).

Биографическое интервью и новые тенденции в антропологии

В этнографических работах последних десятилетий биографические интервью используются преимущественно в рамках исследований социальной травмы. В контексте таких исследований они дают новую информацию — иную, отличную от официального дискурса оценку событий. Однако в большинстве случаев эта оценка имеет негативный вектор: «высокую степень неопределенности» и «нестабильные, постоянно меняющиеся условия» у мигрантов Сибири (*Джанызакова* 2019: 83), «индивидуальное восприятие насилия и травм, вызванных этническими чистками и геноцидом» у армянских беженцев (*Артемова, Шахназарян* 2020: 143). Это отражает существующую тенденцию в развитии этнографических/антропологических исследований, которую американская исследовательница Ш. Ортнер назвала «тёмной антропологией» (*Ortner* 2016).

Ортнер пишет, что под «тёмной антропологией» подразумевает науку, «которая подчеркивает суровые и жестокие аспекты человеческого опыта, а также структурные и исторические условия, которые их производят. <...> (включая как „тёмную теорию“, так и „тёмную (полевую) этнографию“))» (Ortner 2016: 49–50). Она пишет, что подход, ориентирующийся на исследования неравенства, эксплуатации, скрытые формы власти, восходит к трудам К. Маркса и М. Фуко. Причем последний «создал практически тотализирующую теорию мироустройства (англ. *world*), в котором власть находится „в каждой щели“ и в котором нет силы, способной ей противодействовать» (Ortner 2016: 50–51).

Тёмная антропологическая теория породила «тёмную (полевую) этнографию», в рамках которой исследователи стараются изучить не самые красивые и честные способы, которыми неолиберализм воплощается в жизнь. Среди таких работ можно назвать книгу «Нищета мира» под редакцией П. Бурдьё (Bourdieu 1993), статью Дж. Коллинз о том, как глобальная сеть Вол-март разрушает местное сообщество и обкрадывает своих работников (Collins 2010), монографию В. Эдамс о жизни в Новом Орлеане до и после урагана Катарина (2005), в которой автор называет принятые по восстановлению меры «второй волной катастрофы» (Adams 2013), или монографию Н. Кляйн «Доктрина шока» о репрессивных мерах как отдельных государственных органов, так и целых государств (Польша, Чили) по отношению к своим гражданам в военное время (Klein 2007).

Ортнер пишет, что такие исследования, с одной стороны, поднимают вопрос о несправедливых действиях в рамках неолиберальной повестки, заставляя задуматься о правильности этих действий. Однако, с другой стороны, она цитирует вопрос антрополога Т. Келли: «В какой момент этнография страданий превращается в вуайеристскую квази-порнографию?» (Ortner 2016: 58), когда этнограф-наблюдатель не ставит себе целью помочь исследуемому сообществу, а после успешной книги о страданиях одной группы переключается на написание следующей книги о схожих страданиях, но уже в другом регионе.

Альтернативой «тёмной антропологии» Ортнер считает «антропологию добра» (англ. *anthropology of the good*), что, может быть, точнее переводить как «антропология конкретных проявлений добра», положения которой развивает кембриджский антрополог Дж. Роббинс.

Роббинс также отталкивается от тезиса, что на смену «первобытному человеку» и «доброму дикарю» как основному объекту антропологии до середины XX в. примерно в 1970–1980-е годы приходит «страдающий субъект», который, по словам редакторов сборника «Империя травмы», «стал воплощением нашей общей человечности» (Fassin, Rechtman 2009: 23). В то же время Роббинс пишет, что восприятие травматического опыта апеллирует к общечеловеческим страхам, к общечеловеческим чувствам, однако восприятие травматического не требует знаний по этнографии/антропологии. Это книги не про то, «как жизнь проживается по-другому в других местах», но «описание травм, которые заставляют нас и наших читателей чувствовать уязвимость, которую мы, как все люди, разделяем» (Robbins 2013: 455).

Роббинс предлагает сосредоточиться на описании того, как люди стремятся улучшить свою жизнь, какие у них есть представления о хорошем, о достоинстве и т. д. Именно такие представления являются культурно специфическими, требующими, с одной стороны, объяснения со стороны антропологов, а с другой стороны, дополняющими наши представления о мире и о том, как можно быть счастливым по-другому. Главный сюжет для антропологических описаний, по меткому выражению Д. Шнайдера в том, что «где-то должна существовать жизнь, действительно достойная того, чтобы ее прожить» (цит. по: *Robbins* 2013: 456).

Роббинс знакомит читателей с тремя направлениями исследований, которые могут составить «антропологию добрых дел». К первому направлению она относит работы по «антропологии морали», посвященные человеческим ценностям, морали и представлениям о благополучии (Д. Гребер, М. Ламбек, Дж. Лейдлоу); ко второму — об эмпатии, заботе и дарении (Р. Сташ, К. Сайкс); а к третьему — исследования времени, изменений и надежды (Дж. Роббинс, В. Крапацано, Х. Миядзаки) (*Robbins* 2013: 457–459).

Итак, антропология страдания или «тёмная антропология», хотя и понятна и значимость ее очевидна, тем не менее, не отвечает общей идее антропологии — демонстрации жизни человека во всех ее проявлениях. Акцент на негативе делает этнографические работы монотонно тёмными. Если мы хотим действительно рассказать о жизни, «достойной того, чтобы ее прожить», мы должны сосредоточиться на том, чтобы продемонстрировать способы думать о хорошем и добром, проживать хорошее и руководствоваться в своих действиях добром. Именно это делали антропологи XIX — первой половины XX в., изучая «добраго дикаря» в лице смелых нуэров, мудрых тробрианцев, миролюбивых русских крестьян, радушных тамо-бонгу.

Однако речь идет не о простом возврате к изучению «первобытного человека», а скорее о возврате к идее, с которой шли изучать пресловутого *homme primitive* классики отечественной этнографии и зарубежной антропологии. Например, в рамках нашего исследовательского проекта мы с коллегами попытаемся выявить положительное отношение к опыту проживания в российском государстве у трансграничных народов, части которых оказались разделенными государственными границами и получили различный опыт проживания в соседних государствах: России и Китае, России и Японии, России и США. Речь не идет о формальном коллекционировании положительного опыта и игнорировании отрицательного. В ходе проекта мы попытаемся продемонстрировать, какие положительные черты находят в своем опыте адаптации обе части народа. Иными словами, на современных примерах рассмотрим альтернативные варианты «хорошей жизни».

Приведу пример нескольких хороших альтернатив из недавнего исследования «угандийского христианства». Один из опрошенных сказал по поводу выбора деноминации: «У церкви Уганды больше всего школ и церквей, у католиков — больше всего денег, мусульмане очень сильно поддерживают друг друга, но православие — это лучшая религия, потому что она наша» (*Бондаренко, Туторский* 2020: 127). Перед нами четыре разных варианта, каждый из которых положителен: развитая инфраструктура церкви Уганды, значительное количество денег у католиков, взаимная поддержка у мусуль-

ман, «истинность» и «исконность» у православных. По сути дела, выбор веры превращается в выбор между четырьмя позитивными вариантами. Собственно, именно такой выбор между разными формами положительного позволяет быть человеком, в то время как выбор между чем-то позитивным и чем-то негативным становится вынужденным и не предполагает проявления свободы воли.

Биографическое интервью в рамках антропологии добра

Для того, чтобы преодолеть сложившееся в мировой и отечественной этнографии начала XXI в. стремление к изучению разнообразных вариаций травматического опыта, можно использовать особенности биографических интервью или биографических нарративов.

Автобиография как позитивное видение. Одной из важнейших особенностей автобиографического нарратива является такое свойство, как когерентность. Как пишет социолог Е.Ю. Рождественская, это свойство биографических интервью предполагает «сложную работу по воспоминанию и рефлексии», а также «достигнутую идентичность в биографии, либо формообразующий принцип истории жизни до рассказа о ней» (Рождественская 2010: 21). Итак, формирование связанного текста — это как раз то, что модифицирует нарратив о прошлом в «рассказ», однако превращение происходит постепенно. Исследовательница выделяет два типа когерентности: локальную и глобальную. Локальная когерентность — это взаимосвязанность рассказа, логичность, аргументированность, то есть та самая «несбивчивость», о которой писал П. Бурдьё. Глобальная же когерентность — создание целостного образа собственного прошлого, «совмещения в когерентном <...> гештальте автобиографических воспоминаний и биографической перспективы на собственное прошлое» (Рождественская 2010: 22).

Именно этот целостный образ предполагает позитивный элемент, причем даже в случае оценки негативных событий. Так, сама Е.Ю. Рождественская пишет о том, что создание «когерентного гештальта» предполагает «нарративную психотерапию» или «ремонт биографии за счет разработки нового *позитивного* (курсив мой — А.Т.) нарративного сценария» (Рождественская 2010: 23). А.А. Анисимова и О.Г. Ечевская пишут, что исследуемая ими через автобиографические интервью сибирская идентичность представляет «собой вариант преимущественно *позитивной* (курсив мой — А.Т.) идентификации, основанной и на собственных достижениях» (Анисимова, Ечевская 2014: 52). В статье О.А. Максимовой об исследовании опыта взросления советских поколений через призму биографических интервью слово «позитивный» отсутствует, однако если привести конкретные примеры высказываний, то станет очевидно, что позитивная оценка собственного опыта там заложена. Respondенты говорят о самостоятельности («Мы всё уже делали самостоятельно»), интересе к жизни («юность, интересная...»), дружбе и чувстве локтя («У нас все-таки были и связи, и все») (Максимова 2012б: 293–294). Положительный опыт часто присутствует и в описании вооруженных столкновений: например, случаев спасения соседей соседями во время этнических конфликтов (*Шахназарян, Ермолин* 2019). Иными словами, положительное видение собственной жизни достаточно широко распространено в автобиографических нарративах, собираемых с помощью биографических интервью.

Позитивное видение как послание равным

В таком случае возникает вопрос: а как позитивное видение собственной истории согласуется с антропологией травмы в приводившихся выше работах? На мой взгляд, это противоречие лишь видимое. Исследователи, которые пишут работы о травматическом опыте, а в нашей стране чаще всего это депортации, исходят из того, что фиксация памяти о событии должна препятствовать повторению этого опыта. Иными словами, чем больше мы будем говорить о депортациях, чем более актуальной будет память о них, тем меньше вероятность, что что-то подобное повторится в ближайшем будущем.

Однако сами люди, пережившие депортации, подходят к травматической памяти несколько иначе. В 2003 г. я проводил исследование «национального возрождения» в своем родном г. Маркс Саратовской области. В ходе опросов прихожан католической церкви о знании немецкого языка и использовании немецкого языка в повседневной жизни одна из прихожанок-немок сказала: «Я не говорю с детьми на немецком. Не хочу, чтобы они немецкий знали, и их как-то с немцами ассоциировали. Мы за это много страдали... Не хочу детям такой участи...». Перед нами типичная фигура умолчания (*Рождественская* 2010: 13), однако важно то, что умолчание объясняется не столько угрозой (хотя она в нарративе присутствует), сколько желанием своим детям более позитивной судьбы.

К обеим этим стратегиям можно подходить с перспективы «дюмоновской этнографии» (см. *Титорский* 2022) и интеллектуального процесса, которое французский антрополог Л. Дюмон называл «включение» или «охватывание» (фр. *englobement*). Суть этого процесса заключается в том, что из двух противоположных понятий одно оказывается более важным в системе ценностей, логических иерархиях. И в презентации исследователями травмы, и в фигуре умолчания о травме есть общее: травма не должна повториться; акт интервью, точно так же как акт публикации научной работы, должны привести к тому, что будущее окажется лучше прошлого. Иными словами, в обоих случаях «позитивное» видение будущего является доминирующей ценностью, «охватывающей» травму.

Однако очевидна и разница. В интервью прихожанки, которое рассчитано на взаимодействие с равным по статусу собеседником (с родственником, знакомым или исследователем, который не воспринимается ею как фуколдианский носитель власти) негативное прошлое обходится молчанием, а акцент делается на возможности представить и развивать позитивное видение ситуации. В случае же научных работ, посвященных антропологии травмы, предполагается более высокий уровень реципиента данной информации (выше, чем позиция говорящего). Именно обращение (или надежда на обращение) к более статусному слушателю или читателю, обладающему большим объемом власти, позволяет автору надеяться, что все систематизированные им материалы о трагической ситуации будут иметь смысл, а трагическая ситуация в будущем не повторится.

Первая из описанных стратегий больше соответствует идеалам проекта «этнография или антропология». Советский этнограф Р.Ф. Итс назвал книгу своих научно-популярных очерков об этнографической науке «К людям ради

людей». В этом названии есть глубокий смысл: к кому мы обращаемся, когда пишем этнографические/антропологические работы? Если отчеты этнографа — это краткие сообщения для представителей власти, которые могут воспользоваться этими текстами для правильной организации производственных или политических отношений с иными, то это вариант случая, предполагающего иерархизацию читателей и преимущественную ориентацию на читателей, обладающих большей властью. Такое восприятие этнографической науки связано с позитивистским проектом социальной антропологии, преимущественно распространенным в англоязычных исследованиях середины XX в. (Никишенков 2000). Однако с конца XX в. исследователи чаще видят этнологические работы как тексты для равных, для людей, не обладающих большей по сравнению с большинством властью. Сами же тексты рассматриваются как реплики в диалоге с равными субъектами, часто рассчитанные даже не исключительно на научное сообщество, а на широкую публику (Петрик 2009: 31), а не как инструкции особого «существа <...>, поставленного над другими» (Леви-Строс 1994: 27),

Таким образом, если рассматривать в качестве адресатов этнографических работ не только представителей власти, а широкий круг читателей, то стратегия демонстрации позитивного опыта оказывается предпочтительной.

Позитивное видение как этика исследователя. Наконец, необходимо сказать несколько слов о том, что представление позитивного жизненного опыта, отраженного в биографическом нарративе, важно с точки зрения этики исследования. Дж. Роббинс так представляет эту проблему на примере собственных исследований этнокультурной группы юрапмин в Папуа — Новой Гвинее. После серии презентаций результатов своих полевых исследований он понял, что люди воспринимают христианство юрапмин через призму антропологии травмы и неспособности папуасов изменить свою жизнь.

Он пишет: «Люди очень часто рассказывали мне, как плохо обстояли дела у юрапмин, как им было жаль их, когда они столкнулись с утратой своих традиций и усомнились в своих ценностях. Поскольку такие ситуации происходили все чаще и чаще, я понял, что слушатели говорили мне это, потому что это был способ сказать, что проблемы юрапмин волнуют их, что они сочувствуют им» (Robbins 2013: 453). Восприятие юрапмин как людей, пострадавших от колонизации и перенесших травму, помогало сделать их понятными, установить с ними эмоциональную связь.

Роббинс возвращается к этому сюжету о презентации материалов своего исследования в заключении статьи. Он таким образом подводит итог: «Я, должно быть, каким-то непреднамеренным образом способствовал этой реакции теми способами, которыми я представлял свои материалы. Но я всегда был уверен, что такая интерпретация ситуации с юрапмин не соответствует моему опыту жизни среди них. Иногда я пытался отвечать, что не считаю юрапмин грустным и страдающим народом, они боролись, работали над построением нового, комфортного мира после пережитого опыта контактов (с европейцами — А.Т.) и колониализма, из-за которого их доконтактный образ жизни оказался безнадежно неадекватным новым реалиям» (Robbins 2013: 459).

Для того, чтобы преодолеть это маркирование юрапмин в качестве страдающих субъектов, Роббинс первоначально использовал понятие «меланезийского христианства», предложенное антропологом Дж. Бейкером (*Baker* 1992). Оно предполагает отказ от восприятия жителей Новой Гвинеи как сторонников не до конца сформированных синкретических религиозных верований, как например карго-культы (*Robbins* 1998). «Меланезийское христианство» делает акцент на той самой форме верований, которая распространена у данного народа, и которая объединяет все формы представлений о сакральном: дохристианские, традиционные христианские и относящиеся к новым христианским практикам. Позже Роббинс осмыслил образ жизни юрапмин через понятие «модерности» (*Robbins* 2001), указав, что религиозность юрапмин — активная форма поиска своего места в новом мире. Причем подход юрапмин не пассивный, как у страдающих субъектов, а активный, наполненный поиском новых, более правильных и эффективных форм поведения.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать следующее. Исследование темы страдания и страдающих субъектов в современной антропологии, хотя и остается магистральной, однако критикуется рядом влиятельных антропологов (*Robbins* 2013; *Ortner* 2016). Альтернативой этим исследованиям может стать направление, которое Дж. Роббинс предложил называть «антропологией конкретных проявлений добра» (англ. *anthropology of the good*). В рамках исследований позитивного видения людьми своей жизни важную роль может сыграть биографическое интервью как метод полевого исследования. Можно выделить три аспекта соприкосновения антропологии добра и биографического интервью:

1. Сам процесс рефлексии над собственным опытом, создание формы самопрезентации в рамках автобиографического повествования часто включает формирование положительного образа собственной жизни и собственного опыта. Этот аспект исследователи биографических интервью называют «глобальной когерентностью». Таким образом, в самом биографическом интервью содержится росток «антропологии добра», а также той самой информации, которая придает смысл антропологическим исследованиям. Антропология исследует другого и инаковость, и именно на примере инаковости ситуаций и практик, которые оцениваются положительно, формируется гуманистический взгляд на мир, проявляются и требуют культурной контекстуализации общечеловеческие ценности (*Robbins* 2013: 455).

2. Именно повествование о положительном опыте преодоления негативных ситуаций, сочувствии, представления о прекрасном, которые в рамках биографических интервью попадают к исследователю, следует транслировать в текстах этнографических/антропологических работ. В том случае, если этнографические работы пишутся для равных, а не для обладателей власти, имеющих возможность правильно реорганизовать взаимодействие человеческих объектов, именно положительный опыт, представление о возможности правильного решения ситуации станет наиболее востребованной информацией, которую могут сообщить этнографы/антропологи.

При этом я не призываю исследовать только хорошее и, тем более, закрывать глаза на зло в повседневной жизни человека. Однако целенаправленное

изучение только страданий в рамках полевого исследования, когда в качестве группы опрашиваемых выбираются люди, пережившие или переживающие травматический опыт, также является искажением действительности. Такой подход целенаправленного поиска темы страданий Ш. Ортнер назвала «тёмной (полевой) этнографией», разделив ее с «тёмной антропологией», теоретизирующий страдающего субъекта.

3. Наконец, «антропология добра» требует соответствующих теоретических разработок. Приведенный выше пример осмысления религиозности этнокультурной группы юрапмин показывает, что отсутствие четкого теоретического осмысления наблюдаемой в поле реальности также ведет реципиентов результатов исследований к распространению на них модели «страдающих субъектов». Хорошим примером создания такой теоретической рамки может служить отказ от понятия карго-культ, выдвигание понятия «меланезийское христианство», его дальнейшая критика и переход к понятию «меланезийская модерность». Как указывает в своих работах Дж. Роббинс, именно интервью с юрапмин и их оценки собственного поиска показали ему некорректность восприятия их как людей в первую очередь переживающих колониальную травму (хотя, безусловно, наследие колониального периода играет значительную роль в их жизни). Именно из «эмных» или «локальных» оценок происходящего этнограф может почерпнуть идеи для своих теоретических построений.

Во всех трех пунктах реализации программы «антропологии добра» биографические интервью занимают существенное место и безусловно должны использоваться исследователями.

Литература

- Анисимова А. А., Ечевская О. Г.* Социологический анализ биографических нарративов как способ изучения механизмов формирования сибирской региональной идентичности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 44–55.
- Артемова О. Ю.* Новый проект Учебно-научного центра социальной антропологии (РГГУ и ИЭА РАН) «На фронтире культур: от индивидуальных биографий к историческим судьбам этнических сообществ (эвенки Сибири и коренные австралийцы в условиях модернизации)» // Новые российские гуманитарные исследования. 2021. Т. 16. № 2170.
- Артемова О. Ю.* Судьбы людей и биографии народов // Новые российские гуманитарные исследования. 2021 Т. 16. № 2171.
- Артемова С. В., Шахназарян Н. Р.* Анализ концептов травмы и памяти: интерпретация «наследования» травмы через призмы объединительных парадигм // История. Общество. Политика. 2020. № 3(15). С. 132–147.

- Архипова М. Н., Тютюрский А. В.* Советская повседневность и соционормативные практики через призму автобиографии // Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса. Памяти доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова. СПб.: Алетей, 2018. С. 80–92.
- Бергер Е. Е., Тютюрская М. С.* Бои за историю медицины // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 4. С. 998–1004. DOI 10.32687/0869–866X-2021–29–4–998–1004
- Биографический метод и эго-источники в исследованиях российской истории XVIII — начала XX в. / отв. ред. А.Г. Голиков. СПб.: Алетей, 2021. 201 с.
- Бондаренко Д. М., Тютюрский А. В.* Православные Уганды: социокультурные процессы в африканских христианских общинах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1(98). С. 124–134.
- Джанызакова С. Д.* «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 72–86. DOI 10.17223/2312461X/25/4
- Кабо В. Р.* Послесловие // *Локвуд Д. Я* — абориген. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1971.
- Кики А. М.* Десять тысяч лет в одну жизнь. М.: Наука, 1981. — 160 с.
- Клишина О. С.* Этнологическое изучение художественного текста биографическим методом (на примере прозы А.П. Чехова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3 (95). С. 203–207.
- Кляус В. Л.* Биографии эвенков Северной Бурятии (по материалам А.С. Шубина в контексте современных реалий) // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 4. С. 160–169.
- Левин-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
- Левин-Стросс К.* Печальные тропики. М.: Издательство АСТ, 2018. 446 с.
- Максимова А. С.* Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012а. № 1 (107). С. 128–140.
- Максимова О. А.* Биографическое интервью как метод исследования жизненного опыта поколения // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. 2012б. № 4. Вып. 1. С. 292–295.
- Мещеркина Е. Ю.* К вопросу об иллюзиях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–84.
- Муренко Д. И.* Возможности устной истории в изучении становления комсомольской организации Новосибирского Академгородка (1958–1960 годы) // Исторический курьер. 2020. № 5(13). С. 216–227.

- Никишенков А. А.* Прикладные исследования в западной социальной/культурной антропологии // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 17–30.
- Овсянникова О. А.* Биографический метод как метод анализа темперамента и характера композиторов в профессиональном обучении педагогов-музыкантов // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51–5. С. 302–310.
- Петрик Б.* Размышления о состоянии антропологии во Франции // Социальная антропология во Франции. XXI век. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. С. 19–32.
- Рождественская Е. Ю.* Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 4 (30). С. 5–26.
- Романенко Н. М.* Особенности и типы биографического метода в социологии // Социальная политика и социология. 2009. № 4(46). С. 15–24.
- Тендрякова М. В.* Биографический метод на перекрестке гуманитарных исследований // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 4. С. 111–124.
- Гуторский А. В.* Биографический метод сбора полевой информации // Полевая этнография-2008: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 10–12 октября 2008 года. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. С. 11–21.
- Гуторский А. В.* Равенство, индивидуализм, холизм: перспективы «дюмоновской этнографии» // History HSE. 2022. № 1. С. 61–81.
- Ханаев В. В., Борисов С. Д.* Роль ветеранов Великой Отечественной войны в создании и развитии высших учебных заведений Севастополя: источниковедческие и методологические аспекты // Современная научная мысль. 2022. № 3. С. 188–198.
- Шакурова М. В., Петряева Т. А., Калишкина Д. С.* К вопросу о внутриличностных механизмах метода примера и биографического метода в воспитании // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 2(295). С. 10–15.
- Шахназарян Н. Р., Ермолин Д. С.* Соседство в истории спасения в сравнительной перспективе: карабахский и Косовский конфликты // Этнография. 2019. № 2 (4). С. 68–99
- Adams V.* Markets of sorrow, labors of faith: New Orleans in the wake of Katrina. Durham: Duke University Press, 2013.
- Baker J.* Christianity in Western Melanesian ethnography // History and tradition in Melanesian Anthropology. Berkley: University of California Press, 1992. P. 144–173.
- Bourdieu P. et al.* La misère du monde. Paris: Seuil, 1993. 947 p.
- Cambridge and the Torres Strait. Centenary essays on the 1898 anthropological expedition / Eds. Herle A. and S. Rose. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

- Collins J.* The age of Wal-Mart // The insecure American: How we got here and what we should do about it, edited by H. Gusterson and C. Besteman. Berkeley: University of California Press, 2010. P. 97–112.
- Fassin D., Rechtman R.* The empire of trauma: an inquiry into the condition of victimhood. Princeton-Oxford: Princeton University Press, 2009.
- Geertz C.* Works and lives: The anthropologist as author. Stanford: Stanford University Press, 1988. 157 p.
- Klein N.* The shock doctrine: The rise of disaster capitalism. New York: Henry Holt and Company, 2007.
- Leach E.* ‘Writing Anthropology’ // American Ethnologist. 1989. № 1(16). P. 137–141. doi:10.1525/ae.1989.16.1.02a00090
- Malinowski B.* A diary in the strict sense of the term. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Ortner S. B.* Dark anthropology and its others: Theory since the eighties // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2016. № 1(6). P. 47–73.
- Robbins J.* Beyond the suffering subject: toward an anthropology of the good // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2013. № 3(19). P. 447–462.
- Smith M. F.* Baba of Karo: A Woman of the Muslim Hausa. London: Faber, 1954. 244 p.
- Ssorin-Chaikov N.* Reassembling history and anthropology in Russian anthropology: part I // Social Anthropology/Anthropologie Sociale. 2019. № . 2 (27). C. 320–335.
- Ssorin-Chaikov N.* Reassembling history and anthropology in Russian anthropology: part II // Social Anthropology/Anthropologie sociale. 2019. № . 2 (27). C. 336–351.

Research Article

Tutorski A. V.

Biographical interview and anthropology of the good: points of contact [Biograficheskoe interv’iu i antropologiya dobra: točki soprikošnoveniia] Anthropologies, 2024, No 2, pp. 111-130, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/111-130>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tutorski Andrey Vladimirovich | tutorski@hist.msu.ru | <https://orcid.org/0000-0003-4651-4667> | Associate Professor of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Senior Lecturer, Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities

Abstract

The article examines the place of the biographical interview method in the history of anthropological research, criticism of the «*récit biographique*» by P. Bourdieu, as well as the use of autobiographical texts by C. Geertz in his work «*Works and lives: The Anthropologist as Author*» (1988). The author demonstrates the capabilities of biographical interviews within the framework of a new direction of anthropological research – «anthropology of the good» (Robbins, 2013). A biographical interview tends to present a positive image of events, as well as a positive explanation of customs and practices. This allows us to contrast such an assessment with the «local» or «emic» assessment of «dark anthropology», widespread in the English-language anthropological tradition since the 1980s and in Russian ethnography since the 1990s. This positive view on contemporary local (ethnographically specific) practices corresponds to the ethics of academic work, when a scholar cannot present the subject of his research in a negative perspective. Together with non-Eurocentric methodology, biographical interviews can lay the foundation for anthropological studies within the framework of the «anthropology of the good.» The key elements of this type of research may be: 1) positive self-representation of respondents in biographical interviews; 2) the horizontal dissemination of ethnographic knowledge: ethnographic works oriented to a wide range of readers and 3) a decolonized, non-Eurocentric theoretical framework for research. The proposed ideas will be used in a study of cross-border peoples of Siberia and the Far East within Russia.

Keywords: biographical method, dark anthropology, anthropology of the good, suffering subject, ethnography of equality

References

- Adams, V. 2013. *Markets of sorrow, labors of faith: New Orleans in the wake of Katrina*. Durham: Duke University Press.
- Anisimova, A.A., Echevskaia, O.G. Sotsiologicheskii analiz biograficheskikh narrativov kak sposob izucheniia mekhanizmov formirovaniia sibirskoi regional'noi identichnosti [Sociological analysis of biographical narratives as a way to study the mechanisms of formation of Siberian regional identity]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East]. 2014, no 2 (28), pp. 44–55.
- Arkhipova, M.N., Tutorskii, A.V. 2018. Sovetskaia povsednevnost' i sotsionormativnye praktiki cherez prizmu avtobiografii [Soviet everyday life and socionormative practices through the lens of autobiography]. *Revoliutsii svetskie, religioznye, nauchnye. Dinamika gumanitarnogo diskursa. Pamiati doktora istoricheskikh nauk, professora Gennadiia Evgen'evicha Markova* [Revolutions: secular, religious, scientific. Dynamics of humanitarian discourse. In memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Gennady Evgenievich Markov]. Spb: Aleteia: 80–92.
- Artiomova, O. Iu. 2021. Novyi proekt Uchebno-nauchnogo tsentra sotsial'noi antropologii (RGGU i IEA RAN) «Na frontire kul'tur: ot individual'nykh biografii k istoricheskim sud'bam etnicheskikh soobshchestv (evenki Sibiri i korennye avstraliitsy v usloviakh modernizatsii)» [New project of the Educational and Scientific Center for Social Anthropology (RGGU and IEA RAS) «On the frontier of cultures: from individual biographies to the historical destinies of ethnic communities (Evenks of Siberia and indigenous Australians in the conditions of modernization)»]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, 16, 2170.

- Artiomova, O. Iu. 2021. Sud'by liudei i biografii narodov [Fates of people and biographies of peoples]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, 16, 2171.
- Artemova, S.V., Shakhnazarian, N.R. 2020. Analiz kontseptov travmy ipamiati: interpretatsiia «nasledovaniia» travmy cherez prizmy ob'edinitel'nykh paradigm [Analysis of the concepts of trauma and memory: interpretation of the «inheritance» of trauma through the prisms of unifying paradigms]. *Istoriia. Obshchestvo. Politika*, 3, 15: 132–147.
- Baker, J. 1992. Christianity in Western Melanesian ethnography. *History and tradition in Melanesian Anthropology*. Berkley: University of California Press: 144–173.
- Berger E. E., Tutorskaia M. S. 2021. Boi za istoriiu meditsiny [The Fighting for History of Medicine]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, 29, 4: 998–1004.
- Golikov, A.G., ed. 2021. *Biograficheskii metod i ego-istochniki v issledovaniakh rossiiskoi istorii 18 — nachala 20 v.* [Biographical method and ego-sources in studies of Russian history of the 18th — early 20th centuries] SPb.: Aleteiia, 201 p.
- Bondarenko, D.M., Tutorskii, A.V. 2020. Pravoslavnye Ugandy: sotsiokul'turnye protsessy v afrikanskikh khristianskikh obshchinakh [Orthodox Christians in Uganda: Social and Cultural Processes in African Christian Communities]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovani. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no 1, 98: 124–134.
- Bourdieu, P. 1986. Illusion biographique [Biographical illusion]. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 62, 63: 69–72.
- Bourdieu, P., et al. 1993. *La misère du monde* [The misery of the world]. Paris: Seuil, 947 p.
- Herle, A., Rose, S., eds. 1998. *Cambridge and the Torres Strait. Centenary essays on the 1898 anthropological expedition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins, J. 2010. *The age of Wal-Mart. The insecure American: How we got here and what we should do about it*. H. Gusterson and C. Besteman, ed. Berkeley: University of California Press: 97–112.
- Dzhanyzakova, S.D. 2019. «Zdes' i tam» v migrantskikh istoriiakh vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Rossii (sluchai Tomska) [«Here and there» in migrant stories of relocants from Kyrgyzstan in Russia (the case of the city of Tomsk)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 3: 72–86.
- Fassin, D., Rechtman, R. 2009. *The empire of trauma: an inquiry into the condition of victimhood*. Princeton-Oxford: Princeton University Press.
- Geertz, C. 1988. *Works and lives: The anthropologist as author*. Stanford: Stanford University Press, 157 p.
- Kabo, V.R. 1971. *Posleslovie* [Afterword] // Lokvud D. Ia — aborigen [I'm aboriginal]. M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka»,
- Khapaev, V.V., Borisov, S.D. 2022. Rol' veteranov Velikoi Otechestvennoi voyny v sozdanii i razvitii vysshikh uchebnykh zavedenii Sevastopolia: istochnikovedcheskie

- i metodologicheskie aspekty [The role of veterans of the Great Patriotic War in the creation and development of higher educational institutions in Sevastopol: source study and methodological aspects]. *Sovremennaiia nauchnaia mysl'*, 3: 188–198.
- Kiki, A.M. 1981. *Desiat' tysiach let v odnu zhizn'* [Ten thousand years in a lifetime]. M.: Nauka, 160 p.
- Klein, N. 2007. *The shock doctrine: The rise of disaster capitalism*. N.Y.: Henry Holt and Company.
- Klishina, O.S. 2011. Etnologicheskoe izuchenie khudozhestvennogo teksta biograficheskim metodom (na primere prozy A.P. Chekhova) [Ethnological study of literary text using the biographical method (using the example of A.P. Chekhov's prose)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 3 (95): 203–207.
- Kliaus, V.L. 2022. Biografii evenkov Severnoi Buriatii (po materialam A.S. Shubina v kontekste sovremennykh realii) [Biographies of the Evenks of Northern Buryatia (based on materials by A.S. Shubin in the context of modern realities)]. *Traditsionnaia kul'tura*, 23, 4: 160–169.
- Leach, E. 1989. 'Writing Anthropology'. *American Ethnologist*, 1, 16: 137–141.
- Lévi-Strauss, C. 2018. *Pechal'nye tropiki* [Tristes Tropiques]. M.: Izdatel'stvo AST, 446 p.
- Lévi-Strauss, C. 1994. *Pervobytnoe myshlenie* [The savage mind]. M.: Respublika.
- Maksimova, A.S. 2012a. Analiz polevykh dnevnikov v kontekste proizvodstva etnograficheskikh tekstov [Analysis of field diaries in the context of the production of ethnographic texts]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1, 107: 128–140.
- Maksimova, O.A. 2012b. Biograficheskoe interv'iu kak metod issledovaniia zhiznennogo opyta pokoleniia [Biographical interview as a method for studying the life experience of a generation]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. A.N. Tupoleva*, 4, 1: 292–295.
- Malinowski, B. 1989. *A diary in the strict sense of the term*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meshcherkina, E. Iu. 2002. K voprosu ob illiuziakh [On the issue of illusions]. *Interaksiia. Interv'iu. Interpretatsiia*, 1: 75–84.
- Murenko, D.I. 2020. Vozmozhnosti ustnoi istorii v izuchenii stanovleniia komsomol'skoi organizatsii Novosibirskogo Akademgorodka (1958–1960 gody) [Possibilities of oral history in the study of the formation of the Komsomol organization of the Novosibirsk Academic Town (1958–1960)]. *Istoricheskii kurier*, 5, 13: 216–227.
- Nikishenkov, A.A. 2000. Prikladnye issledovaniia v zapadnoi sotsial'noi/kul'turnoi antropologii [Applied research in Western social/cultural anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5: 17–30.
- Ortner, S.B. 2016. Dark anthropology and its others: Theory since the eighties. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 1, 6: 47–73.

- Ovsiannikova, O.A. 2016. Biograficheskii metod kak metod analiza temperamenta i kharaktera kompozitorov v professional'nom obuchenii pedagogov-muzykantov [Biographical method as a method for analyzing the temperament and character of composers in the professional training of music teachers]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 51, 5: 302–310.
- Petric, B. 2009. Razmyshleniia o sostoianii antropologii vo Frantsii [Reflections on the state of anthropology in France]. *Sotsial'naia antropologii vo Frantsii. 21 vek*. M.: FGNU «Rosinformagrotekh»: 19–32.
- Robbins, J. 2013. Beyond the suffering subject: toward an anthropology of the good. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 3, 19: 447–462.
- Romanenko, N.M. 2009. Osobennosti i tipy biograficheskogo metoda v sotsiologii [Features and types of the biographical method in sociology]. *Sotsial'naia politika i sotsiologii*, 4, 46: 15–24.
- Rozhdestvenskaia, E. Iu. 2010. Narrativnaia identichnost' v avtobiograficheskom interv'iu [Narrative identity in an autobiographical interview]. *Sotsiologii: metodologii, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 4 30: 5–26.
- Shakhnazarian, N.R., Ermolin, D.S. 2019. Sosedstvo v istoriispasenii v sravnitel'noi perspektive: karabakhskii i Kosovskii konflikty [Neighborhood in the history of salvation in comparative perspective: the Karabakh and Kosovo conflicts]. *Etnografiia*, 2, 4: 68–99.
- Shakurova, M.V., Petriaeva, T.A., Kalishkina, D.S. 2022. K voprosu o vnutilichnostnykh mekhanizmkh metoda primera i biograficheskogo metoda v vospitanii [On the issue of intrapersonal mechanisms of the example method and the biographical method in education]. *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2, 295: 10–15.
- Smith, M.F. 1954. *Baba of Karo: A Woman of the Muslim Hausa*. L.: Faber, 244 p.
- Ssorin-Chaikov, N. 2019. Reassembling history and anthropology in Russian anthropology, 1. *Social Anthropology/Anthropologie Sociale*, 2, 27: 320–335.
- Ssorin-Chaikov, N. 2019. Reassembling history and anthropology in Russian anthropology, 2. *Social Anthropology/Anthropologie sociale*, 2, 27: 336–351.
- Tendriakova, M.V. 2022. Biograficheskii metod na perekrestke gumanitarnykh issledovaniia [Biographical method at the crossroads of humanitarian research]. *Traditsionnaia kul'tura*, 23, 4: 111–124.
- Tutorskii, A.V. 2010. Biograficheskii metod sbora polevoi informatsii [Biographical method of collecting field information]. *Polevaia etnografiia-2008: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 10–12 oktiabria 2008 goda*. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: 11–21.
- Tutorskii, A.V. 2022. Ravenstvo, individualizm, kholizm: perspektivy «diumonovskoi etnografii» [Equality, individualism, holism: perspectives of «Dumontian ethnography»]. *History HSE*, 1: 61–81.

© И.В. Кузнецов

Ранний Боас

Ключевые слова: история антропологии, этнология, Франц Боас, Джордж Стокинг, эволюционизм, диффузия, культурный ареал, культура, релятивизм

Доклад «Цели этнологии» (1888) наилучшим образом демонстрирует зарождение антропологии Боаса. Сохранилось несколько одновременных версий текста, сравнение которых позволяет увидеть развитие взглядов основателя исторической школы. Поле этнологии понимается им еще предельно широко. Оно синонимично современному содержанию антропологии. Будущий великий антрополог начинал свою карьеру с понимания культуры, не выходящего еще за пределы традиционных гуманистических представлений, используя сам термин в единственном числе, как и его современники-эволюционисты. С другой стороны, работа уже содержит многие примеры хорошо известных боасовских партикуляризма и релятивизма. Дискуссия по поводу позднее исключенных из текста самим Боасом абзацев, содержащих историю брака, показывает, что он принимал эволюционистские схемы как своего рода фоновое знание, которое позднее подверг переосмыслению. «Цели этнологии» были помещены им в свой итоговый сборник вполне сознательно, чтобы продемонстрировать собственное учение в развитии, поэтому специфическая расстановка акцентов в тексте вполне объяснима.

История русских публикаций Франца Боаса отмечена своеобразием. В отличие от других «отцов-основателей» современной антропологии, его начали активно переводить еще при жизни (*Боас* 1927; 1933; 1935), но затем, кажется, забыли и надолго. В 1990-е — начале 2000-х годов на русском языке вышли все основные фундаментальные труды Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна и др., и при этом лишь несколько боасовских статей и записанных им мифов — важных, но все-таки небольших по объему работ (*Боас и др.* 1997а; 1997б; *Боас* 2002; *Боас и др.* 2011).

Это вполне объяснимо, поскольку ранняя советская этнография, по крайней мере, в довоенный период в Ленинграде, была еще тесно связана с Ф. Боасом, прежде всего, благодаря личным контактам В.Г. Богораза. Когда же она

Кузнецов Игорь Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Институт этнологии и антропологии РАН. e-mail: igorkuznet@gmail.com <http://orcid.org/0000-0002-6947-244X>

Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 22-18-00241); организация, осуществляющая финансирование, — Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН)

Для цитирования: Кузнецов И.В. Ранний Боас // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 131-144. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/131-144>

стала выходить из изоляции, в которой пребывала с конца 1930-х по начало 1980-х годов, и снова начала поиски своего места в мире, восторжествовала давняя тяга отечественной науки к социологизму, а боасовская антропология вряд ли могла оказать здесь какую-нибудь помощь. Советских этнографов, исключая мельком брошенные упоминания в работах Ю.П. Аверкиевой и С.А. Токарева, практически не затронула подлинная историографическая революция, начатая в 1960-е годы Дж. Стокингом, с именем которого связана наиболее глубокая переоценка наследия главы исторической школы в Америке. Точно так же они в основном прошли мимо дебатов вокруг концепта культуры, приравненного Стокингом в антропологии к научной парадигме.

Наиболее же значимые, теоретические сочинения Боаса стали появляться на русском языке буквально на наших глазах, благодаря подвижничеству редакторов серии «Методы антропологии» (Боас 2023; 2024). Часто можно услышать несколько высокомерное мнение, что все это нужно и важно разве что для студентов, остальные, мол, могут почитать классика в оригинале. Но прочитали ли? Чем объяснить устойчивое хождение в профессиональной среде некоторых мифов, в том числе вышедших из-под пера пары упомянутых исследователей в эпоху «свободного плавания» советской антропологической критики? О диффузионизме «папы Франца», неофрейдизме «Моделей культуры» его ученицы (Бенедикт 2024) и т.д. Постепенно Боаз, как его называли во времена Богоразы (см. Боас 1933: 176), обретал более «правильную», на взгляд коллег, англо-американскую фамилию — «Бóас» и даже «Ф. Боуз» (см. Ларичева 1976: 20).

Мне уже приходилось касаться того, как в отечественной историографии подана была история концепций «*culture-area*» и «*age-area*» (Кузнецов 2018: 53, 55–57; 2024: 14–15). Авторство первой — «культурных ареалов» — очевидно, из-за простой путаницы Ю.П. Аверкиева (Аверкиева 1979: 60, 109), а вслед за ней и Л.С. Клейн (Клейн 2014: 325), ошибочно приписывали этнологу О.Т. Мэйсону из Смитсоновского института (Вашингтон), насколько известно, никогда не пересекавшемуся ни с К. Уисслером, ни с А.Л. Крёбером (реальными авторами) и точно не оказавшему на них никакого влияния. В попытках установления причинно-следственных связей между теориями и событиями, интересующими отечественных историков антропологии, игнорировалось, что Боас относился к обеим концепциям, и особенно ко второй, с большим подозрением, можно даже сказать негативно (Боас и др. 1997а: 374). Только в недавней работе на указанную тему имя учителя Уисслера и Крёбера наконец-то перестали прямо ассоциировать с «культурными ареалами», а также был сделан здравый вывод о том, что «*culture-area*» и советскую концепцию ИЭО («историко-этнографической области»; другая — ХКТ, т.е. концепция «хозяйственно-культурного типа», ближе к «*age-area*») надо признать скорее историческими параллелями, чем результатом взаимовлияния двух школ (Туторский 2024).

Поэтому хочется надеяться, что восполнение упущенного, публикация очередных переводов будут интересны не только коллекционерам-букинистам, привычным к книжной пыли, но и тем, кто стремится к более полному знанию о запутанных маршрутах, которыми развивалась в мире антропологическая теория. Представляемая ныне статья была включена Стокингом в знаменитый сборник «*A Franz Boas Reader*» (Stocking 1974), поскольку лучше всего демон-

стрирует ранние взгляды Боаса. (К слову, ее прочтение опять-таки показывает, насколько тот был далек от преувеличения роли диффузии). Предметно она соотносится с культурной антропологией. Ранее мною уже была переведена и опубликована с комментариями (Кузнецов 2022) еще одна работа, отобранная по тому же случаю Стокингом, — «О чередующихся звуках» (1888), в которой можно разглядеть начала будущей лингвистической (дескриптивной) антропологии, как и общей боасовской теории культуры. Так что теперь у читателя появилась возможность познакомиться не с разрозненными текстами, а с частью подборки, покрывающей, по крайней мере, два поля нашей дисциплины, четырехчастной в англо-американском понимании.

«Цели этнологии» («*Die Ziele der Ethnologie*») — переработанный доклад, который 8 марта 1888 г. Боас зачитал в эмигрантском «*Deutschen Gesellig-Wissenschaftlichen Verein*» Нью-Йорка. Большой его фрагмент (Boas 1889: 17–24) в переводе на английский язык и был опубликован в уже упомянутой хрестоматии Стокинга (Stocking 1974: 67–71). В архиве боасовских бумаг Американского философского общества сохранился другой вариант текста, недатированный, но, как удалось установить Д. Коулу, послуживший инаугурационной лекцией, прочитанной Боасом 4 ноября 1889 г. в Университете Кларка. Прошло менее двух лет, а начинающий антрополог уже несколько поменял свои взгляды, будто бы усилив акцент на роли культурных контактов человеческих сообществ, в противовес фактору самостоятельного, т. е. эволюционного развития (Cole 1999: 130, 138, 307 сноска 21).

Еще более ошутима эта тенденция в авторском переводе «Целей этнологии» на английский, помещенном им в сборнике «Раса, язык и культура» (в русском переводе статья значится как «Задачи этнологии», см.: Боас 2023: 651–664). Редактируя его, Боас собственноручно подправил свой же первоначальный немецкий текст, изъяв четыре с небольшим абзаца, о чем написал в примечании: «*Следующий пассаж был изменен из-за того, что содержал тогдашний взгляд о необходимом приоритете матрилинейных форм семейной организации*» (Boas 1940: 635). Благодаря публикации Стокинга у нас появилась возможность сличить оригинальную версию, начиная с пятого предложения 25-го абзаца («*В то же самое время развитие этнологии...*»), с собственным боасовским переводом, более поздним. Разночтений много, лишь некоторые из них комментирует сам Стокинг. Мы же считаем своим долгом привести их здесь все (см. Приложение).

Итак, «Цели этнологии» знаменовали отход Боаса от географии и ратцелевской антропогеографии в особенности: «*Невозможно отрицать родство между почвой и историей, но мы не намерены объяснять на этой основе социальное и умственное поведение, и антропогеографические «законы» выглядят лишь как туманные, пустые обобщения*» (§ 37). Он только что уволился из редакции нью-йоркского журнала «*Science*», где занимал кресло помощника редактора отдела географии, и теперь надеялся получить позицию в престижном исследовательском вузе — Университете Кларка (Вустер, шт. Массачусетс). Дрейф взглядов ученого от географии к этнологии уже подробно анализировался ранее (Stocking 1968: 133–160; Кузнецов 2018: 7–74).

Поле же этнологии понимается в «Целях» еще предельно широко: «*Задача этнологии суть изучение всего круга феноменов общественной жиз-*

ни. Язык, обычаи, миграции, телесные характеристики — предметы наших изучений» (§ 7). Термин «антропология», имеющий сегодня именно такое содержание, пока не то чтобы не ведом Боасу (в тексте упомянут лишь единожды «французский антрополог Де Катрфаж», см. § 14), но не близок ему. Однако примерно с 1891 г. ученый начнет активно его употреблять, поначалу в смысле физической антропологии, а в лекции «Антропология» (Boas 1908) — уже в характерном для нашего времени значении. И, наоборот, этнология постепенно станет в его текстах тем, чем является сейчас — культурной антропологией. Так будет, например, в «Истории антропологии» (Boas 1904) и в «Методах этнологии» (Boas 1920). Это, в частности, показывает, что истоки пресловутой «*four-field anthropology*» надо искать в Америке до Боаса и независимо от него. Важно, что он с самого начала тесно увязывает этнологию с историей культуры, превращая их чуть ли не в синонимы: «Можно сказать, что то, что мы здесь описываем, есть история культуры, а не этнология. Это правда. Этнография суть часть истории культуры и не может быть отделена от нее» (§ 25). А первой целью этнологии называется «критический анализ характеристик каждого народа» (§ 12).

Важной корректировкой, внесенной Боасом в англоязычную версию своей статьи, было то, что «культура» превратилась теперь в «культуры». На этом основании Дж. Стокинг делает вывод, что будущий великий антрополог начинал свою карьеру с понимания культуры, не выходящего еще за пределы традиционных гуманистических представлений, используя сам термин в единственном числе, как и его современники-эволюционисты, например Э. Тайлор. В том же убеждают и некоторые пассажи из боасовских дневниковых писем времени экспедиции, еще географической, на Баффинову Землю (1883–1884). И лишь около 1910 г. первые студенты «папы Франца» с регулярностью начали употреблять в своих работах множественное число от *culture* (Stocking 1968: 203). Но приоритет в этом принадлежит не им, а смитсоновскому этнологу Фрэнку Кушингу, который как раз в 1888 г. изложил куда более продвинутое понимание культуры, чем тайлоровское, и уже знал *cultures* (опубликовано позднее, см.: Cushing 1890: 151–194; Bunzl 1996: 72). В окончательном же варианте «Целей этнологии» «культуры» сделались синонимичными «народам», к тому же являющимися «результатами исторических процессов» (§ 12).

Жонглируя понятиями племя/народ/культура, в ряде мест автор противопоставляет, как чему-то более высокому, культуру цивилизации, точно так же, как племя народу (ср. Приложение, § § 25, 26, 29, 33). Звучит и релятивистская идея, характерная для зрелого Боаса, ср.: «[Е]сли мы хотим понять развитие человеческой культуры, то должны... приспособиться к странным способам мышления и ощущения примитивных людей» (§ 33). Поэтому вполне ожидаемо, что он с самого начала противится концепции примитивности (первобытности), защищая бушменов, андаманцев, огнеземельцев и науку об этих «примитивных» народах. Польза от нее хотя бы в том, что они не так примитивны, не «как звери», вопреки европоцентристскому взгляду ранних путешественников (§ § 1–6).

Революционность научного понимания культуры, предложенного Боасом, в сравнении с обыденным (или донаучным), описывают дихотомии Стокинга: «релятивизм» вместо «абсолютизма», множественность вместо единичности

и т. д. В отличие от гуманиста, различающего степени «культуры», для антрополога все люди одинаково «культурны» (Stocking 1968: 199–200).

В теоретическом плане антрополог уподобит процесс прививания отдельным членам общества культурных норм действию апперцепции при восприятии звуков языка. Так что концепция позднего Боаса об аккультурации, в сущности, явится лишь развитием идеи, отстаиваемой в «Целях этнологии», но еще больше в упомянутой выше статье о «чередующихся» звуках.

Однако релятивизм молодого Боаса не безграничен, но подчинен общегуманистическим принципам (либеральной идеологии), которым он останется верен на протяжении всей своей жизни, ср.: «Среди примитивных распространена борьба того же рода, что необходимо вести гению среди нас самих в своем сражении против господствующих идей или господствующего предрассудка, и особенно интересно посмотреть, насколько сильный индивид сможет освободиться от кандалов условности» (§ 39); «Вечная война между Разумной мыслью и эмоцией и историческое развитие прогресса рассудка над традицией должны найти свой главный источник в данных этнологии» (§ 40). Стремление освободиться от оков традиций (догм) — иудаизма в юности, в зрелости «буржуазного общества», как совсем недавно сказали бы мы, — красной линией проходит через наиболее значительные боасовские сочинения «Ум первобытного человека» (Boas 1911a: 206) и «Антропология и современная жизнь» (Boas 1962[1928]: 156), и особенно его «Кредо антрополога» (Boas 1938: 201). Об этом уже также много написано (Glick 1982: 545–565; Stocking 1974: 41; Liss 1996: 157, 159). Добавим, лишь, что Боасу в общем-то чуждо характерное для этнографов любовное «сапогами и пирогами», а с возрастом его негативное отношение к традиции как таковой, похоже, только усилится. Например, в соответствующих местах сравниваемых текстов (см. Приложение) он выправит «неисчислимые запреты и правила», на «неисчислимые деспотические правила» (§ 29) и «влияния», навязываемые обществом, на «догмы» (§ 33). К. Леви-Стросс передает различия в отношении к объекту исследования, собственном и Боаса, когда вспоминает о своем посещении дома мэтра в Грэнтвуде, шт. Нью-Джерси, всего за месяц до смерти последнего: «В столовой у него стоял великолепный, украшенный резьбой и росписью сундук, сделанный индейцами квакиутль. ... Меня эта вещь привела в восторг, и я неосторожно заметил, что общение с индейцами, способными сотворить подобный шедевр, должно быть, стало для него уникальным опытом. «Индейцы как индейцы», — сухо ответил он» (Леви-Стросс, Эрибон 2018: 62).

В рассуждениях вокруг наследия Боаса едва ли не более всего спекуляций (в английском смысле слова, т. е. без опоры на факты) приходится на эту тему (Maud 2000; Hoefel 2001; Castañeda 2003; Wilner 2013, etc.). Их лейтмотивом является то, что основатель исторической школы не соответствует современным критериям постколониальной критики — вполне презентистский вывод. От таких работ надо отличать другие (Berman 1996; Balthaser 2014; Wickwire 2019, etc.), не отрывающиеся настолько от источников, и посвященные конкретным проявлениям отношений антрополога с его информантами (сотрудниками по полю) — Дж. Хантом, У. Бейноном, Г. Тейтом, Э. Делория, Дж. Тейтом, А. Финни и др.

Статья «Цели этнологии» служит иллюстрацией хорошо известного боасовского партикуляризма. Поиск закономерностей общественного развития антрополог сводит к изучению психологии, а их выведение называет здесь второй важной целью представляемой им науки. Хорошо видно, однако, как с возрастом он еще более выражает свой скепсис в отношении достижимости этой цели с помощью хеджирования грамматическими средствами (см. Приложение, § 27): утверждение «человеческое развитие следует определенным законам» превращено в «есть законы, субъектом которых является это развитие»; а категоричное «на самом деле более важная цель» (открытие законов) — в сформулированное помягче «может быть, более важную цель».

Самым бросающимся в глаза разночтением между докладом 29-летнего Боаса и его статьей, опубликованной более чем через полвека, является значительная купюра в тексте 31-го и 32-го абзацев (см. Приложение). Комментаторы обычно не проходят мимо этого факта. Стокинг заключает, что он отражает постепенный отход ученого от популярных тогда эволюционистских взглядов и методики, особенно сравнительного метода (*Stocking* 1968: 338, ссылка 34; 1974: 70, ссылка 5). Аверкиева, не зная ни оригинала, ни его перевода из «A Franz Boas Reader», на что указывает характер ссылок в ее книге, ухватывается за стокинговские наблюдения, чтобы доказать, что и молодой Боас был настоящим приверженцем социальной эволюции, да еще в наиболее близкой марксизму форме: «Немецкий текст лекции рисует раннего Боаса как сторонника эволюционного учения Л.Г. Моргана» (*Аверкиева* 1979: 74). Вывод этот — явное преувеличение, хотя бы потому, что Боас, в то время преимущественно немецки социализованный, конечно же знал А. Бастиана (*Bunzl* 1996), работал, уже в Канаде, под началом Э. Тайлора, с которым имел непростые отношения (*Cole* 1999; *Zumwalt* 2019), но точно никогда не пересекался с Л.Г. Морганом. И все равно в «Целях этнологии» мы находим упоминание именно Тайлора, Бастиана, Моргана и Бахофена, как ученых, заложивших основы изучения законов развития «человеческого ума» (§ 37), а сам автор в примечании объясняет внесенные им в текст изменения тем, что его доклад «содержал тогдашний взгляд о необходимом приоритете матрилинейных форм семейной организации», дескать, сейчас для него неприемлемый (*Boas* 1940: 635). И во фразе, где говорится о распространении матрилинейности «среди многих народов», «многих» изменено на «некоторых» (Приложение, § 31).

Очевидно, что для Боаса в этот период эволюция и биологизм применительно к этнологии представляли собой разные вещи, и основную опасность он видел в последнем, ср.: «[К] феноменам культурной истории с легкостью применили принципы биологической эволюции, и так одна за другой развились системы, повествуя нам, как человечество было ведомо из самых низких уровней варварства к высочайшим уровням цивилизации. Осторожный ученый не может следовать их причудам» (§ 38). Небиологическая (культурная) обусловленность, в частности, психологии выделена еще сильнее в версии 1940 г. (см. Приложение). Об эмоциях человека теперь сказано, что они не столько «естественные», сколько «культурно определены» (§ 32); и что существуют такие «части нашей умственной жизни», которые «обязаны культуре», а не просто — «результат истории» (§ 33).

В этом ключе выглядит весьма произвольной попытка Г. Льюиса представить «отца-основателя» антропологии чуть ли не как скрытого дарвиниста,

действуя при этом в обход — констатируя то интерес последнего к методу Ф. Гальтона — дарвиновского кузена, то близость к американскому прагматизму, на который оказал влияние сам Дарвин (Lewis 2001). Между тем хорошо известно, насколько глубоким было неприятие Боасом современной ему (естественно)научной повестки. Еще в 16 лет он попробовал составить систематику растений, произрастающих вокруг родного Миндена в Вестфалии, альтернативную по отношению к линейской («изобрел совершенно свою систему» — письмо сестре Тони, 8 сентября 1874 г.; Cole 1999: 26). Позже зять Боаса Сесил Ямполски вспоминал, как в беседах они солидаризовались, отвергая открытия Менделя и считая, что Ламарка еще рано сбрасывать со счетов. А по рассказам студентов, на семинарах «папы Франца» тема дарвинизма была вовсе табуирована (Kluckhohn, Pruffer 1959: 22).

Подводя черту под обсуждением ранних воззрений Боаса, заметим, что эволюционные схемы, как ни странно, вместе с их кажущейся противоположностью — *Kulturkreise* («культурный круг», ср. § 28 Приложения), он воспринимает на момент написания «Целей» скорее как фоновое знание, неделимое теоретическое наследие, будучи еще новичком в выбранной области, а посему на первых порах, не разобравшись, принимает все целиком, чтобы в дальнейшем подвергнуть анализу и отвергнуть. Его последующий антиэволюционизм станет притчей во языцех, начиная с критики Л. Уайта (White 1944) и М. Харриса (Harris 1968). Но у Боаса появятся также работы отчетливо антидиффузионистской направленности, к примеру полемически заостренная рецензия на исследования Ф. Гребнера (Boas 1911b).

Тем не менее, в ряде мест поздняя версия статьи может выглядеть даже радикальнее предыдущей. Взять хотя бы следы присутствия *Stufenbau* — модели, столь характерной для эволюционистов (см. Приложение): не слишком выразительную фразу «...уровни, на которых сегодня мы находим примитивные народы...» автор меняет на «стадии, на которых мы находим примитивные племена...» (§ 25); точно также «состояния более высокой цивилизации» становятся «стадией более высокого развития», а «настоящий уровень» — «настоящей стадией» (§ 26). На наш взгляд, это происходит потому, что Боас, и в остальных случаях заботящийся о собственном образе, подвергает здесь текст некоторой стилизации, расставляя определенным образом акценты. Не стоит забывать, что он поместил «Цели этнологии» в свой итоговый сборник вполне сознательно, чтобы продемонстрировать собственное учение в развитии, о чем и предупреждал в предисловии: «...[О]ни отражают общий подход, лежащий в основе моей дальнейшей работы» (Boas 1940: vi).

Литература

- Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979.
- Бенедикт Р.* Модели культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. группа «Альма Матер», 2024.
- Боас Ф.* Ум первобытного человека. М.-Л., 1927.
- Боас Ф.* [в оригинале: Боаз, Франц]. Задачи антропологического исследования / пер. с англ. В.Г. Богораза // Советская этнография. 1933. № 3–4. С. 178–189.
- Боас Ф.* Колдовство у индейцев квакиутль // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 32–39.
- Боас Ф.* История антропологии // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 86–96.
- Боас Ф.* Язык, раса и культура. М.: «Гаудеамус», 2023.
- Боас Ф.* Антропология и современность. М.: Изд. группа «Альма Матер», 2024.
- Боас Ф. и др.* Антология исследований культуры. Том 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997а.
- Боас Ф. и др.* Мифы, сказки и легенды индейцев: Северо-западное побережье Северной Америки. М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 1997б (Сказки и мифы народов Востока).
- Боас Ф. и др.* Антология исследований культуры. Отражения культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011.
- Клейн Л. С.* История антропологических учений. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014.
- Кузнецов И. В.* «Счет зим». Вымирание коренных американцев и «антропология спасения». В 3-х тт. Т. 3. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018.
- Кузнецов И. В.* У истоков лингвистической антропологии: Франц Боас // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 144–161.
- Кузнецов И. В.* «Диалог» российской антропологии с (пост/анти)боасовской // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 5–25.
- Ларичева И. П.* Палеоиндейские культуры Северной Америки: Проблема взаимоотношений древних культур Старого и Нового Света. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1976.
- Леви-Стросс К., Эрибон Д.* Издалека и вблизи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018.
- Туторский А. В.* Параллели в развитии концепций «культурных ареалов» и «хозяйственно-технических ареалов» в 1920–1930-е годы // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 25–45.

- Balthaser B.* «Travels of an American Indian into the Hinterlands of Soviet Russia»: Rethinking Indigenous Modernity and the Popular Front in the Work of Archie Phinney and D'Arcy McNickle // *American Quarterly*. 2014. Vol. 66. No. 2. P. 385–416.
- Berman J.* «The Culture as It Appears to the Indian Himself»: Boas, George Hunt, and the Methods of Ethnography // *History of Anthropology*. 1996. Vol. 8. P. 215–256.
- Boas F.* Die Ziele der Ethnologie. Vortrag gehalten im Deutschen Gesellig-Wissenschaftlichen Verein von New York am 8. März 1888. New York: Hermann Bartsch, 1889.
- Boas F.* The History of Anthropology // *Science*. 1904. Vol. 20. P. 513–524.
- Boas F.* Anthropology: Lecture delivered at Columbia University in the Series on Science, Philosophy and Art, December 18, 1907. New York: The Columbia University Press, 1908 (Columbia University Lectures on Science, Philosophy and Art 1907–1908. No. 10).
- Boas F.* The Mind of Primitive Man. A course of lectures delivered before the Lowell Institute, Boston, Mass. and the National University of Mexico, 1910–1911. New York: Macmillan, 1911a.
- Boas F.* Review of Graebner, «Methode der Ethnologie» // *Science*. New series. 1911b. Vol. 34. P. 804–810 [Reprinted in: Boas 1940].
- Boas F.* The Methods of Ethnology // *American Anthropologist*. 1920. Vol. 22. P. 311–321 [Reprinted in: Boas 1940].
- Boas F.* An Anthropologist's Credo // *Nation*. 1938. Vol. 147. P. 201–204.
- Boas F.* Race, Language, and Culture. New York: Macmillan, 1940.
- Boas F.* Anthropology and Modern Life. New York: W.W. Norton and Co., 1962[1928].
- Bunzl M.* Franz Boas and the Humboldtian Tradition. From Volksgeist and Nationalcharakter to an Anthropological Concept of Culture // *History of Anthropology*. 1996. Vol. 8. P. 17–78.
- Castañeda Q.* Stocking's Historiography of Influence. The 'Story of Boas', Gamio and Redfield at the Cross-'Road to Light' // *Critique of Anthropology*. 2003. Vol. 23. No. 3. P. 235–263.
- Cole D.* Franz Boas. The Early Years, 1858–1906. Seattle: University of Washington Press, 1999.
- Cushing F.* Preliminary Notes on the Origin, Working Hypothesis, and Primary Researches of the Hemenway Southwestern Archaeological Expedition // 7th Congrès International des americanistes. Berlin, 1890. P. 151–194.
- Glick L.* Types Distinct from Our Own: Franz Boas on Jewish Identity and Assimilation // *American Anthropologist*. 1982. Vol. 84. P. 545–565.
- Harris M.* The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture. New York: Crowell, 1968.

- Hoefel R.* «Different by Degree»: Ella Cara Deloria, Zora Neale Hurston, and Franz Boas Contend with Race and Ethnicity // *American Indian Quarterly*. 2001. Vol. 25. No. 2. P. 181–202.
- Kluckhohn C., Pruffer O.* Influences During the Formative Years // *The Anthropology of Franz Boas. Essays on the Centennial of His Birth / Walter Goldschmidt, ed. American Anthropologist*. 1959. P. 4–28.
- Lewis H. Boas, Darwin, Science, and Anthropology // Current Anthropology*. 2001. Vol. 42. No. 3. P. 381–394.
- Liss J.* German Culture and German Science in the Bildung of Franz Boas // *History of Anthropology*. 1996. Vol. 8. P. 155–184.
- Maud R.* Transmission Difficulties. Franz Boas and Tsimshian Mythology. Burnaby, British Columbia, Canada: Talonbooks, 2000.
- Stocking G.* Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. New York: Free Press, 1968 [The University of Chicago Press Reprint Edition, 1982].
- Stocking G. (Ed.)* A Franz Boas Reader. The Shaping of American Anthropology, 1883–1911. New York: Basic Books, 1974 [Midway Reprint Edition, 1989].
- White L.* Morgan's Attitude toward Religion and Science // *American Anthropologist*. 1944. Vol. 46. P. 218–230.
- Wickwire W.* At the Bridge. James Teit and an Anthropology of Belonging. Vancouver; Toronto: University of British Columbia Press, 2019.
- Wilner I.* A Global Potlatch: Identifying the Indigenous Influence on Western Thought // *American Indian Culture and Research Journal*. 2013. Vol. 37. No. 2. P. 87–114.
- Zumwalt R.* Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019.

Research article

Kuznetsov I. V. Rannii Boas [Early Boas] Anthropologies, 2024, no 2, pp.131-144, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/131-144>.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

**Kuznetsov I. V. | igorkuznet@gmail.com | <http://orcid.org/0000-0002-6947-244X>
| Senior Researcher, Institute of Linguistics RAS, Institute of Ethnology and Anthropology RAS**

Abstract

The paper «The Aims of Ethnology» (1888) best demonstrates the origins of Boasian anthropology. Several versions of the text from different periods have survived, and comparison of them allows us to see the development of the views of the founder of

the historical school. The field of ethnology is still understood by him in an extremely broad sense. It is synonymous with the modern content of anthropology. The future great anthropologist began his career with an understanding of culture that did not yet go beyond the boundaries of traditional humanistic ideas, using the term itself in the singular, like his evolutionist contemporaries. On the other hand, the work already contains many samples of Boas's well-known particularism and relativism. The discussion about the paragraphs containing the history of marriage, later excluded from the text by Boas himself, shows that he accepted evolutionary schemes as a kind of background knowledge, which he later rethought. «The Aims of Ethnology» was included by him in his final collection of writings consciously to demonstrate his own theory in development, so the specific placement of accents in the text is quite understandable.

Keywords: history of anthropology, ethnology, Franz Boas, George Stocking, evolutionism, diffusion, culture-area, culture, relativism

References

- Averkiewa, Iu.P. 1979. *Istoriia teoreticheskoi mysli v amerikanskoj etnografii* [The History of Theoretical Thought in American Ethnography]. M.: Nauka.
- Balthaser, B. 2014. «Travels of an American Indian into the Hinterlands of Soviet Russia»: Rethinking Indigenous Modernity and the Popular Front in the Work of Archie Phinney and D'Arcy McNickle. *American Quarterly*, 66, 2: 385–416.
- Benedikt, R. 2024. *Modeli kul'tury* [Cultural models]. 2 ed. M.: Izd. grupa «Al'ma Mater».
- Berman, J. 1996. «The Culture as It Appears to the Indian Himself»: Boas, George Hunt, and the Methods of Ethnography. *History of Anthropology*, 8: 215–256.
- Boas, F. 1889. *Die Ziele der Ethnologie. Vortrag gehalten im Deutschen Gesellig-Wissenschaftlichen Verein von New York am 8. März 1888* [The Aims of Ethnology. Lecture given at the German Sociological Association of New York on March 8, 1888]. New York: Hermann Bartsch.
- Boas, F. 1904. The History of Anthropology. *Science*, 20: 513–524.
- Boas, F. 1908. Anthropology: Lecture delivered at Columbia University in the Series on Science, Philosophy and Art, December 18, 1907. New York: The Columbia University Press (*Columbia University Lectures on Science, Philosophy and Art 1907–1908*, 10).
- Boas, F. 1911a. *The Mind of Primitive Man. A course of lectures delivered before the Lowell Institute, Boston, Mass. and the National University of Mexico, 1910–1911*. New York: Macmillan.
- Boas, F. 1911b. Review of Graebner, «Methode der Ethnologie». *Science. New series*, 34: 804–810 [Reprinted in: Boas 1940].
- Boas, F. 1920. The Methods of Ethnology. *American Anthropologist*, 22: 311–321 [Reprinted in: Boas 1940].
- Boas, F. 1927. *Um pervobytnogo cheloveka* [The mind of primitive man]. M., L.

- Boas, F. 1933. Zadachi antropologicheskogo issledovaniia [The Aims of Ethnology], transl. V.G. Bogoraz. *Sovetskaia etnografiia*, 3–4: 178–189.
- Boas, F. 1935. Koldovstvo u indeicev kvakiutl' [*Witchcraft among the Kwakiutl Indians*]. *Sovetskaia etnografiia*. № 4–5. S. 32–39.
- Boas, F. 1938. An Anthropologist's Credo. *Nation*, 147: 201–204.
- Boas, F. 1940. *Race, Language, and Culture*. New York: Macmillan.
- Boas, F. 1962[1928]. *Anthropology and Modern Life*. New York: W.W. Norton and Co.
- Boas, F. 2002. Istorii antropologii [History of anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6: 86–96.
- Boas, F. 2023. *Iazyk, rasa i kul'tura* [Language, race, and culture]. M.: «Gaudeamus».
- Boas, F. 2024. *Antropologiya i sovremennost'* [Anthropology and Modern Life]. M.: Izd. gruppya «Al'ma Mater».
- Boas, F. et al. 1997a. *Antologiya issledovaniy kul'tury. Tom 1. Interpretaciya kul'tury* [An anthology of cultural studies. Vol. 1. The Interpretation of Culture]. SPb.: Universitetskaya kniga.
- Boas, F. et al. 1997b. *Mify, skazki i legendy indeicev: Severo-zapadnoe poberezh'e Severnoi Ameriki* [Indian Myths & Legends from the North Pacific Coast of America]. M.: Izd. «Vostochnaia literatura» RAN (Skazki i mify narodov Vostoka).
- Boas, F. et al. 2011. *Antologiya issledovaniy kul'tury. Otrazheniya kul'tury* [An anthology of cultural studies. Reflections of culture]. SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ.
- Bunzl, M. 1996. Franz Boas and the Humboldtian Tradition. From Volksgeist and Nationalcharakter to an Anthropological Concept of Culture. *History of Anthropology*, 8: 17–78.
- Castañeda, Q. 2003. Stocking's Historiography of Influence. The 'Story of Boas', Gamio and Redfield at the Cross-'Road to Light'. *Critique of Anthropology*, 23, 3: 235–263.
- Cole, D. 1999. *Franz Boas. The Early Years, 1858–1906*. Seattle: University of Washington Press.
- Cushing, F. 1890. Preliminary Notes on the Origin, Working Hypothesis, and Primary Researches of the Hemenway Southwestern Archaeological Expedition. *7th Congrès International des americanistes*. Berlin: 151–194.
- Glick, L. 1982. Types Distinct from Our Own: Franz Boas on Jewish Identity and Assimilation. *American Anthropologist*, 84: 545–565.
- Harris, M. 1968. *The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture*. New York: Crowell.

- Hoefel, R. 2001. «Different by Degree»: Ella Cara Deloria, Zora Neale Hurston, and Franz Boas Contend with Race and Ethnicity. *American Indian Quarterly*, 25, 2:181–202.
- Klein, L.S. 2014. *Istoriia antropologicheskikh uchenii* [The history of anthropological studies]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Kluckhohn, C., Prufer, O. 1959. Influences During the Formative Years. *The Anthropology of Franz Boas. Essays on the Centennial of His Birth*. W. Goldschmidt, ed. Special issue of *American Anthropologist*: 4–28.
- Kuznecov, I.V. 2018. «Schet zim». *Vymiranie korennykh amerikancev i «antropologiya spaseniia»* [«Winter count.» The extinction of Native Americans and the «anthropology of salvation.»]. In 3 vol. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 3.
- Kuznecov, I.V. 2022. U istokov lingvisticheskoi antropologii: Franc Boas [At the origins of Linguistic Anthropology: Franz Boas]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 144–161.
- Kuznecov, I.V. 2024. «Dialog» rossiiskoi antropologii s (post/anti)boasovskoi [A «Dialogue» between Russian and (Post/Anti)Boasian Anthropologies]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2: 5–25.
- Laricheva, I.P. 1976. *Paleoindeiskie kul'tury Severnoi Ameriki: Problema vzaimootnoshenii drevnikh kul'tur Starogo i Novogo Sveta* [Paleoindian cultures of North America: The problem of the relationship between ancient cultures of the Old and New World.]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie.
- Levi-Strauss, C., Eribon, D. 2018. *Izdaleka i vblizi* [From far and from near]. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha.
- Lewis, H. 2001. Boas, Darwin, Science, and Anthropology. *Current Anthropology*, 42, 3: 381–394.
- Liss, J. 1996. German Culture and German Science in the Bildung of Franz Boas. *History of Anthropology*, 8: 155–184.
- Maud, R. 2000. *Transmission Difficulties. Franz Boas and Tsimshian Mythology*. Burnaby, British Columbia, Canada: Talonbooks.
- Stocking, G. 1968. *Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology*. New York: Free Press [The University of Chicago Press Reprint Edition, 1982].
- Stocking, G. (Ed.) 1974. *A Franz Boas Reader. The Shaping of American Anthropology, 1883–1911*. New York: Basic Books [Midway Reprint Edition, 1989].
- Tutorskii, A.V. 2024. Paralleli v razvitii koncepcii «kul'turnykh arealov» i «khoziaistvenno-tekhnicheskikh arealov» v 1920–1930-e gody [Parallels in the development of the concepts of «cultural areas» and «economic and technical areas» in the 1920s and 1930s]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2: 25–45.
- White, L. 1944. Morgan's Attitude toward Religion and Science. *American Anthropologist*, 46: 218–230.

- Wickwire, W. 2019. *At the Bridge. James Teit and an Anthropology of Belonging*. Vancouver, Toronto: University of British Columbia Press.
- Wilner, I. 2013. A Global Potlatch: Identifying the Indigenous Influence on Western Thought. *American Indian Culture and Research Journal*, 37, 2: 87–114.
- Zumwalt, R. 2019. *Franz Boas: The Emergence of the Anthropologist*. Lincoln: University of Nebraska Press.

© Франц Боас

Цели этнологии

(1.) Многочисленные книги путешествий предоставляют описания, которые отсылают нас к самым отвратительным ответвлениям людского отродья, населяющим чужие страны, описывают их образ жизни, будто бы как у диких животных, отрицают, что у них имеется хоть какое-то указание на эмоциональную или умственную жизнь, заслуживающую нашей симпатии. Австралийцев, бушменов, огнеземельцев в ранних описаниях часто изображали в качестве самых низших форм человечества, лишенных всякого чувства общественного долга, без закона и порядка, воображения, даже не имевшими укрытия и орудий труда.

(2.) Если путешественники, которые видели эти народы, дают нам описания такого рода, то нет ничего удивительного в том, что другие, которые никогда не находились в контакте с примитивными людьми, принимают их взгляды, и мы начинаем понимать причину часто повторяемого вопроса: в чем же состоит польза от изучения жизни примитивных людей?

(3.) Даже самые грубые племена не соответствуют картине, которую частенько рисует легковесный путешественник. Из объемной дорожной литературы можно извлечь множество примеров, показывающих поверхностность таких отчетов. Весьма известный путешественник Бурчелл [Burchell], повстречавшийся с группой бушменов около Гариба, дает нам самый прекрасный отчет полного отсутствия у них мыслительных способностей. Он спросил, в чем разница между добрым и злым поступком? И поскольку те не смогли ответить, к своему удовлетворению заявил, что они не способны мыслить и рассуждать. Подобным образом огнеземельцев расспрашивали об их религиозных идеях в таких терминах, которые им не всегда были понятны, поэтому-то они и не смогли отвечать, и было заявлено, что они не способны усвоить любую идею, которая выходит за рамки самых обнаженных нужд повседневной жизни. Сегодня мы знаем больше, но научно не подготовленный путешественник волен делать заявления такого рода. Сейчас мы знаем,

---

Русский перевод английской версии статьи Франца Боаса: Boas, Franz. Die Ziele der Ethnologie. Vortrag gehalten im Deutschen Gesellig-Wissenschaftlichen Verein von New York am 8. März 1888. New York: Hermann Bartsch, 1889. [Author's English version as "The Aims of Ethnology" in: Boas 1940: 626–638; original version in translation: *Stocking* 1989: 67–71]. Страницы оригинала (в версии Boas 1940-5) указываются в квадратных скобках в тексте (прим. – И.К.). Текст авторского перевода очень сильно отличается от оригинала, опубликованного на немецком. Во многих местах он даже больше напоминает вольный пересказ. И в одном случае Боас сам говорит об этом в примечании (см. ниже). К сожалению, Дж. Стокинг опубликовал перевод не всего оригинального текста, а лишь его части, начинающейся с фразы «В то же самое время развитие этнологии сильно обязано общему признанию принципа биологической эволюции» (Boas 1940-5: 633) и до слов «Следовательно, оно также дает нам возможность объективно смотреть на нашу собственную цивилизацию» (Ibid: 636).

что бушмены, которых Бурчелл описывал как почти не отличающихся от диких зверей, обладают хорошо развитой музыкой, широким набором сказок и традиций; у них есть поэзия, и они превосход[626–627]ные сказители. Их наскальные изображения показывают высокую степень навыков и замечательное понимание перспективы. Мы также знаем, что у огнеземельцев имеется хорошо развитая социальная организация и что их обычаи суть доказательства глубоко укоренившейся религиозности.

(4.) Андаманцы — еще один народ, который обязан своей дурной репутацией отчетам ранних путешественников. Марко Поло, посетивший их в 1285 году, поведал: «Эти люди подобны диким зверям, и я уверяю вас, что у всех мужчин на этом острове Ангаманаин головы, как у собак, и зубы и глаза такого же рода; фактически же их лица напоминают бульдожи». А арабский писатель IX века говорит: «Цвет их кожи ужасающий; их ступни большие, длинной почти в локоть, и они абсолютно без одежды». Сравните это с описанием Э.Г. Мэна [Man], которому мы обязаны лучшими знаниями об этом интересном народе. Он говорит: «Утверждалось, что среди них распространена система коммунального брака, и что брак этот — не более чем захват рабыни, но настолько далек от контракта, что является просто временным устройством, поскольку может быть прекращен по воле какой-либо из сторон, но расторгнуть союз не позволяют ни несовместимость темпераментов, ни любая другая причина, и в то время как бигамия, полигамия, полиандрия и развод неизвестны, супружеская верность до смерти не исключение, а правило. ...Одна из самых поразительных черт их общественных отношений есть заметное равенство и привязанность, которые существуют между мужем и женой». Даже если это описание должно рассматриваться как в чем-то приукрашенное, тем не менее, оно показывает, что люди эти не «подобны диким зверям».

(5.) Так более близкое изучение показывает, что некоторые из народов с худшей репутацией не настолько грубы, как нас уверяют в том легковесные отчеты, мы подошли к предположению, что культурные условия среди всех примитивных народов могут оказаться более высокими, чем обычно полагают.

(6.) Наши знания о примитивных племенах по всему миру подтверждают утверждение, что нет людей, у которых отсутствовали бы определенные религиозные идеи и традиции; которые не совершали бы изобретений, не жили бы по правилам обычного права, регулирующего отношения между членами племени. И нет людей без языка.

(7.) Задача этнологии — изучение всего круга феноменов общественной жизни. Язык, обычаи, миграции, телесные характеристики — предметы наших изучений. Так ее самый первый и наименее необходимый объект есть изучение истории человечества; не только одних цивилизованных наций, но и человечества в целом, от самых ранних следов, найденных [627–628] в отложениях ледникового периода, и до современных времен. Мы должны следовать за поступательным развитием проявлений культуры^{1*}. Цель, которую мы ставим перед собой, видимо, можно проиллюстрировать примером.

^{1*} Букв. *manifestations of culture*.

(8.) Хорошо известны богатство сказок и традиций Европы и их не поддающиеся счету обычаи, которые сохраняются даже в настоящее время. Коллекции волшебных сказок Гримма и народные песни, собранные в «*Wunderhorn*» Брентано, — может быть самые ранние систематические попытки собрать доступный материал. Гримм рассматривал сказки и обычаи в качестве пережитков древнего германского язычества, которые были модифицированы изменениями в культурной жизни. Божества ранних времен интерпретировались как персонифицированные природные силы. Но когда собранный материал вырос, была доказана неправильность этой теории. Было открыто, что определенные сказки и песни или суеверия, которые сперва объяснялись так, как будто они древнего языческого происхождения, вошли в обиход в недавние времена, и во многих случаях было показано, что они происходили из отдаленных земель. Не ранее, чем в средние века, Европа получила значительную сумму своих обычаев, верований и традиций с Востока, и они подверглись изменениям согласно европейским культурным образцам^{2*}. Новые идеи оказали свое влияние на общественные условия Европы. Например, М. Гастер [Gaster] пробовал доказать, что средневековая вера в ведьм, которая сохраняется до настоящего времени, попала в Западную Европу в течение XIV столетия в связи с дуалистическими учениями схизматиков, которые отстаивали догму о власти сатаны и о спасении святых. Эти учения происходили из среды болгарских христиан Юго-Восточной Европы. Хотя взгляды Гастера не полностью приемлемы, они доказывают сильное влияние учений еретиков на народные верования и народную литературу. Обычаи и традиции, кроме этих чуждых элементов, прямо выводятся из языческих времен, так что изучение современной жизни ведет нас назад к культурным формам примитивных времен.

(9.) В примитивном обществе культурный контакт оказывает даже более значительное влияние, чем в нашей сложной цивилизации.

(10.) Знаменитый рассказ о том, как в беге соревновались черепаха и заяц или трепало и кролик, может послужить примером. В Марокко было найдено, что состязаются еж и шакал. В Камеруне героями являются слон и черепаха, а среди готтентотов страус и черепаха. Индейцы-тупи в Бразилии рассказывают ту же историю об олене и черепахе, и, кажется, правдоподобно, что они узнали ее от африканских рабов. Сказки американских негров дают один из наиболее примечательных примеров трансмиссии, [628–629] поскольку они представляют смесь африканских и европейских идей, которые, в свою очередь, влияли на фольклор американских индейцев.

(11.) Такие перемещения обнаружены не только в обычаях и народных сказках, но также в мифологии, которая показывает множество следов иностранного происхождения. Хорошо известно о семитских элементах греческой мифологии. Достаточно только упомянуть об Афродите и Геракле. Я могу добавить пример, взятый из своих собственных наблюдений среди индейцев Британской Колумбии. На юге открыто много сказок, где упоминается о солнце, его происхождении и войнах между животными и небесными телами. На южной Аляске создателем, который сделал человека, страну, огонь и воду, является ворон. Он дал человеку пищу и укрытие, изобретения и обычное право. Обе группы идей, хотя и совершенно различные, распространены вдоль

^{2*} Букв. *cultural patterns*.

берега так, что мифология становится неразрывной смесью этих фундаментальных идей.

(12.) Эти наблюдения показывают, что первой целью этнологического изыскания должен быть критический анализ характеристик каждого народа. Это есть единственный способ добиться удовлетворительного понимания культур, распространенных по более широким областям. Средства, имеющиеся в нашем распоряжении для осуществления такого анализа, разнообразны: форма тела, язык и культура суть результаты исторических процессов и, следовательно, могут быть применены в изучении истории. Для доисторических же времен нам надо довольствоваться изучением останков.

(13.) Форма тела наследуется от одного поколения к другому. Следовательно, первейшая задача исследователя отыскать постоянные формы, характерные для каждой области. С определенного времени стало обычным искать основные характеристики в формах черепа, отчасти потому что они совершенно стабильны, отчасти по причинам практическим, поскольку собирать черепа легче, чем другие части скелета, исключая длинные кости. Индивидуальность группы наиболее ясно выражена в сложных формах черепа, и его форма не зависит от жизненных привычек в той степени, в какой некоторые другие кости. Черепа чаще сохраняются, когда другие кости разлагаются, портятся или рассыпаются, так что они представляют собой наиболее доступный материал для изучения популяций ранних периодов. Данные, основанные на измерениях черепов, суть средства выражения характеристик строения тела только вкратце. В отношении людей, которые образуют единство языка и культуры, может быть показано смешанное происхождение. Так, Малая Азия населена людьми, говорящими по-турецки, исключая, однако, греков и армян. Д-р фон Лушан, который недавно изучил формы тела этих людей, показывает, что в формах тела [629–630] они не согласуются с другими тюркоговорящими народами, но что большинство их относится к типу, подобному армянам. Превалируют на западе греческий, а на юге арабский типы. Многие грекоговорящие люди Малой Азии — также армянского типа, в то время как на южном берегу — эллинизированные арабы. Из этих данных мы заключаем, что более ранние насельники Малой Азии были лингвистически и культурно ассимилированы вторгшимися турками.

(14.) Как еще один пример, показывающий важность этих изысканий, мы можем упомянуть о распространении пигмеев, которым французский антрополог Де Катрфаж [De Quatrefages] уделял особое внимание. Ранее я упоминал о бушменах, пигмейском народе. Низкорослые племена обнаружили во многих частях Центральной Африки вплоть до района Великих африканских озер у истоков Нила. Их появление недавно было отмечено также в Западной Африке, так что современные наблюдения подтвердили древние отчеты Геродота. Равно низки анданцы и некоторые из горных племен Индии, Малайского полуострова, Филиппин и Формозы, и похожие черты можно наблюдать у племен Новой Гвинеи и соседствующих островов, где те, кажется, пережились со своими соседями. Среди большего числа этих людей мужчины насчитывают не более чем 140 см. А акка в Центральной Африке даже короче, насчитывая не более чем 120 или 130 см. Хотя анатомическая форма у этих типов не во всех отношениях идентична, у них есть некоторые черты общности, в особенности малый размер и жесткие, вьющиеся волосы.

Их присутствие во всех частях южной границы Старого Света, в который мы включаем Африку, дает основания думать, что они остатки древней расы, которая была вытеснена иммиграцией в Африку высоких негров и вторжением в Южную Азию людей, которые пришли с запада и с севера.

(15.) Так исследование типов человека ведет нас назад в ранние периоды человеческой жизни. Метод основан на постоянстве анатомических форм.

(16.) Язык есть следующее важное средство для исследования ранней истории. Множество языков уступили под наплывом захватчиков, тогда как в других случаях они сохранились слегка измененными, а языки захватчиков исчезли. Еще в других случаях древние языки сохраняются в сокрытых районах, удаленных деревнях, неплодородных, болотистых округах и на островах. Такие как некоторые романские диалекты, баскский, различные языки Кавказа, Калифорнии и Западной Африки. Историю атапасков проясняет тот факт, что [630–631] изолированные племена Тихоокеанского побережья, навахо и апачи наших юго-западных штатов и народ района Маккензи говорят на диалектах, принадлежащих к этой лингвистической семье. Открытие карибских языков в Бразилии проливает новый свет на историю этих народов.

(17.) О важности другой черты языка. В то время как анатомические характеристики важны вследствие их постоянства, языки изменяются более охотно, и изменения таковы, что они проливают много света на их историю. Новые языки возникают, растут и исчезают. Новые языки возникают из более ранних через смешение (как английский); они распадаются согласно их фонетическому характеру и грамматическим процессам и согласно судьбам народа, говорящего на них, и образуют новые диалекты. Эти изменения, обязательные смешению и внутреннему развитию, суть плодотворный источник для исторических выводов. Методы изучения развивались посредством изучения индоевропейских языков, но начатки были осуществлены приложением этих результатов к другим лингвистическим семьям. Анализ диалектов позволяет нам следовать истории слов и понятий чрез длительные периоды времени и отдаленные области. Введение новых изобретений и миграции в удаленные страны часто отмечаются появлением новых слов, происхождение которых можно установить. Так история языка отражает историю культуры. Шрадер [Schraeder] и Пенка [Penka] приложили этот метод к исследованиям о прародине^{3*} народов, говорящих на арийских языках. Наши знания о языках примитивных людей в целом недостаточно продвинуты для подобного анализа. Чтобы сделать его возможным, мы нуждаемся в литературе этих языков. Едва ли в настоящее время у нас имеются адекватные словари.

(18.) Третье средство для исследования ранней истории народов, у которых нет письменности, есть изучение их культуры. Мы не скажем ничего лишнего, если заявим, что не существует людей, чьи обычаи развились без влияния чужой культуры, и у которых не было бы заимствованных искусств и идей, которые развились совершенно своим собственным путем.

(19.) Достойный внимания пример такого рода обнаружен среди фан, племени, живущего к северу от нижней Конго. Когда около 450 лет назад пор-

^{3*} Букв. *early home*.

тугальцы открыли Конго, они нашли, что негры употребляли луки и стрелы. Множеством путей португальцы повлияли на культуру негров, и те узнали от них об использовании самострелов. Позже, когда португальское влияние ушло, фан удержали использование самострелов. Будучи не в состоянии имитировать сложный механизм португальского самострела, они изобрели новый вариант. Новая форма оказалась [631–632] недостаточно сильной, чтобы запускать болт на дальние расстояния, поэтому они употребили отравленные болты, чтобы сделать их эффективными. Когда в XIX веке фан были заново открыты, обнаружилось, что они владеют этим курьезным оружием, происхождение которого поначалу представлялось совершенно необъяснимым. Подобные подражания европейским объектам были выявлены на островах Тихого океана. Так, фиджийцы придали своим палицам формы европейских ружей, а вожди на Новой Британии восприняли форму шапки британских адмиралов как головной убор. Есть несколько случаев двойного подражания. Стальной гарпун, употребляемый американскими и шотландскими китобоями, есть слегка модифицированное подражание эскимосскому гарпуну. И эскимосы стали имитировать его снова.

(20.) В некоторых случаях подражания не ограничиваются простыми изобретениями. Известны случаи, когда масса культуры народа усваивалась его соседями. Так, африканское племя, которое являлось предметом нападений воинственных зулу, увидело спасение, приняв обычаи и манеры зулу.

(21.) С другой стороны, существует осознанный консерватизм, сохраняются отдельные мелочи, в то время как общая жизнь народа может подвергнуться важным изменениям. Так, Эдуард Морз [Morse] доказал, что у народов больших континентальных областей имеются общие методы стрельбы из лука, которые отличаются от тех, которые в ходу в других протяженных областях.

(22.) В общем, цепко держатся за стиль орнамента, формы орудий и оружия. Когда вводится новый материал, часто удерживаются более ранние формы. Так племена, которые узнали гончарное искусство, но которые вместе с тем в более ранние времена занимались плетением корзин, часто имитируют плетеные формы в глине. Оружие, в которое вкладывались шипы и зубы, имитируется при резьбе по дереву или в камне. Новые формы могут имитироваться также и в знакомом материале. Так, в ранней Европе бронзовые топоры воспроизводились в камне.

(23.) Часто с великой цепкостью сохраняют традиции и, особенно содержащиеся в них стихи и мотивы. Песни, будучи передаваемы от одного поколения к другому, могут так сильно отличаться от современной речи, что становятся таинственными и непонятными.

(24.) Мы признаем, что жизнь народа во всех ее аспектах есть результат его истории, в которой отражена племенная традиция наряду с чертами, приобретенными благодаря контактам с соседями. Этнологу важны самые пустяковые черты общественной жизни, потому что они суть выражения исторических событий. Они — часть данных, по которым восстанавливается прошлое. [632–633]

(25.) Можно сказать, что то, что мы здесь описываем, есть история культуры, а не этнология. Это правда. Этнография — часть истории культуры и не может быть отделена от нее. Отдавая дань нашему возрастающему этнологическому знанию, мы признаем, что историю цивилизации невозможно понять без знания о примитивном человеке. В то же самое время развитие этнологии сильно обязано общему признанию принципа биологической эволюции. Общая черта всех форм эволюционной теории такова, что каждое живое существо рассматривается как результат исторического развития. Судьба индивида влияет не только на него самого, но также на все последующие поколения. Следовательно, чтобы понять организм, недостаточно изучать его как стабильную форму, но должно сравнивать со всеми его предками и потомками. Эта точка зрения ввела в естественные науки историческую перспективу и революционизировала их методы. Развитие этнологии сильно обязано принятию эволюционной точки зрения, потому что последняя внушила нам убеждение, что ни одно событие в жизни народа не проходит бесследно для более поздних поколений. Мифы, которые рассказывали и в которые верили наши предки, ощущаются в способах мышления потомков, которые были подвержены влиянию чужой цивилизации. Даже самый блестящий гений испытывает влияние духа времени, в котором он живет, своей среды, которая есть продукт событий прошлого. Так история культуры учит преемственности идей и изобретений, начинающихся со стадий, на которых мы находим примитивные племена наших времен. История науки, изобретений и религии должна быть основана на изучении жизни примитивных племен.

(26.) Я использовал здесь повсюду термин «примитивные» без дальнейшего объяснения. Надеюсь, что это не создало впечатления, что я рассматриваю эти племена как живущие в первоначальном природном состоянии, как воображал Руссо. Напротив, мы должны помнить, что каждый примитивный народ обладает долгой историей. Он может перейти к упадку от стадии более высокого развития или взойти к своей настоящей стадии, сражаясь с превратностями. Нет примитивного племени, которое бы не сковывало общепринятые законы и обычаи. Чем более оно примитивно, тем большее число ограничений определяет каждое действие.

(27.) Если мы нашли, что этнология как историческая наука близко родственна истории культуры, то эта связь покажется еще ближе, когда мы обратимся ко второй важной задаче нашей науки. Сравнение [633–634] общественной жизни различных народов доказывает, что основания их культурного развития значимо единообразны. Из этого следует, что есть законы, которым подчиняется это развитие. Их открытие есть вторая, может быть, более важная цель нашей науки.

(28.) Между этими целями нет фундаментального противоречия, потому что общий закон выражается в частном феномене настолько же, насколько частный феномен интерпретируется как проявление общего закона. Однако, метод, применяемый при открытии этих законов, отличный и проливает свет на частный случай, поскольку показывает, которая из его черт случайна, а которая общеприменима. Следовательно, чисто исторический метод без сравнительного изучения будет неполным. Детальное изучение частного случая заставляет нас прибегать к сравнительному методу из-за того, что средства для выяснения действительной истории культур, находящиеся в нашем рас-

поряжении, ограничены. Письменные записи в ретроспективе не достигают почтенной древности и возможны лишь для немногих культур. Другие методы, которые мы обсуждали, слишком часто тоже малопригодны. Во всех этих случаях ничего не остается, как только сравнивать общественные феномены отдельных областей и основывать наши выводы на их сходствах и различиях. Следуя этим исследованиям, мы находим, что тот же обычай, та же идея, случаются среди народов, для которых невозможно установить историческую связь, так что нельзя допустить их общее историческое происхождение, и становится необходимо решить, есть ли законы, результатом которых являются те же самые или, по меньшей мере, сходные феномены, независимо от исторических причин; или другими словами, следует ли развитие человеческого ума определенным законам. Так развивается вторая важная задача этнологии — изыскание законов, управляющих общественной жизнью, или изучение психологии народов, как это, в общем, называют.

(29.) Наипервейший вопрос, на который должно ответить: есть ли законы, согласно которым прогрессирует культура, или же ее развитие обязано случаю. Раньше мы упоминали примеры распространения сходных феноменов в регионах, отстоящих друг от друга. В этих случаях этнолог всегда сталкивается с двумя равно возможными объяснениями. Два каких-то феномена могут происходить из общего исторического источника или же они могут развиваться независимо друг от друга. Сомнений не может быть только в очень немногих общих случаях. К примеру, тот факт, что нет народов без религии или без искусства; что повсюду находят хоть какую-то форму социальной организации, что повсюду вместе с прогрессирующей культурой индивид становится более свободным потому, что неисчислимые деспотические правила, управляющие [634–635] им, имеют тенденцию исчезать — все это по праву может быть объяснено так, как будто обязано ментальным характеристикам человечества.

(30.) Метод изысканий исследователя психологии народов также может быть проиллюстрирован примером. Блестящий пример представляют результаты, полученные недавними изысканиями в истории семьи.

(31.) Результаты филологических и исторических исследований относительно народов, говорящих на индоевропейских языках, демонстрируют, что семья была основанием для общества, и что на этой основе развились племя и государство. С этой точки зрения кажется странным, что среди некоторых народов отец не был главой семьи, но что часто мать обладала правами, которые в более позднее время принадлежали отцу. Так, Геродот рассказывает, что среди ликийцев дочери, а не сыновья наследовали у своих отцов. Говорят, что в Афинах во времена Кекропса дети получали имена от своих матерей, и согласно Тациту, особым уважением пользовался брат матери. Можно также упомянуть многочисленные сказки об амазонках. С точки зрения нашей культуры эти обычаи необъяснимы, но после того, как узнали об обычаях примитивных людей, история развития семьи стала более понятной. (Среди множества примитивных племен ведется унилатеральный счет происхождения, и ребенок признается членом отцовской или материнской линии, но не является членом обеих сразу. Когда ребенок принадлежит к линии матери, а мужчины удерживают положение или другие права, развивается конфликт; потому что ребенок не наследует их от отца, но от мужчин по линии своей матери, точнее, от дяди своей матери. Когда семья, состоящая из родителей и детей,

формирует экономическую и социальную ячейку, то такой тип организации легко приводит к конфликтам между отцом и сыновьями и между мужчиной и братьями его жены. Следовательно, в этих институтах есть элемент нестабильности, и они подлежат слову и изменению в форму, в которой ребенок принадлежит либо к линии матери, но так, что конфликты избегаются, либо — к обеим линиям.)

(32.) Необходимо подчеркнуть один вывод, основанный на исследованиях такого типа. Он показывает, что эмоциональные реакции, которые мы ощущаем как природные, в действительности культурно определены. Нам нелегко понять, что эмоциональная связь между отцом и сыном должна отличаться от той, к которой мы привыкли, но знания о жизни [635–636] людей с социальной организацией, отличающейся от нашей, приводят к ситуациям, в которых конфликты или взаимные обязательства принимают характер совершенно противоположный привычному нам и противоречат тому, что мы считаем «естественными» эмоциональными реакциями в отношении кровных родственников.

(33.) Данные этнологии доказывают, что не только наше знание, но также наши эмоции суть результат формы нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим. Если мы хотим понять развитие человеческой культуры, то должны попытаться освободить себя от этих догм. Это могут сделать только те, кто готов приспособиться к странным способам мышления и ощущения примитивных людей. Если мы попробуем интерпретировать действия наших отдаленных предков с помощью наших же рациональных и эмоциональных подходов, то не сможем достичь истинных результатов из-за того, что их ощущение и мышление были отличными от наших. Мы должны отложить в сторону многие точки зрения, которые кажутся нам само собой очевидными, потому что в ранние времена они не являлись само собой очевидными. Но *a priori* невозможно определить те части нашей умственной жизни, которые являются общими человечеству в целом, и те, которые обязаны культуре, в которой мы живем. Возможность достичь этого прозрения дает знание данных этнологии. Следовательно, оно также дает нам возможность объективно смотреть на нашу собственную цивилизацию.

(34.) Если мы признаём, что сходные обычаи могут порождаться независимо, то далее не будем склонны выводить общность происхождения народов из поверхностных сходств. Как часто потерянные племена Израиля заново открывались — в Америке, Полинезии и Африке! Как часто потерянные племена древности должны были мигрировать в Америку дорогой сказочной Атлантиды! Аргумент в пользу таких экстравагантных теорий — общее распространение некоторых табу или какого-нибудь орнамента, найденного в районах, сильно удаленных друг от друга.

(35.) Но на самом деле в высшей степени значимо то, что те же самые культурные феномены повторяются в наиболее отдаленных частях света, и что разнообразные сложные формы мысли и действия, которые развивает человеческий ум, повторяются и настолько распространены, что историческая связь их почти немыслима. Хорошим примером является сказка о Фазтоне. Это рассказ о сыне Солнца, который едет в небесной колеснице и которого после того, как он опалил землю, низвергает ударом молнии Зевс. У индейцев же

Британской Колумбии норка навещает своего отца, Солнце, вместо него несет солнце, а когда опалает землю, сбрасывается вниз своим собственным отцом. Обычай ношения больших украшений в губах обнаружен в различных частях Америки, но также в экваториальной Африке. Недавно Бастиан объяснил возникновение современного спиритизма с [636–637] той же точки зрения, показывающей сходство одного с практиками спиритизма среди примитивных людей.

(36.) Частое распространение сходных феноменов в культурных ареалах, которые не имеют исторических контактов, предполагает, что из их изучения можно получить важные результаты, чтобы показать, что человеческий ум развивается повсюду согласно одним и тем же законам.

(37.) Открытие их есть величайшая цель нашей науки. Чтобы достичь этого, понадобится множество методов изыскания и помощь многих других наук. До сих пор число исследований мало, но основания заложены трудами таких людей, как Тайлор, Бастиан, Морган и Бахофен. Нет недостатка в поспешном теоретизировании, как и в других новых отраслях науки, что не делает вклада в здоровый рост. Далеко идущие теории были построены на слабых основаниях. Здесь присутствует попытка объяснить историю так, как будто она детерминирована природой страны, в которой живет народ. Невозможно отрицать родство между почвой и историей, но мы не намерены объяснять на этой основе социальное и умственное поведение, и антропогеографические «законы» выглядят лишь как туманные, пустые обобщения. Климат и почва оказывают влияние на тело и его функции, но невозможно доказать, что характер страны находит необходимое выражение в характере ее обитателей. Утверждалось, что негр, живущий в тропической Африке и не затрудненный отсутствием пищи, ленив и не берет на себя труд одеть свое тело. Также утверждали, что эскимоса должна была сделать ленивым длинная полярная ночь, которая затмевает его сознание. К несчастью, такие обобщения полностью несостоятельны. Есть негрские племена, которые наказывают любого, кто публично покажется неприлично одетым; в то время как племена Огненной земли, которые живут в негостеприимном климате, едва одеты. Эскимосы в течение длинной зимней ночи находят увеселение в танце, песне и слушающая сказителей.

(38.) Более того, к феноменам культурной истории с легкостью применили принципы биологической эволюции, и так одна за другой развились системы, повествуя нам, как человечество было ведомо из самых низких уровней варварства к высочайшим уровням цивилизации. Осторожный ученый не может следовать их причудам. У нас есть попытки построить развитие современной этики из этнологических данных, начиная с простого предположения, что индивиду свойственно было иметь в виду благополучие сотоварища-человека. Утверждали, что страх мести и поиск безопасности должны были явиться основой для всех этических понятий. Может быть, обычное право и развилось на манер, сходный с этими идеями, но неправильно заключать, что это единственная основа для понятий добра и зла. Слишком далеко мы бы [637–638] зашли, если бы стали придавать этому субъекту еще большие детали, но, кажется, необходимо определить ограничения этнологической науки. Она не даст нам информации, относящейся к фундаментальным чертам человеческого ума. Этнология не даст нам информации о происхождении понятий пространства и времени или причинности.

(39.) С другой стороны, этнология может сообщить новые идеи другим наукам, таким как психология, философия и история. Мы видели, что этнология имеет отношение к истории примитивных народов. Их судьбы повторяются в более простых условиях, на меньшей шкале событий того же рода, что распространены в истории и нашей сложной цивилизации. Новые идеи усваиваются в согласии с культурой принимающего народа. Они развиваются или исчезают снова. Поучительно видеть, как трудно принимать новые идеи. Изобретение не трудно. Трудно удержание и дальнейшее развитие. Следовательно, развитие будет идти тем легче, чем менее значим его культурный статус. С другой стороны, важно наблюдать борьбу индивидов против племенных обычаев. Среди примитивных распространена борьба того же рода, что необходимо вести гению среди нас самих в своем сражении против господствующих идей или господствующего предрассудка, и особенно интересно посмотреть, насколько сильный индивид сможет освободиться от кандалов условности.

(40.) Еще этнология может совершить вклад в изучение психологии. Ничего нет более поучительного для исследователя человеческого ума, чем понимание человеческой ошибки, а этот предмет снабжает изобилием материалов этнология. Вечная война между Разумной мыслью и эмоцией и историческое развитие прогресса рассудка над традицией должны найти свой главный источник в данных этнологии.

(41.) Наскоро я обрисовал предмет нашей науки. У меня не вышло бы ничего более, чем просто отметить самыми широкими контурами цели, которые у нас в голове. Немногословно я попробовал указать на методологические средства, находящиеся в нашем распоряжении. Исследования формы тела, языков и обычаев должны реконструировать историю человечества. Мы желаем открыть законы, управляющие развитием ума, с помощью внимательного сравнения его разнообразных проявлений; и я попробовал указать границы, за которыми этнология не может продолжаться.

(42.) Надеюсь, что я смог добиться успеха в своей задаче: показать, что не праздное любопытство или расположение к приключению побуждают ученого посещать удаленные народы, находящиеся, по-видимому, на низких ступенях культуры; что мы осознанно ставим задачу, вполне достойную самых напряженных усилий, когда собираем языки, обычаи и сказки племен, чья жизнь отличается от нашей собственной в фундаментальных аспектах.

(пер. с англ. И.В. Кузнецова)

Приложение

Разночтения в вариантах статьи «Цели этнологии»

Перевод с немецкого оригинала (1889):

(Продолжение абзаца 25.)

The development of our science itself has only become possible due to the general recognition the principle of the theory of evolution has attained in recent decades.

‘Развитие самой нашей науки, возможно, стало обязано лишь общему признанию принципа теории эволюции, [которого та] добилась в недавние десятилетия’.

It is a common characteristic of all forms of evolutionary theory that every living being is considered as the product of an historical development.

‘Общая особенность всех форм эволюционной теории, такова, что каждое живое существо рассматривается как продукт исторического развития’.

The fate of an individual influences not only the individual himself, but his successor as well; and in order to understand an organism it is therefore necessary not only to know its own history but also that of its forebears.

‘Судьба индивида влияет не только на него самого, но также и на его потомка; и, следовательно, чтобы понять организм необходимо знать историю не только его собственную, но также и его предков’.

This perspective opens the whole vast field of the natural sciences to the historical method, and has contributed fundamentally to its rapid advance.

‘Эта перспектива открывает историческому методу целое обширное поле естественных наук и основательно вносит вклад в его стремительное продвижение’.

Авторизованный перевод Боаса (1940):

At the same time the development of ethnology is largely due to the general recognition of the principle of biological evolution.

‘В то же самое время развитие этнологии сильно обязано общему признанию принципа биологической эволюции’.

It is a common feature of all forms of evolutionary theory that every living being is considered as the result of an historical development.

‘Общая черта всех форм эволюционной теории, такова, что каждое живое существо рассматривается как результат исторического развития’.

The fate of an individual does not influence himself alone, but also all the succeeding generations. Therefore, in order to understand an organism it is not sufficient to study it as a stable form, but it must be compared with all its ascendants and descendants.

‘Судьба индивида влияет не только на него одного, но также на все последующие поколения. Следовательно, чтобы понять организм недостаточно изучать его как стабильную форму, но должно сравнивать со всеми его предками и потомками’.

This point of view introduced an historical perspective into the natural sciences and revolutionized their methods.

‘Эта точка зрения ввела в естественные науки историческую перспективу и революционизировала их методы’.

Ethnology has existed only since this perspective has found common acceptance, for it has taught us to understand that no occurrence in the life of a people disappears without a trace, but affects even the most distant generations.

‘Этнология существует лишь с тех пор, как эта перспектива нашла всеобщее одобрение, поскольку учит нас понимать, что в жизни народа нет явлений, [которые] исчезали бы бесследно, а не отражались даже на самых отстоящих поколениях’.

The myths which our ancestors told to each other and in which they believed, have left their impress upon the ways of thinking of their descendants who came under the spiritual domination of a foreign culture.

‘Мифы, которые рассказывали и в которые верили наши предки, ощущаются в способах мышления потомков, которые оказались под духовным господством чужой культуры’.

Even the most brilliant genius is influenced by his age and his environment, which is itself a product of the past.

‘Даже самый блестящий гений испытывает влияние своей эпохи и своей среды, которая сама есть продукт прошлого’.

Thus culture-history teaches the continuity of inventions and ideas from the levels at which we find primitive peoples today up to our own time.

‘Так культур-история учит преемственности изобретений и идей, от уровней, на которых сегодня мы находим примитивные народы, до нашего собственного времени’.

The history of the sciences, the history of inventions, and above all the history of religions point to the study of their germinal forms among primitive peoples^{1*}.

The development of ethnology is largely due to the adoption of the evolutionary standpoint, because it impressed the conviction upon us that no event in the life of a people passes without leaving its effect upon later generations.

‘Развитие этнологии сильно обязано принятию эволюционной точки зрения, потому что последняя внушила нам убеждение, что ни одно событие в жизни народа не проходит бесследно для более поздних поколений’.

The myths told by our ancestors and in which they believed have left their impress upon the ways of thinking of their descendants who were subjected to the influence of a foreign civilization.

‘Мифы, которые рассказывали и в которые верили наши предки, ощущаются в способах мышления потомков, которые были подвержены влиянию чужой цивилизации’.

Even the most brilliant genius is influenced by the spirit of the time in which he lives, by his environment, which is a product of events of the past.

‘Даже самый блестящий гений испытывает влияние духа времени, в котором он живет, своей среды, которая есть продукт событий прошлого’.

Thus, the history of culture teaches the continuity of ideas and inventions beginning with stages on which we find primitive tribes of our times.

‘Так история культуры учит преемственности идей и изобретений, начинающихся со стадий, на которых мы находим примитивные племена наших времен’.

The history of the science, invention and religion must be based on the study of the lives of primitive tribes.

^{1*} На это боасовское исправление первоначального текста, которое безусловно ведет к изменению смысла, обращает внимание и Дж. Стокинг (Stocking 1989: 68, footnote 1).

‘История науки, история изобретений и превыше всего история религий указывают на изучение их зародышевых форм среди примитивных народов’.

‘История науки, изобретений и религии должна быть основана на изучении жизни примитивных племен’.

(26.)

I have used throughout the expression “primitive people” without further clarification

I have used here throughout the expression “primitives” without further explanation

‘Я использовал повсюду термин «примитивный народ» без дальнейшего разъяснения’.

‘Я использовал здесь повсюду термин «примитивные» без дальнейшего объяснения’.

I hope that in so doing I have not created the impression that we are dealing with peoples living in an original state of simplicity and naturalness as Rousseau conceived of them.

I hope this has not conveyed the impression that I consider these tribes as living in an original state of nature, such as Rousseau imagined.

‘Надеюсь, что, поступая так, я не создал впечатления, что мы имеем дело с народами, живущими в первоначальном состоянии простоты и естественности, как представлял их Руссо’.

‘Надеюсь, что это не создало впечатления, что я рассматриваю эти племена как живущие в первоначальном природном состоянии, как воображал Руссо’.

On the contrary, we must keep in mind that even a primitive people has had a long history behind it.

On the contrary, we must remember that every primitive people has had a long history.

‘Напротив мы должны держать в уме, что даже примитивный народ обладает позади себя долгой историей’.

‘Напротив мы должны помнить, что каждый примитивный народ обладает долгой историей’.

It may have gone through states of higher civilization and then, due to the gradual loss of inventions and ideas, have sunk down again to a lower state; or it may have climbed more slowly but surely up to its present level.

It may have descended by decay from a stage of higher development or it may have risen to its present stage battling against vicissitudes.

‘Он может пройти через состояния более высокой цивилизации, а затем, в результате постепенной утраты изобретений и идей, скатиться снова в низшее состояние, или взобраться медленнее, но верно на свой настоящий уровень’.

‘Он может перейти к упадку от стадии более высокого развития или взойти к своей настоящей стадии, сражаясь с превратностями’.

None of these peoples is, however, free from conventional proscriptions and rules.

There is no primitive tribe that is not hemmed in by conventional laws and customs.

‘Ни один из этих народов, однако, не свободен от общепринятых запретов и правил’.

‘Нет примитивного племени, которое бы не сковывало общепринятые законы и обычаи’.

On the contrary: the poorer in cultural achievements, the greater the number of ingrained rules and proscriptions which work to determine every action.

‘Напротив, чем беднее культурные достижения, тем больше число укоренившихся правил и запретов, которые работают на определение каждого действия’.

(27.)

If, however, ethnology viewed as a purely historical science is already inextricably linked with culture-history, this connection stands out even more clearly when we turn to a consideration of the second great task of our science.

‘Если, однако, этнология, понимаемая как чисто историческая наука, уже неразрывно связана с культур-историей, то эта связь проступит даже более ясно, когда мы обратимся к рассмотрению второй великой задачи нашей науки’.

A comparison of the phenomena of the lives of peoples shows that the foundations of their development are very similar to each other.

‘Сравнение феноменов жизни народов показывает, что основания их развития очень похожи друг на друга’.

From this we must conclude that human development follows certain laws, and to establish these is the second and indeed the more important goal of ethnology.

‘Из этого мы должны заключить, что человеческое развитие следует определенным законам, и установить их есть вторая и на самом деле более важная цель этнологии’.

The more primitive it is the greater is the number of restrictions that determine every action.

‘Чем более оно примитивно, тем большее число ограничений определяет каждое действие’.

If we found that ethnology as an historical science is intimately related to the history of culture, this connection appears still closer when we turn to the second important task of our science.

‘Если мы нашли, что этнология как историческая наука близко родственна истории культуры, то эта связь покажется еще ближе, когда мы обратимся ко второй важной задаче нашей науки’.

A comparison of the social life of different peoples proves that the foundations of their cultural development are remarkably uniform.

‘Сравнение общественной жизни различных народов доказывает, что основания их культурного развития значимо единообразны’.

It follows from this that there are laws to which this development is subject. Their discovery is the second, perhaps the more important aim of our science.

‘Из этого следует, что есть законы, которым подчиняется это развитие. Их открытие есть вторая, может быть, более важная цель нашей науки’.

(28.)

It must nonetheless be kept in mind that there is no basic distinction between the two purposes, since the general law is expressed just as clearly in the individual phenomenon as the individual phenomenon is expressed in the general law.

‘Тем не менее, надо держать в уме, что между обеими целями нет основательного различия, поскольку общий закон выражается в частном феномене настолько же ясно, насколько частный феномен выражается в общем законе’.

However, the method used in discovering these laws is distinct from the historical method and casts an altogether new light on the individual case under consideration, since it shows which of its features are accidental or individual and which are of general applicability.

‘Однако метод, применяемый при открытии этих законов, отличается от исторического [метода] и бросает совсем новый свет на частный случай, [находящийся] на рассмотрении, поскольку показывает, которая из его черт случайная или частная, а которая общеприменима’.

For this reason, the purely historical approach must always be considered incomplete without the illumination which derives from the comparative method.

‘По этой причине, чисто исторический подход должен всегда рассматриваться [как] неполный, без освещения, которое исходит из сравнительного метода’.

The detailed study of the individual phenomenon leads us directly to the comparative method, since the ways and means at our disposal for studying the history of peoples^{2**} soon fail us.

‘Детальное изучение частного феномена ведет нас прямо к сравнительному методу, поскольку способы и средства для изучения истории народов, [находящиеся] в нашем распоряжении, быстро нас подводят’.

There is no fundamental contrast between these aims, for the general law is expressed in the individual phenomenon just as much as the individual phenomenon is interpreted as an exemplification of the general law.

‘Между этими целями нет фундаментального противоречия, потому что общий закон выражается в частном феномене настолько же, насколько частный феномен интерпретируется как проявление общего закона’.

However, the method used in discovering these laws is distinctive and throws light upon the individual case, for it shows which of its features are accidental and which are of general applicability.

‘Однако метод, применяемый при открытии этих законов, отличен и проливает свет на частный случай, поскольку показывает, которая из его черт случайна, а которая общеприменима’.

Therefore, the purely historical method without a comparative study will be incomplete.

‘Следовательно, чисто исторический метод без сравнительного изучения будет неполным’.

The detailed study of the individual case compels us fall back on the comparative method, for the means at our disposal for clearing up the actual history of cultures are limited.

‘Детальное изучение частного случая заставляет нас прибегать к сравнительному методу, из-за того, что средства для выяснения действительной истории культур, [находящиеся] в нашем распоряжении, ограничены’.

^{2**} На расхождении в этом месте (ср. *the history of peoples* и *up the actual history of cultures*) также обращает внимание Дж. Стокинг (*Stocking* 1989: 68, footnote 2).

Written records do not reach back into the distant past and relate only to peoples of a few culture-regions^{3***}.

‘Письменные записи [в ретроспективе] не достигают отдаленного прошлого и относятся только к народам немногих культур-регионов’.

Written records do not reach back into hoary antiquity and are available only for a few cultures.

‘Письменные записи [в ретроспективе] не достигают почтенной древности и доступны лишь для немногих культур’.

Even the other methods which we have discussed often leave us in the lurch.

‘Даже другие методы, которые мы обсуждали, часто оставляют нас в беде’.

The other methods which we have discussed are also too often of little avail.

‘Другие методы, которые мы обсуждали, слишком часто тоже малопригодны’.

In such cases we have no other choice but to compare the life phenomena of the peoples being studied in order to draw our conclusions from existing similarities and dissimilarities.

‘В таких случаях у нас нет выбора, как только сравнивать феномены жизни народов, изучаемых чтобы вывести наши [умо] заключения из существующих сходств и различий’.

In all these cases nothing is left but to compare the social phenomena of distinct areas and to base our deductions on their similarities and dissimilarities.

‘Во всех этих случаях ничего не остается, как только сравнивать общественные феномены отдельных областей и основывать наши выводы на их сходствах и различиях’.

In the pursuit of these studies we often encounter cases in which the same custom or the same idea is found among peoples so widely separated that a common origin is completely precluded^{4****}. It therefore becomes necessary for us to determine whether there are laws from which follow time and again the appearance of the same phenomenon independently in the lives of different peoples – in other words, whether the development of the human mind follows definite laws.

In the pursuit of these studies we find that the same custom, the same idea, occurs among peoples for whom we cannot establish any historical connection, so that a common historical origin may not be assumed and it becomes necessary to decide whether there are laws that result in the same, or at least similar phenomena independently of historical causes; in other words whether the development of the human mind follows definite laws.

^{3***} Здесь интересно, что в поздней версии Боас заменил выражение *a few culture-regions* (в нем. оригинале Kulturkreise ‘культурный круг’), на *a few cultures* (Stocking 1989: 68, footnote 3).

^{4****} Дж. Стокинг обращает внимание на расхождения в этом месте (ср. *peoples so widely separated that a common origin is completely precluded* и *peoples for whom we cannot establish any historical connection, so that a common historical origin may not be assumed*) (Stocking 1989: 69, footnote 4).

‘Следуя этим исследованиям, часто мы открываем случаи, при которых тот же обычай или ту же идею находят среди народов настолько разделенных, что общее происхождение полностью исключается. Следовательно, нам становится необходимо определить, есть ли законы, из которых раз за разом следует появление того же феномена независимо в жизни разных народов; другими словами, следует ли развитие человеческого ума определенным законам’.

Thus emerges the second great task of ethnology: the discovery of the laws of the lives of peoples – or, as it is usually called, the study of folk-psychology.

‘Так возникает вторая великая задача этнологии – открытие законов жизни народов или изучение психологии народов [фольк-психологии], как это обычно называют’.

(29.)

The first and most important question that must be clarified is whether there are any fixed laws at all according to which the development of peoples progresses, or whether this is just a matter of chance.

‘Первый и наиважнейший вопрос, который должен быть прояснен, есть ли вообще какие-либо постоянные законы, согласно с которыми прогрессирует развитие народов или же это только дело случая’.

We have already cited various examples of the occurrence of similar phenomena in widely separated areas.

‘Мы уже приводили различные примеры распространения сходных феноменов в достаточно разделенных областях’.

In these cases, the ethnologist always perceives two contradictory and equally possible explanations: that both phenomena have sprung from common origins, or that both have developed independently of each other.

‘В ходе этих исследований мы находим, что тот же обычай, та же идея, встречаются среди народов, между которыми невозможно установить историческую связь, так что нельзя допустить [и] их общее историческое происхождение, и становится необходимо решить, существуют ли законы, влекущие за собой те же самые или, по меньшей мере, сходные феномены, независимо от исторических причин; или другими словами, следует ли развитие человеческого ума определенным законам’.

Thus develops the second important task of ethnology, the investigation of the laws governing social life, or as it is generally called, the study of folk psychology.

‘Так развивается вторая важная задача этнологии – изыскание законов, управляющих общественной жизнью, или, как это обычно называют, изучение психологии народов’.

The very first question to be answered is whether there are laws according to which culture progresses, or whether its development is due to accident.

‘Наипервейший вопрос, на который должно ответить, есть ли законы, согласно с которыми прогрессирует культура или же ее развитие обязано случаю’.

We mentioned before examples of the occurrence of similar phenomena in regions far apart.

‘Раньше мы упоминали примеры распространения сходных феноменов в регионах, отстоящих друг от друга’.

In these cases, the ethnologist is always confronted with two equally possible explanations. The two phenomena may have originated from a common historical source or they may have developed independently of each other.

‘В этих случаях этнолог всегда ощущает два взаимоисключающих и равно возможных объяснения: что оба феномена произвело общее происхождение, или же, что оба развились независимо друг от друга’.

‘В этих случаях этнолог всегда сталкивается с двумя равно возможными объяснениями. Два каких-то феномена могут происходить из общего исторического источника или же они могут развиваться независимо друг от друга’.

Only with certain quite general phenomena is one never in doubt.

Only in a few very general cases there can be no doubt.

‘Никогда не вызывают сомнений только определенные, совершенно общие случаи’.

‘Сомнений не может быть только в очень немногих общих случаях’.

For instance, the facts that there are no peoples without religion, that art and social organization exist everywhere, and that everywhere with the progress of civilization the individual becomes freer in that the innumerable proscriptions and rules governing his conduct tend to disappear – all these may from the outset be correctly derived from the mental capacities of mankind.

For instance, the fact that there are no peoples without religion or without art: that everywhere some form of social organization is found, that everywhere with progressing culture the individual becomes freer; because the innumerable arbitrary rules governing his conduct tend to disappear – all these may be justly explained as due to the mental characteristics of mankind.

‘К примеру, те факты, что нет народов без религии; что повсюду существуют искусство и социальная организация, и что повсюду вместе с прогрессом цивилизации индивид становится более свободным потому, что неисчислимые запреты и правила, управляющие им, имеют тенденцию исчезать – все это может быть правильно выведено из ментальных возможностей человечества’.

‘К примеру, тот факт, что нет народов без религии или без искусства; что повсюду находят хоть какую-то форму социальной организации, что повсюду вместе с прогрессирующей культурой индивид становится более свободным потому, что неисчислимые деспотические правила, управляющие его поведением, имеют тенденцию исчезать – все это по праву может быть объяснено так, как будто обязано ментальным характеристикам человечества’.

(30.)

Let us through an example elucidate the method by which folk-psychologists draw their conclusions.

The method of inquiry of the student of folk psychology may also be illustrated by an example.

‘Позвольте нам через пример разъяснить метод, с помощью которого фольк-психологи выводят свои заключения’.

‘Метод изысканий исследователя психологии народов также может быть проиллюстрирован примером’.

It will be seen, then, that the facts collected by the ethnologist play a large, important role in these studies.

‘Далее будет видно, что факты, собранные этнологом, играют большую, важную роль в этих исследованиях’.

(Пропущенный абзац) *The results of recent researches into the development of the family offer an excellent example.*

‘Блестящий пример предлагают результаты недавних исследований развития семьи’.

(–) *The results obtained by recent inquiries into the history of the family present an excellent example.*

‘Блестящий пример представляют результаты, полученные недавними изысканиями в истории семьи’.

(31.)

According to the results of philological and historical researches dealing exclusively with the peoples of the Indo-European language group, it appeared as if the family comprises the foundation of society, and that the tribe, the people, and the state are outgrowths of it.

‘Согласно результатам филологических и исторических исследований, связанных исключительно с народами индоевропейской языковой группы, представляется так, что семья составляет основание общества, и что племя, народ и государство суть ее продукты’.

The results of philological and historical investigations referring to peoples speaking Indo-European languages demonstrated that the family was the foundation of society, and that on this basis the tribe and the state developed.

‘Результаты филологических и исторических исследований относительно народов, говорящих на индоевропейских языках, демонстрируют, что семья была основанием для общества, и что на этой основе развились племя и государство’.

From this point of view, it seemed strange that among many peoples the father was not the unquestioned head of the family, but that often the higher authority is invested in the wife.

‘С этой точки зрения кажется странным, что среди многих народов отец не был неоспоримым главой семьи, но что часто более высокой властью обладалась жена’.

From this point of view, it seemed strange that among some peoples the father was not the head of the family but that often the mother had rights which in later time belonged to the father.

‘С этой точки зрения кажется странным, что среди некоторых народов отец не был главой семьи, но что часто мать обладала правами, которые в более позднее время принадлежали отцу’.

Thus, Herodotus says of the Lycians that the daughters inherited, not the son.

‘Так, Геродот говорит о ликийцах, что дочери, а не сыновья наследовали’.

Thus, Herodotus tells that among the Lycians the daughters inherited from their parents, not the son.

‘Так, Геродот рассказывает, что среди ликийцев дочери, а не сыновья наследовали у своих отцов’.

It is said of the Athenians that up to the time of Cecrops children were named after their mother; and according to Tacitus, the mother's brothers were owed particular respect among Germans.

‘Об афинянах говорилось, что во времена Кекропса детей именовали по их матери, и согласно Тациту, среди германцев особым уважением пользовались братья матери’.

It is told that in Athens at the time of Cecrops children took their names from their mothers, and according to Tacitus the mother's brother enjoyed particular respect.

‘Говорят, что в Афинах во времена Кекропса дети получали имена от своих матерей, и согласно Тациту, особым уважением пользовался брат матери’.

Above all, the numerous tales of Amazons should also be mentioned.

The numerous tales of Amazons may also be mentioned.

‘[И] прежде всего, надо также упомянуть многочисленные сказки об амазонках’.

‘Можно также упомянуть многочисленные сказки об амазонках’.

So long as science sought to solve the question of the development of the family from the standpoint of our culture, these facts could not be explained. Only when we began to place ourselves in the realm of the thoughts and customs of foreign peoples whose development has proceeded independently from our own or which have remained on more primitive levels did an understanding of the true development of the family begin to dawn^{5*****}.

From the standpoint of our culture these customs were unexplainable, but when the customs of primitive people came to be known the history of the development of the family was more readily understood.

^{5*****} После этого места Боас в своем английском переводе радикально меняет текст по сравнению с немецким оригиналом, снабдив его примечанием (*Boas* 1940: 635, footnote). Вместо исходного фрагмента (четыре с небольшим абзаца) он вставляет в позднюю версию статьи текст в скобках, от слов «Среди множества примитивных племен ведется унилатеральный счет происхождения» и до «либо – к обоим линиям» (*Boas* 1940: 635). В оригинале же значилось следующее (*Stocking* 1989: 70–71):

‘Было обнаружено, что развитие, абстрагированное от нашей культуры, нигде не наблюдалось. Куда бы мы ни посмотрели, мы находим примитивные племенные конфигурации, но нигде в их основании нет семьи. Мы повсюду наблюдали, что на самых низких уровнях культуры племена делились на орды мужчин и женщин, и что существовал групповой брак. Мы наблюдаем это состояние, к примеру, в Австралии, где обе орды относятся друг к другу с враждебностью, и каждая имеет своих собственных священных животных и растений. В такой грубой форме это общественное состояние наблюдалось только среди немногих народов, но следы его широко распространены. Так, мужчины и женщины араваков в Южной Америке обладают различными божествами-защитниками, а насельники побережья Сьерра-Леоне различными тайными обществами для мужчин и женщин.

(Абзац.) Следующий часто наблюдаемый феномен есть разделение племени согласно возрастным классам. В таких случаях класс взрослых мужчин получает во владение женщин племени, в то время как более молодой класс совершает набеги на соседние племена и похищает их женщин. Дальнейшее продвижение из этого состояния очевидно у народов, среди которых жена должна быть получена от других племен посредством купли. Это состояние широко распространено среди североамериканских индейцев. Среди них племя делится на несколько кланов. Член одного клана не может жениться на члене того же клана, но вместо этого должен искать жену в другом клане. Во всех таких случаях дети принадлежат к племени жены. Они ничего не должны делать с отцом, а только с племенем, среди которого живут, поскольку принадлежат к племени матери. Следовательно, в случае войны между двумя племенами они оставляют своего отца с тем, чтобы бороться против него.

(Абзац.) Нигде, однако не оказывается это состояние продолжительным, и мы видим, что почти везде оно заменяется посредством выкупа детей из материнского племени, так, что они так становятся собственностью отца. До того, как это случается, они принадлежат полностью к племени матери и остаются под защитой их дяди по матери, которому они также наследуют. Это состояние, которое часто называют матриархатом. Сложение семьи возникает только с покупкой детей племенем отца. Эта тенденция перехода из матриархата в патриархат заявляет о себе повсюду.

(Абзац.) Лишь поскольку эти факты были признаны, стали понятны феномены, упомянутые выше, относящиеся к индоевропейским народам. Их должно осмыслять как пережитки далекого прошлого, в котором отец не являлся еще главой семьи.

(Абзац.) Поскольку только что описанные феномены возвращают к бесконечным вариациям по всему земному шару, мы должны предположить, что и это развитие повсюду в основном то же. Конечно, оно не предполагает, что процесс развития повсюду был совершенно одинаков, но скорее, что его фундаментальные черты повсюду были схожи’.

Факту подмены Боасом столь большей части текста уделяет внимание и Дж. Стокинг (*Stocking* 1989: 70, footnote 5).

‘До тех пор, пока наука видела разрешение вопроса о развитии семьи с точки зрения нашей культуры, эти факты не могли быть объяснены. [И] только [после того], как мы начали помещать себя в царство мыслей и обычаев чужих народов, чье развитие проходило независимо от нашего собственного, или же оставшихся на более примитивных уровнях, стало наступать понимание истинного развития семьи’.

‘С точки зрения нашей культуры эти обычаи необъяснимы, но [после того], как узнали об обычаях примитивных людей, история развития семьи стала более понятной’.

(Пропущенный абзац) *Thus we see from this example that the facts ethnology teaches us imply an important advance for our knowledge of the development of human culture.*

‘Так, из этого примера мы видим, что факты этнологии учат нас [и] заключают в себе важное достижение нашего знания о развитии человеческой культуры’.

—

—

(32.)

(Продолжение абзаца) *One fact derived from these studies cannot be emphasized enough, namely, the relative correctness of emotions which seem so natural to us^{6*****}.*

A conclusion based on investigations of this type should be emphasized. It shows that emotional reactions which we feel as natural are in reality culturally determined.

‘Один факт, выведенный из этих исследований, не может быть переоценен [букв. достаточно выделен], а именно, относительная правильность эмоций, которые кажутся нам настолько естественными’.

‘Необходимо подчеркнуть один вывод, основанный на исследованиях такого типа. Он показывает, что эмоциональные реакции, которые мы ощущаем как природные, в действительности культурно определены’.

It is difficult for us to conceive that the feeling the father bears toward his child should be altogether different among primitive peoples from what it is among ourselves.

It is not easy for us to understand that the emotional relation between father and son should be different from the one to which we are accustomed, but knowledge of the life of people with a social organization different from ours brings about situations in which conflicts or mutual obligations arise of a character quite opposed to those we are accustomed to and that run counter to what we consider “natural” emotional reactions to those to whom we are related by blood.

^{6*****} Очередное место, на расхождении в котором (ср. *It shows that emotional reactions which we feel as natural are in reality culturally determined*) обращает внимание Дж. Стокинг (Stocking 1989: 71, footnote 6).

‘Нам трудно себе представить, что чувство отца к своему ребенку среди примитивных народов должно быть совсем отличным от того, чем оно является среди нас’.

‘Нам нелегко понять, что эмоциональная связь между отцом и сыном должна отличаться от той, к которой мы привыкли, но знания о жизни людей с социальной организацией, отличающейся от нашей, приводят к ситуациям, в которых конфликты или взаимные обязательства принимают характер совершенно противоположный тому, который нам привычен, и противоречат тому, что мы считаем «естественными» эмоциональными реакциями в отношении кровных родственников’.

(33.)

(продолжение абзаца) *We learn from the data of ethnology that not only our ability and knowledge but also the manner and ways of our feeling and thinking is the result of our upbringing as individuals and our history as a people.*

The data of ethnology prove that not only our knowledge, but also our emotions are the result of the form of our social life and of the history of the people to whom we belong.

‘Из данных этнологии мы узнаем, что не только наши способность и знание, но также манера и способы наших ощущения и мышления суть результат нашего воспитания как индивидов и нашей истории как народа’.

‘Данные этнологии доказывают, что не только наше знание, но также наши эмоции суть результат формы нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим’.

To draw conclusions about the development of mankind as a whole we must try to divest ourselves of these influences, and this is only possible by immersing ourselves in the spirit of primitive peoples whose perspectives and development have almost nothing in common with our own.

If we desire to understand the development of human culture we must try to free ourselves of these shackles. This is possible only to those who are willing to adapt themselves to the strange ways of thinking and feeling of primitive people.

‘Чтобы вывести заключения о развитии человечества в целом, мы должны попробовать сами отказаться от этих влияний, и это возможно только [посредством] погружения себя в дух примитивных народов, чьи перспективы и развитие не имеют почти ничего общего с нашими собственными’.

‘Если мы хотим понять развитие человеческой культуры, то должны попытаться освободить себя от этих догм. Это могут сделать только те, кто готов приспособиться к странным способам мышления и ощущения примитивных людей’.

If we use our own feelings in an effort to establish how our ancestors behaved, we should not expect to achieve truthful results, since their feeling and thinking were different from our own.

If we attempt to interpret the actions of our remote ancestors by our rational and emotional attitudes we cannot reach truthful results, for their feeling and thinking was different from ours.

‘Ежели мы употребим наши собственные чувства в попытке установить, как вели себя наши предки, нам не надо ожидать достижения истинных результатов, поскольку их ощущение и мышление были отличными от наших’.

‘Ежели мы попробуем интерпретировать действия наших отдаленных предков с помощью наших же рациональных и эмоциональных подходов, то не сможем достичь истинных результатов, из-за того, что их чувства и мысли были отличными от наших’.

We must reject many presuppositions that seem self-evident to us because precisely such mental states were not self-evident in earlier times.

We must lay aside many points of view that seem to us self-evident, because in early times they were not self-evident.

‘Мы должны отбросить в сторону многие предположения, которые кажутся нам само собой очевидными, потому что именно такие ментальные утверждения не являлись само собой очевидными в более ранние времена’.

‘Мы должны отложить в сторону многие точки зрения, которые кажутся нам само собой очевидными, потому что в ранние времена они не являлись само собой очевидными’.

It is indeed impossible to recognize a priori what in our feelings is common to all mankind and what is only the result of history^{7*****} – except through the teachings of ethnology.

It is impossible to determine a priori those parts of our mental life that are common to mankind as a whole and those due to the culture in which we live. A knowledge of the data of ethnology enables us to attain this insight.

‘Но в действительности *a priori* невозможно распознать, что в наших ощущениях является общим всему человечеству, а что есть только результат истории – если не прибегать к учению этнологии [букв. кроме как посредством учения этнологии]’.

‘Невозможно *a priori* определить, какие части нашей умственной жизни являются общими человечеству в целом, а какими мы обязаны культуре, в которой живем. Возможность достичь этого прозрения дает знание данных этнологии’.

It alone opens to us the possibility of judging our own culture objectively, in that it permits us to strip off the presumably self-evident manner of thinking and feeling which determines even the fundamental part of our culture. Only in this way can our intellect, instructed and formed under the influences of our culture, attain a correct judgment of this same culture.

Therefore it enables us also to view our own civilization objectively.

^{7*****} Последний случай текстуальных расхождений, на который указывает Дж. Стокинг (Stocking 1989: 71, footnote 7) (ср. due to the culture in which we live). Но за ним следует еще одна купюра (заклчительная), на которую он не обращает внимания.

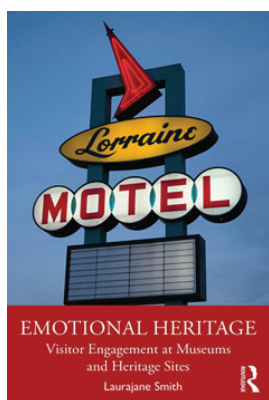

‘Она одна открывает нам возможность объективного суждения [относительно] нашей собственной культуры, чем [она] позволяет нам снять предположительный [т. е. основывающийся на предположении] само собой очевидный образ мышления и ощущения, который определяет даже фундаментальную часть нашей культуры. Только этим путем наш интеллект, обученный и сформированный под влияниями нашей культуры, может достичь правильного суждения о той же самой культуре’.

Следовательно, оно также дает нам возможность объективно смотреть на нашу собственную цивилизацию’.

(пер. с англ. И. В. Кузнецова)

© М.А. Мочалова

Рецензия на книгу: Laurajane Smith. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. London; New York, Routledge 2021. 352 p.

Не будет преувеличением назвать Лаураджейн Смит одной из самых известных и влиятельных ученых в области исследований наследия (*heritage studies*) сегодня. Смит является основателем и первым президентом Ассоциации критических исследований наследия, профессором и главой Центра исследований наследия и музеев Австралийского национального университета, редактором издания «International Journal of Heritage Studies» и автором широко известной и цитируемой книги «Uses of Heritage» (2006). Получив образование как археолог и исследователь индигенности, Смит завоевала международное признание благодаря своим новаторским работам, которые существенно трансформировали современное понимание культурного наследия и научные подходы к его изучению.

«Emotional heritage» — вторая масштабная книга Смит, отчасти развивающая более ранние ее концепции. Первая работа исследовательницы («Uses of Heritage») во многом переопределила академический дискурс в области *heritage studies*, продемонстрировав, как власть, память и идентичность взаимодействуют через практики сохранения и репрезентации наследия. Первая книга Смит посвящена проблематизации культурного наследия как социального и культурного процесса взаимодействия множества акторов в противо-

Мочалова Мария Алексеевна – младший научный сотрудник ИЭА РАН.
e-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru. orcid: 0000-0003-2702-737X

Рецензия подготовлена в рамках проекта, поддержанного РНФ, №24-28-01577 «Инициативы по производству и сохранению памяти и наследия в современной России: акторы, мотивации, механизмы»

Для цитирования: Мочалова М.А. Рецензия на книгу: Laurajane Smith. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. Routledge, London; New York, 2021. 352 p. // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 170-176, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/170-176>

вес традиционному его пониманию как некой совокупности ценных материальных объектов, нуждающихся в трепетной охране. Исследуя различные подходы к наследию, Смит приходит к выводу, что этот процесс, часто также называемый культурным производством, включает в себя множество практик и дискурсов. Это, в свою очередь, определяет наследие как сложный социальный конструкт, неразрывно связанный в первую очередь со взаимодействием людей по поводу культурных объектов. Эти взаимодействия, таким образом, становятся центральным объектом критических исследований наследия, сместив сами «вещи», их материальность с этой позиции.

Центральной разработкой Смит, на которую она опирается и в рецензируемой книге, стала критическая концепция так называемого «авторизованного дискурса наследия» (АДН), до сих пор остающаяся одной из ключевых оптик в изучении практик сохранения и репрезентации культурного наследия. Под АДН исследовательница понимает доминирующий сегодня во всем мире западноцентричный способ определения и обсуждения наследия, который превалирует в профессиональном сообществе музейных работников, реставраторов, археологов и иных экспертов по охране памятников и других культурных мемориальных объектов. Эти эксперты в силу своих профессиональных компетенций, образования и опыта оказываются авторизованными акторами в процессе управления наследием, а дискурс преимущественно фокусируется на материальности, монументальности и эстетической ценности объектов, подчеркивая их древность и необходимость сохранения для будущих поколений. По мнению Смит, такой подход маргинализирует альтернативные, не-экспертные взгляды на наследие и способы его сохранения и репрезентации, существующие в различных культурных и социальных контекстах.

В обеих своих книгах Смит опирается на понимание наследия как процесса, в рамках которого общество осмысляет и обсуждает вопросы коллективной памяти, групповых и локальных идентичностей, распределения и осуществления власти в сфере управления культурой и многие другие вопросы. Через практики сохранения, вспоминания и забвения объектов, признаваемых наследием, люди стремятся найти опору для понимания происходящих в их жизни трансформаций и актуальных общественно-политических вызовов. Таким образом, наследие выступает не столько как набор материальных объектов, сколько как инструмент осмысления настоящего через избирательное обращение к прошлому.

В рецензируемой книге Смит развивает эту критическую линию, обращаясь к эмоциональному измерению взаимодействия с наследием, которое долгое время игнорировалось в рамках АДН. Определяя наследие как процесс и «акт использования прошлого» (С. 3), осуществляемый для лучшего понимания настоящего и поиска отправных точек для будущего, Смит в своей новой работе фокусируется на действии и намерении того, кто взаимодействует с наследием. Она предлагает выйти за границы дискурсивного понимания и рассматривать наследие и как эмоционально заряженное действие, аффективную практику, которая позволяет перформативно использовать прошлое для построения смыслов в настоящем и для настоящего.

Смит во введении задается простым, на первый взгляд, но ключевым для своего исследования вопросом: зачем люди посещают музеи и объекты на-

следия (*heritage sites*)? Наиболее распространенными как для академических, так и прикладных дискуссий ответами она называет обучение и развлечение (досуг), а затем утверждает, что такие предположения определяют посетителей как относительно пассивных потребителей кураторских или иных предложенных для интерпретации сообщений, и предлагает эти сообщения деконструировать. Если этого не сделать, полагает Смит, то значительные аспекты происходящего во время индивидуальных и коллективных посещений таких мест продолжают оставаться вне поля зрения исследователя. В своей работе Смит делает масштабную попытку преодоления этого ограничения и представляет результаты исследования, основанного на широчайшем корпусе данных — 4,5 тыс. интервью с посетителями 45 различных музеев истории и культуры и иных объектов наследия в США, Австралии и Англии.

С самых первых страниц книги Смит погружает читателя в историю, иллюстрирующую, какие именно значительные эмоциональные составляющие опыта взаимодействия с наследием посетителя музея могут быть упущены из виду исследователем. Она рассказывает об интервью с 97-летней женщиной, проведенном у Национального музея иммиграции на острове Эллис в Нью-Йорке. Женщина сообщила Смит, что посетила музей впервые, хотя живет в городе всю жизнь. При этом ее не интересовали музейные экспонаты, а потому в музее женщина пробыла совсем недолго и предпочла экспозиции дворик у воды, где она могла посидеть и «подождать своего отца». Нет, женщина не была сумасшедшей, как она сама заверила Смит. Дело в том, что для отца пожилой дамы, которого она очень любила и уважала, остров Эллис был очень важен всю его жизнь, он проплывал мимо него в далеком 1901 году, по-видимому, прибывая впервые в США. Смит в тексте делится собственной эмоциональной реакцией (она заплакала) на беседу, которая, по сути, была посвящена принятию смерти и умирания, а не обсуждению музея как такового. Для Смит эта история иллюстрирует то, как музеи могут использоваться посетителями — довольно активными и сложными способами, ускользающими от тех, которые традиционно определяются в научной литературе. Далее на протяжении всей книги Смит останавливается на различных подобных историях и представляет в тексте голоса своих собеседников, говорящих о различных неожиданных эмоциональных столкновениях с наследием: как с условно позитивным, так и с диссонантным, связанным с противоречивыми историческими нарративами.

Книга разделена на три части. Первая — «Heritage, Politics and Emotion» (главы 1–3) — представляет теоретическую рамку исследования. Здесь Смит развивает свою критическую концепцию наследия, определяет его как перформативную практику и исследует связь между эмоциями, политикой признания и наследием. Она освещает основные дискуссии, которые ведутся в этой области в течение последних двух десятилетий, говорит о том, как исследователи взаимодействуют с понятиями наследия и используют его как концептуальную рамку в различных проблемных полях.

Отмечу, что в этом разделе книги (глава 1, «Critical realist heritage studies: agency, reflexivity and materiality») Смит представляет свой ответ на некоторое количество критических замечаний по поводу ее концепции «наследия-как-процесса» и АДН, высказанных рядом исследователей за последние 20 лет. Основное направление этой критики связано с подходом Смит

к материальности наследия. Например, Харрисон (2013) и Гонзалес (2018) указывают на ошибочность снижения внимания, уделяемого материальности наследия, в развиваемом Смит и ее последователями подходе. По их мнению, фокус на дискурсивных практиках приводит к тому, что физические объекты становятся лишь приложением к дискурсу, а собственная материальная сложность предметов игнорируется. Более того, антрополог Пабло Алонсо Гонзалес в своей работе «Машины наследия» (2018), опираясь на неомарксистский подход, утверждает, что ее концепция приведет критические исследования наследия как дисциплину к эпистемологическому тупику, поскольку материальная культура начинает восприниматься как субъективный конструкт, а не как объективная историческая реальность, доступная для эмпирического анализа.

Свой ответ критикам Смит основывает на обширном описании позиционирования всех своих исследований в русле критического реализма и уверенности, что существует некоторое распространенное, но неверное понимание ее концепций как оторванных от реальности (С. 29–30). Исследовательница отвечает прежде всего Родни Харрисону как одному из наиболее цитируемых авторов, оспаривающих ее концепцию, называемую им «дискурсивным поворотом» (31), приводящим, по его мнению, к потере из виду аффективных качеств вещей, признаваемых наследием. Смит говорит о таком определении как о «неверной идентификации» (*misidentification*) ее работы, главная цель которой заключалась в демонстрации того, что делает АДН: «взрачивает привилегии» (С. 32) материальности наследия и сводит человеческие ценности, проблемы и стремления к решению «легких» вопросов о том, как сохранить определенные объекты, здания или археологические памятники. На мой взгляд, сама идея развития Смит своей концепции в сторону аффективного поворота, представленная в новой книге и сформулированная в главе 2 («Reconsidering heritage and identity: the politics of recognition and the affective practices of heritage»), основана на ее стремлении ответить критикам на разных уровнях и показать, насколько гибкой является разработанная ею ранее рамка и как удачно она вписывается в общий сохраняющийся последние 40 лет в социальных науках «эмоциональный тренд».

Глава 3 («Registers of engagement») посвящена новому специально разработанному Смит аналитическому инструменту для изучения аффективности наследия — так называемым «регистрам вовлеченности», которые представляют собой некое «эвристическое устройство» (С. 64), помогающее понять и измерить по нескольким показателям то, как люди взаимодействуют с музеями и объектами наследия. Использование регистров позволяет учитывать различные измерения опыта посещения музея и объекта наследия по нескольким параметрам, характеризующим, по мнению Смит, любое вовлечение во взаимодействие с наследием. Данные параметры — это: интенсивность (от поверхностного до глубоко эмоционального взаимодействия), валентность (испытываемые позитивные или негативные эмоции) и ориентация политических и социальных ценностей (от консервативных к прогрессивным/либеральным) (С. 65–66). Смит отмечает здесь, что даже поверхностное взаимодействие может иметь значительные последствия для культурной и политической рефлексии, а глубокое эмоциональное вовлечение не обязательно ведет к критическому осмыслению. Концепция регистров позволяет выйти за рамки традиционной музейной дихотомии «обучение/развлечение»

и понять всю сложность того, как люди используют наследие для создания смыслов в настоящем. Смит показывает, что люди целенаправленно посещают музеи и объекты наследия, чтобы испытывать эмоции. Эти эмоции затем используются для обоснования, трансляции, а порой и оспаривания смыслов, с которыми посетители сталкиваются во время своего визита, что подробнее рассматривается с опорой на материалы интервью в части 3.

Вторая часть книги — «Methods and Quantitative Findings» (главы 4–7) — описывает методологию и количественные результаты масштабного эмпирического исследования, проведенного Смит и ее командой. В главах 4 («Methods») и 5 («Overall findings and national comparisons») Смит подробно описывает историю исследования, места сбора данных, методологию и вопросы, задаваемые респондентам. Исследование проводилось в три периода: в 2004 (эти данные были использованы в «Uses of Heritage»), 2007 и 2010–2013 годах. 4,5 тыс. интервью были собраны в 45 различных музеях и объектах наследия в Англии (2415), США (1143) и Австралии (944). Задавались как открытые, так и закрытые вопросы. Места для интервью выбирались по двум критериям: они либо представляли нарративы национальной истории, либо имели дело со спорным и противоречивым прошлым — трудным наследием. Глава 5 также содержит некоторый сравнительный анализ данных по трем исследуемым странам и определения проблем, которые получают развитие в третьей части книги. В главе 6 («Genres of museums and heritage sites: comparisons») Смит анализирует различия между двумя категориями исследуемых «театров наследия»: представляющими национальные (доминирующие) и диссонантные (трудные, противоречивые) исторические нарративы, а также внутреннюю типологию каждой группы. К первой группе относятся, например, музеи-усадьбы, национальные галереи, военно-исторические музеи. Ко второй — места и музеи, связанные с историей коренных народов, музеи иммиграции, истории рабства и т. п. Исследование Смит показало, что различия между типами мест проявляются сильнее, чем различия между странами. При этом эмоциональная вовлеченность посетителей варьирует в зависимости от типа места, что влияет на то, какие перформативные практики там преобладают. Глава 7 («Demographic variables and visitor responses») сопоставляет демографические и социальные признаки опрошенных (гендер, возраст, этничность, образование и профессиональную принадлежность) с результатами интервью.

Третья часть — «Emotional heritage: themes and performances» — подразделена на 6 небольших глав, представляющих аналитические итоги исследования. В главе 8 («Reassessing learning: changing views and deepening understanding») Смит показывает, как под привычным «языком обучения» маскируются многие другие способы взаимодействия посетителей с наследием. Глава 9 («Performing reinforcement and affirmation: 'it just reinforces a lot of the stuff I think'») во многом продолжает эту идею. Смит приводит примеры того, как опыт посещения «просто укрепляет то, что я думаю» в парадигме посетителя. При этом такое подтверждение может зачастую не иметь ничего общего с кураторскими решениями. Концепция «эмоциональной банальности», связанная с ощущением гордости, комфорта и безопасности, которые создает историческая определенность экспозиции, раскрывается в главе 10 («Emotional banality and heritage-making: the banality of grandiloquence revisited») на примере посещения музеев-усадьб, о которых Смит уже пи-

сала в своих более ранних работах. Эти ощущения связаны с упрочением доминирующего национального дискурса, а в отношении английского общества — еще и классового. Отмечу, что именно усадьбам посвящена единственная переведенная на русский язык статья исследовательницы (Смит 2013), некоторые фрагменты которой вошли в книгу. Глава 11 («Intergenerational communication and connection») представляет использование музеев и объектов наследия в межпоколенческой коммуникации. В обсуждении музеев, играющих свою роль в передаче ценностей и идентичностей между поколениями, Смит включает как реальные разговоры между родителями и детьми в музее, так и «воображаемые беседы» с ушедшими членами семьи. В главах 12 («Heritage and the politics of recognition») и 13 («Heritage, privilege and the politics of misrecognition») центральной проблемой является политика признания, в которой непосредственное участие принимают музеи и объекты наследия. Сначала в контексте репрезентации меньшинств и достижения социальной справедливости Смит показывает, как посетители используют музеи для утверждения собственной идентичности или признания идентичности других, а затем она анализирует связь между наследием, привилегиями и политикой непризнания, демонстрируя, как посетители используют эмоциональные стратегии для защиты от информации, которая может поставить под вопрос их привилегированное положение. Исследовательница переворачивает утверждение о том, что музеи являются безопасными местами для взаимодействия с небезопасными нарративами на примерах столкновения белых посетителей среднего класса с кураторским сообщением, которое они воспринимают «когнитивно диссонантным» (С. 287) и пытаются отвергать легитимность испытываемых эмоций или как-то нивелировать их.

Красной нитью через всю книгу проходит идея о том, что наследие является одновременно политическим и эмоциональным, а посетители активно участвуют в создании его смыслов, а не просто пассивно воспринимают кураторские нарративы. Финальная часть книги убедительно демонстрирует важность аффекта в исследованиях наследия, показывая, как люди используют эмоциональные инструменты для выстраивания или дистанцирования от экспозиций, подтверждая собственное чувство идентичности независимо от содержания и направленности посещаемой выставки. Особенностью книги являются голоса респондентов, представленные через цитаты, удачно иллюстрирующие идеи Смит. Эти реплики посетителей погружают читателя в их удивительно разнообразную рефлексию, порой жесткую и вызывающую негодование, но также часто полную сострадания и принятия.

В завершении хочу отметить, что внимание, пусть и порой критическое, оказанное концепции Смит представителями разных дисциплин, свидетельствует о значимости ее разработок для исследований наследия. Рост интереса к теории наследия и эмоций в России (Николаи 2024), а также удачные находки для настройки собственной оптики, которые непременно обнаружит в ее работах каждый интересующийся исследованиями наследия и памяти, на мой взгляд, определяют необходимость перевода этого и других ее текстов на русский язык.

Литература

Николаи Ф. В. Эмоции, культурное наследие и «ностальгия по будущему» в концепции Лораджейн Смит // Преподаватель XXI век. 2024. № 1–2. С. 346–352.

Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–44.

Gonzalez P. A. The Heritage Machine: Fetishism and Domination in Maragateria, Spain. Pluto Press, 2018.

Harrison R. Heritage. Critical Approaches. Routledge, 2013.

Smith L. Uses of Heritage. London: Routledge, 2006.

Book Review

Mochalova M. A. Book Review: Laurajane Smith. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. Routledge, London; New York, 2021. 352 p. // Антропологии / Anthropologies, 2024, no 2, pp. 170-176, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/170-176>.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Mochalova M. A. | masha.mochalova@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0003-2702-737X> | Junior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

© В. Танайлова

**Влияние диктатуры на управление наследием.
Рецензия на книгу: Minjae Zoh, The Impacts of Dictatorship on Heritage Management. Vernon Press, 2020. 246 p.**

Миндже Зо (Minjae Zoh) работает в Музее Сеульского национального университета в Корее, участвует в различных проектах ЮНЕСКО. Зо имеет степень бакалавра и магистра в области археологии и публичной археологии, а в 2019 г. она получила степень доктора философии в области исследований наследия в Кембриджском университете. Ее квалификационная работа была посвящена изучению взаимосвязи между диктатурой и наследием, в частности тому, как формируется и функционирует «дискурс диктатуры». Именно эта диссертация легла в основу книги, о которой и пойдет речь в рецензии. Зо продолжает работу над своим исследованием, используя разработанный фокус для нового взгляда на те объекты наследия, которые оказались под влиянием авторизованного дискурса диктатуры.

Область исследований наследия прошла через разные периоды концептуализации, но со временем стало понятно, что наследие является частью социально-политического и культурного взаимодействия, оно не просто «выбирается» из некоторого списка материальных объектов, но формируется в процессе публичных и экспертных обсуждений, реализации определенных практик. Встал вопрос о том, какие механизмы лежат в основе конструирования наследия не просто на уровне идеи отдельно взятого актора, а на уровне

Танайлова Валентина Александровна – стажер-исследователь Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). e-mail: valya00763@gmail.com. orcid: <https://orcid.org/0000-0002-2872-8461>

Рецензия подготовлена в рамках проекта, поддержанного РНФ, №24-28-01577 «Инициативы по производству и сохранению памяти и наследия в современной России: акторы, мотивации, механизмы».

Для цитирования: Танайлова В. Влияние диктатуры на управление наследием. Рецензия на книгу: Minjae Zoh, The Impacts of Dictatorship on Heritage Management. Vernon Press, 2020. 246 p. // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 177-182, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/177-182>.

сообщества, разделяющего ценность этого наследия. Исследователи попытались также определить, какие формы властных отношений возникают внутри области наследия и как они влияют на то, что будет определено как таковое. Важным шагом на пути поиска ответов на эти сложные вопросы стала концепция авторизованного дискурса наследия (АДН), предложенная Лораджейн Смит (*Smith, 2006*). Сейчас эту концепцию смело можно назвать одной из самых влиятельных в поле критических исследований наследия. Влиятельность, однако, не означает непогрешимость. Концепция АДН также стала предметом критики, в результате которой разные авторы предлагали свои варианты ее осмысления и уточнения. Предложила свой вариант и Миндже Зо.

В центре внимания автора вопрос о том, кто определяет и контролирует наследие, однако этот вопрос исследуется в контексте диктатуры, что задает новое измерение исследуемой проблемы. Зо исследует, как природа политической системы задает рамки наследия. Мы знаем, что процесс производства наследия предполагает наличие определенного дискурса, и обычно мы подразумеваем самореферентный дискурс. На практике же мы видим, что управление наследием является частью большого социального-политического комплекса принятия решений и подразумевает существование различных управленческих режимов и соответствующих дискурсов. Работа Зо со всей очевидностью демонстрирует ситуацию, в которой акторы наследия являются управляемыми «сверху» теми, кто ставит перед ними определённые задачи и использует рычаги давления, чтобы требовать их выполнения.

Процессы управления наследием изменяются в зависимости от степени открытости системы государственного управления. Автор использует понятие «подотчетности» (*accountability*) и показывает, что разные формы этой подотчетности постоянно влияют на практики и формы наследия. Зо считает, что в условиях функционирования АДН подотчетность и сопутствующая ей ответственность сосредоточены внутри экспертного сообщества, и за пределами этого дискурса все происходит иначе. Каково значение авторизованного дискурса наследия в условиях, когда диктатор переформатирует весь процесс принятия решений в области наследия?

Признание того, что наследие в условиях диктатуры выполняет иную роль, нежели в условиях других политических систем, произошло в последнее десятилетие, когда были проведены важные исследования наследия в сталинскую эпоху, в нацистской Германии или в фашистской Италии. Миндже Зо вносит в эту область свой вклад, работая с темой наследия во времена южнокорейских диктаторов. Зо анализирует, как диктаторы использовали наследие для самопродвижения и как в период становления диктатуры они создавали индивидуальные версии истории и наследия Южной Кореи в соответствии со своими политическими амбициями. Автор наглядно демонстрирует, как их собственные биографические и геополитические связи с отдельными местами и регионами становятся основанием для продвижения наследия этих мест. Результатом этого стало выпадение некоторых регионов и некоторых моментов истории из мемориального пространства Южной Кореи.

Под диктатурой Зо понимает экстремальный режим правления, основанный на манипуляции посредством власти. Многие государства в той или иной форме в определенный момент своей истории оказывались «под властью од-

ного человека» (Zoh 2020: 1). Зо использует понятие диктатуры в качестве собирательного названия для подобных режимов правления. Ссылаясь на Дж. Херцлера, Зо поясняет, что в большинстве случаев диктаторская власть была принята «неортодоксальным, нерегулярным, незаконным образом» путем введения постфактум некоей фикции или запоздалого одобрения с помощью конституционной махинации (Hertzler 1940). Сам характер диктаторского режима определяет важную роль наследия для его функционирования. С его помощью диктатор старается создать определенный нарратив, сконструировать свой образ правителя как единственно подходящего на эту роль и, конечно, легитимировать свой приход к власти.

Используя примеры конкретных кейсов наследия в Южной Корее, Миндже Зо показывает, как наследие становится продуктом диктатуры и, в связи с этим, предлагает заменить концепцию авторизованного дискурса наследия на авторизованный дискурс диктатуры (*authorised dictatorial discourse*) (Zoh 2020: 11–12). Автор утверждает, что этот дискурс выглядит как экспертный дискурс вовлеченного профессионального сообщества, но на самом деле это лишь игра. На практике управление наследием полностью контролируется диктатором, зависит от его эмоций, желаний и целей. Автор не утверждает, что все в мире диктатуры именно так управляют наследием, но она убедительно доказывает, что между любой диктатурой и демократией есть большие различия в том, как формируется дискурс наследия и как он работает.

Взяв в качестве отправной точки одну из экстремальных политических систем, в которой авторитет не подвергается сомнению, а АДН является иллюзией, Зо в конце концов ставит под сомнение его универсальную применимость. В процессе своего исследования Зо также задается вопросом о ценности определенных кейсов в процессе изучения того, что происходит с наследием в условиях диктатуры, но также критически оценивается вопрос о том, является ли АДН универсальной концепцией, полезной для любого рода исследований наследия. В этом смысле работа Зо включается в дискуссию с работами Скреде и Холлиланд (Screde, Holleland 2018), которые выражают свое опасение насчет возможной номинализации понятия АДН и ложной универсализации того, что оно должно означать. Автор поддерживает дискуссию о проблемах выявления агентности в области управления наследием и, в частности, о том, что повсеместное использование концепции АДН «скрывает» того, кто на самом деле несет ответственность за принятие решений и их последствия.

В теоретическом смысле книга очень конкретна и последовательна, что позволяет читателю легко соотнести идеи, предложенные самой Зо, с теми идеями, от которых она отталкивается, и проследить логический ход рассуждений автора. Хотя Миндже Зо обращается к концепции авторизованного дискурса наследия Лораджейн Смит, она отмечает, что не включает в свой анализ никакие критические работы, которые интерпретируют идеи Смит. Зо использует только концепцию Смит, разработанную исследовательницей в 2000-х годах, и работает только с теми смыслами, которые вывела в своих работах сама Смит. Собственным теоретическим вкладом автора является интерпретация АДН и разработка уже упомянутого авторизованного дискурса диктатуры. И хотя ее концепт работает только в связке с представлением о АДН, он ценен тем, что позволяет правильно осмысливать процессы управ-

ления наследием в условиях жестких политических режимов. Миндже Зо также опирается на работы, посвященные исследованию наследия в условиях тоталитаризма, и на работы, которые исследуют период военной диктатуры в Южной Корее (1961–1988).

Хронологические рамки работы соответствует периоду с 1961 по 1988 гг. Это время, когда у власти в Корее находились два диктатора — Пак Чон Хи и Чон Ду Хван. Точкой отсчета для исследования является приход к власти Пак Чон Хи в результате военного переворота в мае 1961 г. Оба южнокорейских военных диктатора уделяли большое внимание теме культурного наследия и внесли значительные изменения в режимы функционирования различных объектов наследия в Корее. Период военной диктатуры был связан с экстремальными решениями в области региональной политики, в соответствии с запросом конкретного диктатора регионы занимали ведущие позиции или же оказывались на обочине политической, культурной и экономической жизни. Выбирая свои исследовательские кейсы, Зо руководствовалась тем, чтобы наглядно продемонстрировать эту избирательность политики Пак Чон Хи и Чон Ду Хвана, особенно в области наследия. В результате автором были выбраны три объекта наследия в регионе Хонам и три в Йоннаме. На их примере автор демонстрирует, как именно диктатура конструирует наследие и для каких целей она его использует. Каждый из объектов наследия Миндже Зо анализирует по четырем параметрам: биография объекта, статус состояния сохранности, статус продвижения объекта в публичное пространство, долгосрочные последствия политики наследия периода военной диктатуры.

В качестве наглядного примера исследовательского подхода Миндже Зо можно обратиться к одному из тех объектов наследия, которые она анализировала в своей книге. В регионе Йоннам в качестве кейса 4 Зо выделяет Гробницы 155 и 98 в районе города Кёнджу. Кёнджу был столицей древнекорейского государства Силла (57 г. до н.э. — 935 г.н.э.) и, в период своего расцвета, одним из самых значимых городов Восточной Азии. Гробницы 155 и 98 были предназначены для правителей династии Силла и их приближенных. Сейчас эти гробницы являются частью так называемых «Исторических территорий Кёнджу». В разделе «биография объекта» Зо пишет, что в 2000 г. исторические территории были внесены в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Она сразу же упоминает о том, что в период правления Пак Чон Хи гробницы стали «образцом» культурного наследия и одним из элементов, на которых зиждился нарратив о древности и силе института власти в Южной Корее. Пак Чон Хи проявлял большой личный интерес к древней истории Кореи и именно он инициировал в 1970-е годы раскопки в гробницах Кёнджу, а после контролировал процесс их консервации. Он корректировал траекторию развития дискурса наследия в Южной Корее в соответствии со своим стремлением напомнить корейской нации о ее величии. В разделе «Статус состояния сохранности» Зо детально описывает, какие археологические работы проводились в гробницах, и подчеркивает, что Пак Чон Хи лично присутствовал на некоторых из них. Особенный интерес Чон Хи проявил к золотой короне Силли, которая была найдена во время раскопок и стала особым и красноречивым символом власти. Естественно, выбранный лично диктатором объект наследия активно продвигался в публичное пространство. Миндже Зо пишет, что на протяжении 1970-х годов в прессе было опубликовано 103 статьи, посвященные истории гробниц и раскопкам в них. Анализ кейса, посвященного гробницам 155

и 98, Зо завершает выводами о механизмах формирования нового объекта наследия, которые были реализованы Пак Чон Хи посредством собственной власти, исходя из личных интересов и потребностей своего режима. Важно заметить, что одновременно с повышенным вниманием к гробницам, другие объекты приходили в упадок, а некоторые и вовсе выпадали из поля наследия, поскольку не вписывались в стратегию управления наследием, осуществляемую диктаторским режимом.

Автор пишет, что, когда она только планировала исследование, легшее в основу книги, в качестве источников она в первую очередь рассматривала интервью с людьми, которые работали с наследием в период диктатуры в Южной Корее. Однако со временем ей стало понятно, что лучше будет сосредоточиться не на экспертах в области наследия, а на самих объектах наследия. Ее главными источниками стали отчеты о раскопках и консервации, сопутствующие фотографии, статистические данные, газетные статьи. Выходные данные последних Зо собрала в таблицы и включила в книгу в виде отдельного приложения, которое само по себе может стать ценным источником информации для исследователей, которые работают с темой культурного наследия в Южной Корее.

Главной целью этой книги было продемонстрировать, как управление наследием в период военной диктатуры в Южной Корее было связано с региональной политикой и как для этого был сформирован авторизованный дискурс диктатуры. Автор показала, как власть реализует механизмы управления наследием, которые имеют на это наследие долгосрочное влияние, ощущаемое до сих пор. Для достижения своей исследовательской цели Зо анализировала следующие вопросы: как и для чего южнокорейские диктатуры создавали, реконструировали и продвигали объекты наследия, выстраивая с их помощью определенные групповые идентичности; сравнивала, что происходило в ситуациях, когда правительство не проявляло интереса к отдельным объектам наследия; уточняла, как под властью диктатора объекты наследия становились основанием для солидаризации общества или уходили в небытие.

Однако результаты работы автора не ограничиваются только лишь демонстрацией авторизованного дискурса диктатуры как рамки для анализа механизмов производства и управления наследием в Южной Корее соответствующего периода. Зо рассматривает АДД как одну из экстремальных форм существования АДН и развивает идею о мягкой и жесткой формах дискурса наследия, которые реализуются в зависимости от формы политического правления. Она обращает внимание на то, что АДН в таком виде, как его описывала сама Л. Смит, скорее всего, может существовать только в демократическом государстве, где сообщество экспертов и профессионалов может иметь большую степень автономности от правительства и способно к самоуправлению.

Я работаю с темой памяти и наследия шесть лет и вижу в книге Миндэ Зо несомненную ценность для себя и коллег, которые работают в той же области. Она не просто обращается к концепции АДН, которая была взята на вооружение многими исследователями после своего появления. Зо предлагает рабочий вариант уточнения этой концепции, что позволяет в свою очередь увеличить тонкость настроек исследовательской оптики и расширить область ее применения. Моя собственная работа с темой наследия и памяти

в Чечне показывает, что исследования механизмов производства и управления наследием без учета фактора политического режима оказываются практически бессмысленными. Книга Зо вносит свой вклад в актуальную и активно дискутируемую тему политики наследия, которой в последнее время уделяется все больше внимания в исследовательских кругах (*Bozoğlu, Campbell, Smith, Whitehead 2024*). Работа имеет четкую логику повествования, точно поставленные задачи и понятную аргументацию. Миндже Зо показывает, что продуманный и выверенный подход позволяет ввести в оборот и проработать концептуальную исследовательскую идею в ограниченном объеме двухсот страниц, шестьдесят из которых могут быть при этом дополнительными материалами.

Литература

Bozoğlu G., Campbell G., Smith L., Whitehead Ch. The Routledge International Handbook of Heritage and Politics. Taylor and Francis Group, 2024.

Hertzler J. Crises and Dictatorship // American sociological review. 1940. Vol 5, № 2. P. 157–169.

Screde J., Holleland H. Uses of Heritage and beyond: Heritage Studies viewed through the lens of Critical Discourse Analysis and Critical Realism // Journal of Social Archaeology. 2018. № 18(1). P. 77–96.

Smith L. Uses of heritage. Routledge Taylor and Francis Group, 2006.

Zoh M. The Impacts of Dictatorship on Heritage Management. Series in World History, Vernon Press, 2020.

Book Review

Tanailova V.A. Book Review: Minjae Zoh, The Impacts of Dictatorship on Heritage Management. Vernon Press, 2020. 246 p. // Антропологии / Anthropologies, 2024, no 2, pp. 177-182, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/177-182>.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tanailova V. A. | valya00763@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-2872-8461> | Trainee researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

